

Основан в 1969 году

Учредители: Академия наук СССР, Институт Латинской Америки

Латинская Америка № 6/2022

Ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН

Издается под руководством Отделения глобальных проблем

и международных отношений РАН

Включен в список ВАК

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

ISSN 0044-748X Индекс 70497 Москва

Главный редактор В.Л.ХЕЙФЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АЛЬКАНТАРА САЭС М. (Ун-т Саламанки (Испания), Боливарианский Папский ун-т Медельина, Колумбия); БАТТЬЯНИ К. (Ун-т Республики (Уругвай), Генеральный секретарь Латиноамериканского совета по общественным наукам; ДАВЫДОВ В.М. (ИЛА РАН, Москва); ЖЕБИТ А. (Федеральный ун-т Рио-де-Жанейро, Бразилия); ИВАНОВСКИЙ З.В. (ИЛА РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва); КОВАР-РУБИАС ВЕЛАСКО А. (Колехио де Мехико, Мексика); КОНСТАНТИНОВА Н.С. (ИЛА РАН, Москва); КОФМАН А.Ф. (ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, Москва); ЛЕОНОВ Н.С. (Москва); МАРТИНЕС ПЕРЕС Х. (Национальный автономный ун-т, Мексика); МАРТЬЯНОВ Б.Ф. (МГИМО МИД России, Москва); МАССОН СЕНА К. (Кубинский ин-т культурных исследований им. Хуана Мари-ельо, Куба); НОЛЬТЕ Д. (Немецкий ин-т глобальных проблем, Германия); ОКУНЕВА Л.С. (МГИМО МИД России, Москва); РУВИНСКИЙ В. (Ун-т ИСЕСИ, Колумбия); СЕРБИН А. (Региональный центр координации экономических и социальных исследований, Аргентина); СУДАРЕВ В.П. (ИЛА РАН, Москва); ТИКНЕР А. (Ун-т Росарио, Колумбия); ХЕЙФЕЦ В.Л. (главный редактор журнала «Латинская Америка», Москва); ХЕЙФЕЦ Л.С. (СПбГУ, Санкт-Петербург); ШЕСТОПАЛ А.В. (МГИМО МИД России, Москва); ШКОЛЯР Н.А. (ИЛА РАН, Москва); ЩЕЛЧКОВ А.А. (ИВИ РАН, Москва); ЩЕТИНИН А.В. (МИД России, Москва); ЯКОВЛЕВ П.П. (ИЛА РАН, РЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва); ЯНКЕЛЕВИЧ П. (Колехио де Мехико, Мексика)

КОРРЕСПОНДЕНТЫ: И.М.КУРГУЗОВ — В САНТЬЯГО, kim-la@mail.ru

А.Ю.ЧУРИКОВ — В КАРАКАСЕ, achurikov@list.ru

Над номером работали: С.Е.АЛЕКСАНДРОВ, К.Э.ДАБАГЯН, А.Б.НОВИКОВА, А.Э.САЛТАЙС (зав. редакцией)

Адрес редакции: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21

Телефон: 8-495-951-01-67; электронная почта: revistala@mtu-net.ru

© Российская академия наук, 2022.

© Составитель: Редакционный совет журнала «Латинская Америка», 2022.

Latinskaya Amerika N 6/2022

(Latin America)

Founded in 1969

Established by

Academy of Sciences of the Soviet Union

Institute of Latin America

Scientific, social and political journal of Russian Academy of Sciences

Issued monthly

Published under the authority of the Global Problems

and International Relations Department of the RAS

Included in the list of the Higher Attestation Commission

Included in Science Index, Russian Science Citation Index on the base of Web of Science

ISSN 0044-748X Index 70497 Moscow

Chief Editor VICTOR L.HEIFETS

EDITORIAL BOARD:

ALCANTARA SAEZ M. (Salamanca University (Spain), Bolivarian Pontifical University of Medellin, Colombia); BATTHYANY K. (University of Republic, Uruguay), the Latin American Council of Social Sciences; DAVYDOV V.M. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); COVARRUBIAS VELASCO A. (College of Mexico, Mexico); ZHEBIT A. (Federal University of Rio de Janeiro, Brazil); IWANOWSKI Z.W. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KHEIFETS V.L. (editor in chief, Russia); KHEIFETS L.S. (Saint-Petersburg State University, Russia); KONSTANTINOVA N.S. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KOFRMAN A.F. (Institute of World Literature and Arts, RAS, Russia); LEONOV N.S. (Russia); MARTINEZ PEREZ J. (National Autonomous University, Mexico); MARTYNOV B.F. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); MASSON SENA C. (Cuban Institute for Cultural Studies Juan Marinello, Cuba); NOLTE D. (German Institute of Global Affairs, Germany); OKUNEVA L.S. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); ROUVINSKY V. (ICESI University, Colombia); SCHELCHKOV A.A. (Institute of General History, Russia); SCHETININ A.V. (Ministry for Foreign Affairs of Russia, Russia); SERBIN A. (Regional Coordinating Center for Economic and Social Studies, Argentina); SHESTOPAL A.V. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); SHKOLNIK N.A. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); SUDAREV V.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); TICKNER A.B. (University of Rosario, Colombia); YAKOVLEV P.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); YANKELEVICH P. (College of Mexico, Mexico)

Correspondents: I.M.KURGUZOV — in SANTIAGO, kim-la@mail.ru
A.Yu.CHURIKOV — in CARACAS, achurikov@list.ru

The present issue of journal by S.E.ALEKSANDROV, K.E.DABAGIAN, A.B.NOVIKOVA, A.E.SALTAIS (managing editor)

Editorial address: 21 Bolshaya Ordynka Str., 115035 Moscow, Russia
Phone number: +7 495 951 01 67; e-mail: revistala@mtu-net.ru

© Russian Academy of Sciences, 2022.

© Compiler: Editorial Board of «Latinskaya Amerika», 2022.

В НОМЕРЕ:

- 6 Поздравляем победителей!**
7 В.Л.Хейфец. Обращение к читателям

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

- 9 Хорхе Инсунса Грегорио де лас. Эрас. Правительство Габриэля Борича и знамение времени**

ПОЛИТИКА

- 26 Луис Тилеманн Эрнандес. «Собственное политическое лидерство»**
42 А.А.Щелчков. Хайме Гусман, гремиализм, наследие диктатуры в современной чилийском политике

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 57 Л.В.Дьякова. На перекрестке глобального и локально-го. Антарктическая политика Чили на современном этапе**

ЭКОНОМИКА

- 69 Д.Н.Ершов. Либерализация валютно-финансового регулирования в Чили, Мексике и Бразилии**

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

- 83 Кристина Мойано Бараона. Новое настоящее? Интерпретативные дискуссии об историческом времени, Чили 2019—2021**

ВСТРЕЧИ, ИНТЕРВЬЮ

- 96 «Не очевидно, что нынешние события приведут к эффективному преодолению устоявшегося порядка». Интервью с чилийским историком Серхио Грес Тосо**

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЧИТАННОМ

- 104 Арели Роблес Эррера, М.Л.Бежиашвили. Российский взгляд на историю Колумбии**
110 Прием в аспирантуру ИЛА РАН

SUMARIO

- 6 ¡Felicitamos a los ganadores!**
- 7 Victor Jeifets. Mensaje a los lectores**
-
- EN DIRECTO**
-
- 9 Jorge Insunza Gregorio de las Heras. Gobierno Gabriel Boric y el signo de los tiempos**
-
- POLITICA**
-
- 26 Luis Thielemann Hernández. La «cabeza política propia»**
- 42 Andrey Schelchkov. Jaime Guzmán, gremialismo, herencia de la dictadura en la política chilena contemporánea**
-
- RELACIONES INTERNACIONALES**
-
- 57 Ludmila Diákova. En el cruce de lo global y lo local. La política antártica de Chile en la actualidad**
-
- ECONOMIA**
-
- 69 Dmitri Ershov. La liberalización monetaria en Chile, México y Brasil**
-
- NOTAS POLEMICAS**
-
- 83 Cristina Moyano Barahona. ¿Un nuevo presente? Las disputas interpretativas en torno al tiempo histórico, Chile 2019—2021**
-
- ENCUENTROS, ENTREVISTAS**
-
- 96 «No está dicho que los acontecimientos en curso desembocarán en la superación efectiva del orden actual». La entrevista con el historiador Sergio Grez Toso**
-
- REFLEXIONANDO SOBRE LO LEIDO**
-
- 104 Areli Robles Herrera, María Bezhiashvili. La historia de Colombia vista por los rusos**

CONTENTS

6 Congratulations to the winners!

7 Victor Heifets. Message to readers

WORD FOR WORD

9 Jorge Insunza Gregorio de las Heras. Gabriel Boric' government and the sign of the times

POLICY

26 Luis Thielemann Hernandez. The «own political leadership»

42 Andrey Schelchkov. Jaime Guzman, gremialism, the legacy of dictatorship in modern Chilean politics

INTERNATIONAL RELATIONS

57 Ludmila Diakova. At the crossroads of global and local. Chile's Antarctic policy at the present stage specifics

ECONOMY

69 Dmitri Ershov. Monetary liberalization in Chile, Mexico and Brazil

POLEMIC NOTES

83 Cristina Moyano Barahona. A new present? The interpretative dispute about historical time, Chile 2019—2021

MEETINGS, INTERVIEWS

96 «It is not said that the current events will lead to the effective overcoming of the current order». The interview with the Chilean historian Sergio Grez Toso

THINKING ABOUT READ

104 Areli Robles Herrera, Maria Bezhiashvili. Russian view on the history of Colombia

Поздравляем победителей!

Редакция журнала подвела итоги конкурса на лучшую публикацию 2021 г. В голосовании по некоторым номинациям развернулась нешуточная борьба, претендентов на победу было несколько, и итоги определились в последний момент.

Представляем результаты нашего конкурса.

В номинации «Экономика» победил **Хорхе Альберто Лопес Аревало** (статья «Экономическая политика так называемой четвертой трансформации»).

В номинации «Политика, социальные проблемы» победу одержал **Р.В.Костюк** (статья «Левые социалисты в современной Латинской Америке: идеология и политика»).

В номинации «Международные отношения» лучшей признана **К.А.Коновалова** (статья «Парагвай и фактор лидерства Бразилии в регионе»).

В номинации «История» больше всего голосов получил **Г.А.Филатов** (статья «Идея превосходства в системе взглядов каталонских националистов. Конец XIX — начало XX веков»).

В номинации «Культура» победителями стали **Е.А.Виноградова и Н.А.Вагнер** (статья «Цифровизация Латинской Америки в культурной сфере»).

От всей души поздравляем наших победителей!

Конкурс, несомненно, будет продолжен. Просим вас, уважаемые коллеги, присыпать ваши предложения по лучшим статьям 2022 г. не позднее 15 марта 2023 г. Результаты рейтингового голосования будут объявлены в апреле-мае.

Надеемся, что вы останетесь нашими верными авторами и читателями на долгие годы!

Уважаемые читатели!

Перед Вами шестой номер «Латинской Америки» за 2022 год. Он почти полностью посвящен Чили и событиям в этой южноамериканской стране в последние годы. Плебисцит и последние президентские выборы, радикально изменившие политическое лицо страны, вынесли Чили на первые страницы СМИ и научных изданий.

Чилийский феномен нынешнего социально-политического кризиса контрастирует с долгой историей стабильного развития, претендовавшего на звание «чилийского чуда». Разрушены многие стереотипы аналитиков от политических и социальных наук. Впрочем, им на смену нередко приходят завышенные ожидания и полуостороженные речи о «новом Сальвадоре Альенде» в Ла Монеде.

Междуд тем плебисцит и перспектива конституционной реформы, возможность переоснования республики побуждают не только вырабатывать новое предложение для страны, получающей впервые право реализовать подлинный народный суверенитет в выработке конституции. Этот путь непрост и тернист, и многие эксперты опасаются по поводу стремления институциональных политических партий выхолостить этот процесс, сохранив статус-кво под новыми политическими формами. Авторы выпуска анализируют перипетии современной политики страны, неизбежно выстраивая ряд исторических параллелей, исследуют важные направления внешней политики и экономики Чили.

Номер открывается выступлением бывшего министра и экзактивиста Партии за демократию (*Partido por la Democracia*) Хорхе Инсунсы Грегорио де лас Эрас. Критически глядя на триумф Габриэля Борича, автор утверждает, что ключами победы президента стали «демократическая энергия процесса» и «реформистская, а не революционная природа», а это неизбежно повышает риск возврата консерваторов к власти.

С его точкой зрения во многом полемизирует Луис Тилеманн (Университет Финнис Терраэс), показывающий, что нынешнее левые и «народное» большинство формируется, как минимум, с 2006 г. и может создать реальный народный социальный альянс или новый класс, в котором пока доминируют активные средние слои.

Сотрудник ИВИ РАН Андрей Щелков обращается к анализу истоков и деятельности Независимого демократического союза, правой политической силы, опирающейся на широкую поддержку народных слоев и являющейся наследником гремиалистов времен диктатуры Пиночета.

Сложные дискуссии вокруг исторического времени и коллективного сознания для решения проблем настоящего и будущего, возникших в результате социального бунта 18 октября 2019 г. анализирует профессор Университета Сантьяго-де-Чили Кристина Бараона Мойано.

«Политический» блок материалов завершает интервью с видным историком Серхио Грес Тосо. Исследуя процесс реорганизации и расширения народного социального альянса и анализируя причины триумфа коалиции во главе с Габриэлем Боричем и ее перспективы, Серхио Грес делится с читателями видением сложившейся в Чили политической ситуации.

Сотрудница ИЛА РАН Людмила Дьякова рассматривает политику Сантьяго в антарктическом регионе, выявляя ее основные направления и приоритеты в контексте особого международно-правового статуса Антарктики. Этот сектор играет особую роль в мировоззрении чилийцев, а современные особенности позиции Чили связаны с желанием выстроить долгосрочную стратегию, отвечающую как национальным интересам, так и международным правовым нормам.

Наконец, сотрудник Научно-исследовательского института при Минфине РФ Дмитрий Ершов анализирует эволюцию и современное состояние валютно-финансового регулирования в контексте экономической политики Чили, Мексики и Бразилии. Обращаясь к изучению успешного опыта этих стран, автор поясняет, как Чили сумела противостоять внешним шокам и сохранять значительную степень финансовой стабильности, усиливая позиции страны в мировой торговле.

Статьи номера выдержаны в академических традициях, но многие аргументы авторов сознательно нацелены на дискуссии среди латиноамериканистов. Чили уже не оказывалась на острие научных дебатов как в СССР, так и в постсоветской России. Надеемся, что материалы нынешнего выпуска в значительной степени обогатят научное знание и расширят рамки научных споров.

Главный редактор
В.Л.ХЕЙФЕЦ

Jorge Insunza Gregorio de las Heras

Gobierno Gabriel Boric y el signo de los tiempos

Resumen: El artículo sostiene que el triunfo del presidente Boric se sustenta en una corriente de fuerzas que tiene el carácter de lo que Maquiavelo atribuía a la Fortuna y que Hegel llamaba un espíritu de época, esto es, un momento en el que las tendencias de la sociedad, el clima de la opinión pública y los juicios dominantes en la ciudadanía permitieron la hegemonía de un proyecto de reformas profundas. Asimismo, la energía democrática del proceso y su naturaleza más reformista que revolucionaria, permitió que Gabriel Boric superara al candidato comunista (Daniel Jadue) y a la populista de izquierda (Pamela Jiles), para luego derrotar al candidato de la ultraderecha en la segunda vuelta. Ese “mar de fondo” tiene al mismo tiempo contradicciones, valores en disputa y riesgos de regresión conservadora, por la propia dinámica radical que el período incuba. En ese contexto, plantea que Boric debe evitar la tentación jacobina, equilibrar sus virtudes idealistas con un mayor realismo de la acción y, sobre todo, estructurar una nueva coalición, más amplia y sólida, en torno a un proyecto de reformas estructurales en Chile.

Palabras clave: política chilena, nueva coalición política, Gabriel Boric, regresión conservadora.

DOI: 10.31857/S0044748X0020406-5

ПРАВИТЕЛЬСТВО ГАБРИЭЛЯ БОРИЧА И ЗНАМЕНИЕ ВРЕМЕНИ

В статье выдвигается тезис о том, что победа президента Габриэля Борича опирается на те силы, характер которых Макиавелли называл Фортуной, а Гегель — духом эпохи. Это тот момент, когда тенденции в обществе, в целом климат общественного мнения и доминирующие суждения граждан позволили одержать верх проекту глубоких реформ. Демократическая энергия процесса и его больше реформистская, чем революционная природа позволили Боричу обойти на выборах кандидатов от коммунистов (Даниэля Хадуе) и левых популистов (Памелу Хилес) и одержать верх над кандидатом от ультраправых во втором туре. Конечно, подобная ситуация таит в себе и противоречия, и спорные ценности, и риск возврата консерваторов, что объясняется самой радикальной динамикой текущего периода.

Jorge Insunza Gregorio de las Heras es abogado, fue Diputado de la República y Ministro de la Presidenta Michelle Bachelet. Actualmente se desempeña como abogado y consultor en comunicación estratégica (cokeinsunza@gmail.com).

Хорхе Инсунса Грегорио де лас Эрас

В этом контексте автор полагает, что Боричу следует избегать якобинских подходов, уравновесить свои идеалистические представления с более реалистичными действиями и при реализации структурных реформ в стране сосредоточить внимание на формировании новой коалиции — более широкой и действенной.

Ключевые слова: политика Чили, новая политическая коалиция, Габриэль Борич, консервативный регресс.

DOI: 10.31857/S0044748X0020406-5

Статья поступила в редакцию 02.04.2022.

Un año antes de asumir la presidencia de la República, Gabriel Boric no era candidato al cargo. Tenía un liderazgo reconocido en el país y era una de las principales figuras de su generación, pero esa decisión no estaba en su horizonte inmediato. Incluso, en las encuestas tampoco se avizoraba como uno de los presidenciables favoritos. Su candidatura surge como necesidad para las elecciones primarias: el Frente Amplio debía presentar su propia opción para competir con Daniel Jadue, el candidato del PC, que en ese momento era el favorito de la coalición.

Lo que parecía inicialmente una candidatura testimonial se transformó en la vencedora. ¿Por qué? o ¿qué explica ese giro en los acontecimientos? En retrospectiva, se podrá reconstruir la sucesión de los hechos y episodios que marcaron esa ruta: la épica previa para lograr las firmas de su inscripción en las primarias, la *performance* en los debates, los gestos al Partido Socialista, el peso del fenómeno anticomunista, los errores del propio Jadue; y, luego, los hitos políticos y simbólicos de la campaña de la primera vuelta y su giro y apertura de la segunda vuelta. En ellos se encontrarán las claves que forjaron la identidad de Boric y le permitieron el triunfo.

Sin embargo, creo que es útil explorar otra variable, que normalmente opera como un mar de fondo: el carácter o signo de los tiempos. Maquiavelo asociaba esa idea a la noción greco-romana de la diosa de la *Fortuna*, Hegel la trata como el *espíritu de la época* y, en las corrientes políticas modernas, el pensamiento conservador la aborda como parte de la Providencia, mientras que la tradición marxista la observa como un lazo entre las condiciones objetivas y subjetivas de una situación revolucionaria. Miradas con detenimiento, todas ellas aluden a los rasgos que marcan una etapa, a un espíritu dominante del momento, a fuerzas que articulan un destino o a un impulso que se vuelve hegemónico. Todas son variables intangibles, pero que operan y tienen su propio peso fáctico, que son en sí mismas un factor de poder.

Sin embargo, para ninguno de esos autores son corrientes únicas o excluyentes. Más bien al contrario, están sujetas a contradicciones y ambivalencias, a creencias, ideas, valores y normas en disputa y, aún más, en evolución, jamás estáticas. En Maquiavelo prevalecía la advertencia de que la Fortuna podía ser veleidosa, que depender solo de ella era una fuente de debilidad y que, incluso, al ser así, podía ser la causa del destino trágico de un príncipe. Hegel nunca dejó de considerar el *espíritu de la época* como un

Хорхе Инсунса Грегорио де лас Эрас — адвокат, бывший депутат чилийского парламента и министр в правительстве президента Мишель Бачелет. В настоящий момент — консультант в области стратегической коммуникации (cokeinsunza@gmail.com).

fenómeno dialéctico, que requiere de un acercamiento a las condiciones y circunstancias que condensa un período y que, al mismo tiempo, está en movimiento y cambia. La aproximación religiosa a la Providencia es la de una disputa eterna con el mal, que muchas veces logra vencer y tener un lugar entre los hombres. Y, a su vez, los juicios históricos de Marx tendían a seguir en este punto a Hegel y, de hecho, pensaba las revoluciones como una etapa de transición de una época a otra, de una sociedad a otra, con riesgos de retrocesos, como a él mismo le tocó enfrentar en torno a los movimientos revolucionarios de su tiempo.

El punto siempre difícil de dilucidar es si algunas de las corrientes dominantes serán un punto de inflexión sustantivo, suficientemente fuerte para marcar una época o un ciclo entero, o serán solo un hiato, es decir, un período relativamente acotado, aunque intenso, que deja una huella sin alterar realmente los patrones de una etapa histórica. A mi juicio, el triunfo de Boric está asociado a una corriente dominante, a un espíritu de los tiempos, pero cuya hegemonía no está asegurada y, por lo tanto, enfrenta riesgos de regresión o reformulación conservadora. Pensar distinto es creer que se está, por fin, ante un “fin de la historia” de carácter progresista.

RASGOS DEL MOMENTO

Explorar este aspecto de nuestra realidad política permite advertir sus desafíos, indagar la naturaleza de ella y ponderar las contradicciones en juego, que ocurren en una sociedad más compleja, más diversa y más abierta al mundo. Separaré algunas variables, tratando de hacer distinciones sobre ellas, para luego reunir esas observaciones en algunas preocupaciones políticas sobre la presidencia de Gabriel Boric.

El estado de ánimo de la ciudadanía

El estallido social fue una expresión del malestar y la ira contenida, tanto en sectores populares como en la clase media. Fue el cambio cualitativo de una acumulación de desilusiones, frustraciones e indignación por las desigualdades que no hemos sido capaces de superar, la exasperación frente al abuso y la corrupción y la pérdida de esperanzas en el progreso del país, como también en el progreso personal. La pérdida de legitimidad de las instituciones y de la propia democracia se volvió evidente y nítida; por eso la idea de una nueva Constitución adquirió tanto peso y pudo encauzar la crisis.

Pero, al mismo tiempo, al lado de la ira popular, que es un fenómeno de los sectores activos de la ciudadanía, hay también una desesperanza más sorda, políticamente inactiva, pero tanto o más profunda e igualmente viva que el malestar. Es lo que está detrás de la alta abstención en todas las últimas elecciones, que normalmente supera el 50%. De hecho, a pesar de la importancia y simplicidad del plebiscito por la nueva Constitución, en octubre de 2020 sólo participó un 51% del electorado *versus* el 89,1% del plebiscito de 1988. Un contraste enorme y sintomático.

Vale decir, hay descontento y se mantiene latente la indignación, pero es más honda la desesperanza. Ésta tiene rasgos estructurales y constituye — en ese sentido — un auténtico espíritu de época.

¿A qué me refiero con eso?

En primer lugar, es un escepticismo ante el futuro. Para precisar, es algo distinto a la falta de expectativas dado que no se limita a aspiraciones o demandas concretas. Tampoco es un mero pesimismo, que podría considerarse circunstancial o propio de una coyuntura económica. Y no es un juicio que se reduzca a la política y sus ripios, sino que es un juicio fundado en las corrientes globales que se observan y en la sensación que se tiene sobre el país.

Hasta hace un tiempo la categoría que condesaba esos rasgos era la noción de incertidumbre y la conceptualización que hizo el sociólogo alemán Ulrich Beck sobre “la sociedad del riesgo”. En las últimas décadas, en que los éxitos de la globalización atraparon la imaginación de muchos sectores, no solo de las élites, hubo espacio político para el relato de que se podía enfrentar la incertidumbre desde el desafío y las oportunidades, a base de la competitividad, la flexibilidad laboral a nivel mundial, las ventajas de abrirse a los mercados mundiales, el entusiasmo con las revoluciones tecnológicas y la valoración de la diferencia y el multiculturalismo, que permitirían contener o moderar los peligros.

Actualmente, aunque subsiste, ese entusiasmo dejó de ser hegémónico. A partir de 2001, por los atentados del fundamentalismo islámico y las guerras que empujó Estados Unidos, y sobre todo a causa de la crisis global del año 2008, esa incertidumbre se volvió amenazante en casi todo el mundo: subsiste la fragilidad económica, la inestabilidad del trabajo afecta a sectores populares y debilita a las clases medias, resurgen las guerras nacionalistas y el integrismo, los estados fallidos agravan las corrientes migratorias. Al igual que los gobiernos, las instituciones globales resultan impotentes en su esfuerzo por contener esos procesos, propiciando así fenómenos populistas, liderazgos autoritarios y conflictos militares. Esa tensión subsistirá en las próximas décadas. Es un factor latente en la mente de la ciudadanía; es visto como una realidad que nos rodea, no sólo como lejanas “noticias” del mundo.

En segundo lugar, ese decaimiento de la idea de progreso, ya sea por las crisis económicas, las tensiones geopolíticas, el cambio climático o los riesgos del reemplazo del trabajo por nuevas tecnologías, derivan en lo que la académica española MÁRIAM MARTÍNEZ-BASCUÑÁN llama una “democracia sin promesa”. A su juicio, “la legitimidad de la democracia liberal había dependido hasta ahora de una narración que contenía esa idea de progreso. Desde la Revolución Francesa, toda la historia de las ideas se caracterizó por alimentar un precepto fundamental: el camino hacia una humanidad más próspera. Para algunos filósofos esto significaba que la humanidad sería más racional (Hegel), más pacífica (Kant), más libre (Stuart Mill), más igualitaria (Tocqueville o Marx)**. Lo que tiende a ocurrir, por el contrario, es que “se nos ha esfumado la idea de progreso, se ha quebrado el pacto hobbesiano del Estado protector y se ha deshecho la red de cohesión social que garantizaba una importante dosis de legitimidad hacia los sistemas políticos que ahora se tambalean”***.

Si aplicamos esa reflexión a nuestro país, queda claro que esa fue la esperanza que despertó la independencia frente al dominio español, es el debate

* *Democracia sin promesa*. MÁRIAM MARTÍNEZ-BASCUÑÁN. El País de España, 22 de agosto de 2016.

** Ibidem.

que cruzó los orígenes de nuestra República y, a medida que se amplió la democracia, es la pugna entre los grandes proyectos históricos que marcan nuestras corrientes políticas: la revolución desarrollista de la izquierda, incluida sus versiones revolucionaria y socialdemócrata, el reformismo socialcristiano y el reemplazo del viejo corporativismo de derecha por el neoliberalismo conservador que articuló la dictadura. La transición a la democracia representó esa aspiración de progreso e igualdad por al menos dos décadas, pero comenzó a decaer en paralelo a esta crisis global post 2008. Frente a ella, Michelle Bachelet representó la idea de la protección social frente la fragilidad de la vida y Sebastián Piñera la ilusión de que habría crecimiento y seguridad. El estallido de 2019 es la ruptura de ese imaginario y, en ese sentido, la nueva Constitución y la elección de Boric son la esperanza de un nuevo proyecto, pero para la ciudadanía activa, no todavía para esa ciudadanía que mantiene un cauto escepticismo o conserva una distante desesperanza.

En tercer lugar, el relato contra la globalización, que en algunas de sus vetas también lo es respecto del neoliberalismo, se articula en torno a la impotencia de los Estados, a su incapacidad de contener o encauzar los cambios que los sobrepasan. Es lo que sucede con la irrupción de las tecnologías en el empleo, la destrucción o reemplazo de empresas o rubros enteros, la hondura del cambio climático, el peso de la vieja geopolítica en las tensiones actuales, el sincretismo cultural que se riñe con tradiciones y creencias. En torno a estos cambios, cuya acumulación genera inestabilidad, la posibilidad del progreso es reemplazada por los discursos más apocalípticos, por la imaginación distópica que demanda ser enfrentada desde el control, de algún tipo de certeza y seguridad, que a su vez suele ubicarse en la identidad, ya sea de una comunidad, de una clase, de una etnia, de la nación o simplemente de grupos de poder.

En ese sentido, la retórica apocalíptica — que Boric también tiende a utilizar — trata de re establecer esa promesa de certeza y seguridad: un conjunto de males que exigen una respuesta moral y política; un miedo al cual ofrecen solución. Detrás de esa aspiración sobrevive la idea del Estado moderno, esto es, que las sociedades pueden dirigir la política, que las leyes pueden definir límites y controlar los hechos, y que la democracia puede gobernar conforme a las decisiones de la mayoría. Esa promesa sigue latente en el discurso público y está más presente — de nuevo — en la ciudadanía activa o más politizada, tanto progresista como conservadora. Está en la base del *slogan* de la campaña por el Brexit, “recuperemos el control”; está en el sustrato de las corrientes nacionalistas y del republicanismo comunitario, que busca recuperar el poder de los contornos conocidos *versus* los globalistas; y late detrás de los movimientos identitarios que se transforman en un auténtico refugio de certezas esenciales, atávicas y ojalá inamovibles (respecto de la naturaleza, pueblos y culturas ancestrales, trabajos y oficios, etc.). Ese activismo, luego, se manifiesta en el ejercicio del voto, en la movilización social y en la participación ciudadana que quiere ser incidente, pero también en la polarización y la intolerancia.

A su vez, en contraste con ella, la desesperanza de amplios sectores sociales se explica (consciente o inconscientemente, explícita o implícitamente) en la creencia de que votar, movilizarse o participar no va a cambiar realmente el estado de las cosas o que hay tendencias que tienen su propia dinámica al

Хорхе Инсунса Грекорио де лас Эрас

margen de cualquier poder. En muchos casos es la aceptación madura de los fenómenos políticos, pero en muchos otros es la nueva versión de un cierto “orden natural”, más bien pesimista o fatídico, de que un cambio real no es posible. La diferencia entre una actitud y la otra, a mi juicio, radica en que el escepticismo es una actitud política que se mueve desde la prudencia y la madurez crítica de la población frente a la inestabilidad o la inseguridad, que puede ser muy valiosa y éticamente consistente. A partir de ese escepticismo se pueden movilizar valores civilizatorios. Pero también, obviamente, puede derivar en rasgos cínicos que privilegien el mero interés personal, la relación pragmática u oportunista hacia la autoridad y el desinterés respecto del bien común o un propósito colectivo.

Vale decir, la inestabilidad de la era de cambios acelerados a la que asistimos deambula entre dos polos: esa ilusión del control que el populismo catastrofista suele usar de un modo conservador (ya sean conservadores de izquierda o de derecha) y que necesita un enemigo, un chivo expiatorio en torno al cual concentra los males y peligros del presente, como los inmigrantes, los marginales o la élite, otras naciones o poderes ocultos; y un juicio de realidad más aterrizado, prudente y realista, que acepta la finitud de la política en la resolución de los problemas y que los asuntos públicos requieren de gradualidad y esfuerzo. Esa tensión entre la tentación populista que alienta la polarización y el facilismo y las vetas más sanas del escepticismo, que permite una mirada crítica, nos va a acompañar por un buen tiempo.

En cuarto lugar, mirando más específicamente el caso de Chile, estos fenómenos y tendencias se han agudizado en los últimos años por la rigidez de nuestro régimen político y la fragmentación del sistema de partidos. Para los últimos gobiernos ha significado el bloqueo de sus reformas y la parálisis de su agenda. Frente a la ciudadanía, eso agudiza la sensación de impotencia: reformas se entrampan por años, hay lentitud y atonía en la resolución de las crisis políticas, rigideces institucionales para despejar los conflictos de poder, larga judicialización de las decisiones públicas, incapacidad del Estado para abordar y promover los derechos sociales y ausencia del Estado en conflictos graves. La propia imposibilidad de reemplazar democráticamente un mal gobierno, a su vez, deriva en que las crisis políticas se transformen rápidamente en crisis institucionales.

De hecho, a mi modo de ver, la mayor falla de la ideología neoliberal es que la ausencia e inacción del Estado le otorga un peligroso terreno al crimen y sus mafias. Es directamente responsables de que, ante la indolencia del Estado, el narcotráfico amplíe su espacio e infeste las instituciones con sus redes de corrupción e influencia. La resistencia neoliberal a las políticas sociales activas son las que, al final, debilitan la autoridad y la legitimidad del Estado.

Lo que estos cuatro puntos remarcan, de un modo muy entrelazado, es el carácter estructural de ese estado de ánimo ciudadano y por qué es paradójicamente coherentes esa simultaneidad entre la polarización y la mayor abstención electoral.

Los momentos revolucionarios: una analogía histórica

Lo peor que le puede pasar a un movimiento reformista o revolucionario es dejar de observar las contradicciones que este cuadro envuelve, restar valor a la

ambivalencia que ellas generan en la población y creer que el estado de las cosas alcanzó un punto irreversible. Nuestra propia experiencia nos alerta dramáticamente al respecto. En ese sentido, vale la pena indagar la analogía clásica que ofrece la revolución francesa: la irrupción revolucionaria, su fase jacobina, la reacción conservadora (llamada Termidor), su reemplazo por el Directorio y después la dictadura personal de Napoleón, que pasa de su reivindicación de la República a la idea de consolidar los principios de la Ilustración bajo las formas del Imperio. Su caída significa la restauración monárquica, pero siempre débil, hasta que la República finalmente se impone.

Esa evolución y esos giros son una recurrencia histórica. Es lo que Maquiavelo describe respecto del ascenso y caída de Savonarola: el entusiasta período republicano y moralizador que encabeza, su duro enfrentamiento con la corrosión del Vaticano, el agotamiento de sus excesos, su fragilidad frente a los golpes de la reacción y el retorno de los Medici, que — sin embargo — será un antecedente de Lutero, el surgimiento del movimiento protestante, la escisión de la Iglesia y la transformación de la cristiandad hasta ahora. Más cerca en el tiempo, después de Mayo '68 y la huelga obrera que lo apoyó se realizaron elecciones presidenciales, que Charles De Gaulle volvió a ganar, pero sólo por un corto periodo de tiempo. Cede el poder a Georges Pompidou, luego gana un liberal (Valery Giscard D'Estaing) y luego la izquierda, en 1981, con François Mitterrand.

Lo que quiero consignar con esos ejemplos es que, en un ciclo largo, los momentos revolucionarios tienen retrocesos y, a su vez, las reacciones conservadoras tampoco logran restaurar el status quo del pasado. Vale decir, el germen de la crisis puede encontrar otros caminos. Por su parte, la izquierda acuñó sus propias advertencias respecto de las reacciones conservadoras en sus revoluciones, lo que desde la década de 1930 se llamó el “estalinismo termidoriano”. Es decir, que Stalin fue el Termidor de la revolución bolchevique, representó la reacción conservadora que concentró el poder y formó su propia oligarquía. En América Latina sabemos de aquello: la evolución autoritaria de los regímenes cubano, venezolano y nicaragüense tienen ese mismo carácter: el ímpetu revolucionario de sus gestas es sometida a la horma del orden. La tensión entre la izquierda democrática y la izquierda autoritaria subsiste desde entonces y, para algunos, pasó a ser entre la izquierda reformista y la izquierda revolucionaria, porque la tendencia jacobina contiene los riesgos de su desborde o, en esa necesidad de contención, su involución autoritaria.

¿Por qué importan estas distinciones respecto del momento que atravesamos? En primer lugar, Gabriel Boric es hijo del momento radical de los últimos años. Pero, la pregunta sobre por qué no fueron Daniel Jadue o Pamela Jiles los que representaron mejor ese espíritu, requiere entrar en los matices previos. Mi apreciación es que estamos frente a un movimiento de reformas profundas, pero no exactamente revolucionario (al menos no en los términos clásicos) porque no es moderno, carece de un proyecto o modelo histórico. A su vez, tiene expresiones populistas (tiende a prometer y buscar soluciones “aquí y ahora”) que además son políticamente transversales, dado que hay corrientes populistas tanto en la izquierda como en la derecha. Pero, al mismo tiempo, se trata -sobre todo- de un momento democrático, a ratos más libertario e incluso anarquista o estrictamente espontáneo que sujeto a una conducción orgánica.

Хорхе Инсунса Грекорио де лас Эрас

Jadue y Jiles sucumben por una mezcla de esas diferencias: Jadue está más conectado a la escuela nasserista del mundo árabe, un tipo de desarrollismo nacional-populista, laico pero vertical y autoritario, que es distinto de la tradición racionalista-republicana de los comunistas europeos que marcaron al Partido Comunista chileno; mientras que Jiles es una expresión más cultural o performática, sin mucha capacidad para articular un proyecto y una organización alrededor de ella. El hecho de que el cauce de la votación identificada con la socialdemocracia haya ido a Boric, ya sea el de las bases socialistas o de los que se han identificado con las corrientes liberal-progresistas, resultó bastante natural y fluida.

En segundo lugar, por su propia trayectoria y estilo, Boric ha sido parte del reformismo radical activo y tenía una base de legitimidad para representarlo: fue parte de las movilizaciones estudiantiles, de las protestas callejeras, de las causas identitarias de movimientos sociales, de las demandas gremiales de diversos sectores, de la comprensión hacia el indigenismo radical e incluso el indigenismo nacionalista, del talante esencialista de la intelectualidad progresista, del relato de “las soluciones de fondo” y del imaginario de un cambio estructural.

Lo propio del jacobinismo es el impulso de cambio y la tensión que genera en el sistema para acelerar las profundas transformaciones políticas y sociales. Cuando el ex presidente de Revolución Democrática Sebastián Depolo señalaba que “nosotros vamos a meterle inestabilidad al país porque vamos a hacer transformaciones importantes”, en realidad estaba sincerando un punto. Es la expresión de una voluntad política que asume que esa es una consecuencia necesaria y eventualmente inevitable. Y, normalmente, a partir de ahí, el relato tiende a vivir el momento desde una actitud de “alerta” y “urgencia” de los cambios. Con más cuidado táctico, esa es la estructura narrativa de Boric.

Ahora, su desafío obvio es cómo procede a resolver la complejidad y los dilemas de esas energías sociales. El drama de la tentación jacobina se mueve en un doble efecto: o su radicalismo mueve el péndulo, en nombre de la defensa de la justicia y la libertad, hacia su imposición violenta y autoritaria; o el desborde de las fuerzas se transforma en una espiral expansiva, es decir, las demandas de sus propios movimientos no reconocen límites y el contagio sistémico de ese espíritu radical socava las condiciones básicas de la estabilidad y orden.

En términos clásicos, es la tragedia asociada a la *hybris*, a la desmesura. Es probablemente el problema político más complejo y sensible del período. Tiene una solución democrática, pero necesita la instauración de un orden básico y el ejercicio de la legitimidad para contener y encauzar las fuerzas de cambio.

En tercer lugar, frente a ese riesgo de la desmesura, del desborde de las energías desatadas, cabe la pregunta ¿en qué consiste el riesgo termidoriano? o ¿qué otorga viabilidad a los intentos de una restauración conservadora? La acusación sobre el poder de la reacción y su intransigencia, que siempre existe, puede ser un refugio, un consuelo, que debería ser relegado a su lugar. Opera, interviene, se despliega. Cualquier poder fáctico tiene conciencia de su posición y actúa en consecuencia. Es lo previsible. El discurso moral o la mera recriminación no basta y nunca ha bastado. El punto es que su poder real

descansa en las condiciones de legitimidad que logra su ofensiva. Ese es, siempre, el problema político de un proceso reformista o revolucionario.

Un recurso muy eficiente y bien conocido por nosotros, que ha hecho escuela en la derecha radical, consiste en movilizar el miedo al cambio; un miedo tiene su espacio a partir de la desmesura de los actores y del desborde de los movimientos. En nuestro caso, para aterrizar este punto respecto de la Convención Constitucional y el inicio del gobierno de Boric, el agotamiento con cierto abuso de las expresiones simbólicas, la soberbia que desde el comienzo transmitieron muchos convencionales, la intolerancia a la diferencia y la apelación a la traición por sostener un punto de vista distinto, el patrón de éxito que parlamentarios y líderes sociales ven en el radicalismo previo del propio presidente Boric y sus actuales ministros, el entusiasmo populista de otros tantos, la legitimidad de la radicalización que empiezan a reclamar los líderes sociales de la base social de la derecha y el clima de tensión que ello genera.

Eso produce un paulatino agotamiento del estilo (los estilos también tienen su ciclo), una pérdida de legitimidad del radicalismo y un cansancio respecto del clima de irritación que se genera. Ahí radica, enseguida, el impulso al orden. La aprensión esencial que se debe cuidar, a mi juicio, es respecto del proceso de fascistización de la base social de la centroderecha y de sectores poco politizados, que se mueven dentro de ese miedo o dentro de la angustia. Ese riesgo fascista está latente, porque tiene líderes, organización y recursos destinados a articularlo. Por nuestra historia, ya sabemos que no es eficaz enfrentarlo solo a través de la denuncia, sino abordando las tendencias que lo incuban, que lo permiten, que les otorga ese espacio de legitimidad.

En cuarto lugar, como describía previamente, la restauración conservadora también se produce desde la reformulación estratégica de sus fuerzas. Su versión más burda es el “gatopardismo”, el cambio que en realidad no cambia sustancialmente nada. Algo de eso va a ocurrir, lamentablemente, con la limitada reforma al régimen político que va a salir de la Convención Constitucional. Si tiene éxito, si gana el Apruebo en el plebiscito, se va a mantener el presidencialismo y la existencia de una Cámara Alta, que ahora se va a llamar la Cámara de las Regiones en vez de Senado. Es decir, no habrá un giro real en la llamada “sala de máquinas” del poder. En torno a ese diseño ya se pueden dibujar las nuevas fuentes de poder oligárquico que existirán en las regiones y en el poder central. Si, más aún, prospera la idea de igualar los movimientos sociales a los partidos políticos, como defiende parte de la izquierda radical, lo que tendríamos es una nueva versión del corporativismo y la fragmentación de las fuerzas políticas, que volverían más difícil un bloque de transformaciones en base a una mayoría.

Esa restauración oligárquica también puede adquirir variantes más sofisticadas de acomodo a las tendencias en curso. Creo que el ejemplo de la dictadura está a la mano y es históricamente cercano para la propia derecha: encaró la crisis estructural de su proyecto de mediados del siglo XX con una renovación neoliberal-conservadora, que ahora sabe está en crisis, pero que tiene otros modelos a la mano: el conservadurismo compasivo, el republicanismo corporativista y el populismo antiglobalización proto fascista. Cada uno de ellos, en una derecha más dispersa, tiene sus liderazgos activos y conforma redes de pensamiento. Es parte del debate político-ideológico que actualmente mantiene la derecha.

Хорхе Инсунса Грегорио де лас Эрас

Por cierto, la centroderecha o una parte relevante de ella también puede reinventarse bajo versiones más democráticas, como las que recientemente han representado Emmanuel Macron o Angela Merkel, esto es, un liberalismo globalista democrático y plástico que aglutina a los “ganadores de la globalización” y se mezcla culturalmente con el espíritu libertario, o ser la reedición de un socialcristianismo moderadamente reformista anclado en la centroderecha. No sería linealmente el retorno a la ortodoxia neoliberal-conservadora que hegemonizó a la derecha desde la dictadura, sino la rearticulación de un proyecto frente al reformismo radical y sus dificultades. Eso está abierto.

Mi aprensión, considerando nuestra propia experiencia histórica, es que el maximalismo de las posiciones y la falta de comprensión de cuáles son las disputas de poder real en juego, afecte la construcción de un bloque amplio y suficientemente sólido, necesario para encarar las reformas estructurales.

Los valores de sociedad en disputa

La interpretación del carácter de las movilizaciones de los últimos años y, por lo tanto, la apreciación sobre cuál es su contenido histórico, es todavía una zona de disputa. La lucha por hegemonía sobre ese relato es inevitablemente una lucha política. Es relativamente claro que la convergencia de las movilizaciones estudiantiles por una educación gratuita y de calidad, la demanda por un sistema de salud que otorgue garantías de atención y calidad, el peso que adquieren para las familias las pensiones de pobreza que entregan las Administradoras de Fondos de Pensiones (AFP), el creciente déficit de vivienda y la desigualdad territorial, el impacto que generan las zonas de sacrificio ambiental y la amplitud de los movimientos ecologistas contienen — incluso en su dispersión — un programa de reformas profundas. Son la masa crítica del momento, pero ello no debe obviar otras contradicciones.

Hace un tiempo me intrigó un *tweet* de Pablo Torche, escritor y columnista, en el que planteaba que el estallido del 18 de octubre de 2019 fue en parte un “estallido neoliberal contra el modelo neoliberal”. Creo que hay rasgos de eso.

Un ejemplo dramático de esa tesis es la pulsión por los retiros de fondos de las AFP y, aún antes, los recursos de protección presentados por abogados de izquierda para retirar sus fondos de pensiones, fundados en el derecho de propiedad sobre ellos. Ambos hechos — los retiros y las acciones judiciales con esa justificación — solo reforzaron el enfoque neoliberal de la seguridad social y, lo más relevante, transformaron esa demanda en una práctica política exitosa. En esto me atengo a una clave marxista que creo válida: esa experiencia, que es a la vez política y cotidiana, porque tiene efectos en el consumo, en el ahorro o en la inversión en un emprendimiento, forma un tipo de conciencia social y política asentada en ese valor individualista. A partir de ahora, su solución no vendrá de un nuevo discurso que plantee el valor de la seguridad social *versus* el ahorro individual, es decir, de una idea general por otra idea general, sino de una práctica social concreta por otra práctica social concreta. El reemplazo de una experiencia que muchos percibieron como exitosa necesita otra experiencia exitosa en torno al valor de la seguridad social. Obviamente, la insistencia en los retiros de fondos de pensiones jamás hará eso.

А su vez, si concordamos en que somos una sociedad más compleja y diversa, significa admitir que también existen más y nuevas contradicciones, a veces micro contradicciones, que lo son también de intereses legítimos y valores predominantes. Es lo que tiende a ocurrir con los ganadores y perdedores de la globalización, con los efectos de la innovación en el empleo y en sectores económicos completos, con las exigencias y dificultades de la transformación ecológica y energética que deberíamos acelerar. En dominios distintos, es la tensión que recurrentemente se presenta entre los gremios o distintos grupos de interés y la noción más genérica, pero identificable y necesaria, del interés de la sociedad, de la nación o de la gran mayoría de la población, que incluye a sectores no organizados y a los más débiles. Es cada vez más normal verlo entre las demandas de los profesores *versus* el interés de los estudiantes (volver a clases en la pandemia o no, realizar la evaluación docente o no), en el control de los aranceles de los médicos *versus* el presupuesto y la gestión de la salud, en las demandas de los sindicatos de una empresa contaminante o potencialmente contaminante y la preservación ecológica o de la salud medioambiental de la población en esa zona, en el respaldo a una gran inversión productiva *versus* diversas actividades económicas de una zona, entre los camioneros y una potente red de trenes o simplemente en la ayuda social a través de bonos o el *boucher* asistencialista que reivindica la derecha *versus* las políticas sociales colaborativas que articulan comunidad y redes de la sociedad civil.

En Chile también se expresa el hecho de que la fragmentación de la izquierda, que vemos en otros países de cultura política semejante a la nuestra, es en realidad el resultado de esas contradicciones sociales que no logran ser agrupadas en un proyecto común. La socialdemocracia clásica sigue siendo desarrollista y partidaria de un sistema de protección social, con anclaje en sectores sindicales o gremios de distinto tipo; el liberalismo progresista, que se estructura a través del concepto de la igualdad de oportunidades, representa a sectores emprendedores antimonopólicos y sectores medios emergentes, que reivindican su esfuerzo personal y demandan leyes justas, esperan servicios de calidad del Estado y defienden valores libertarios; la izquierda verde establece límites al desarrollo en base a sus condiciones de sustentabilidad y preservación ecológica, que por esa vía se conecta más a movimientos territoriales y organizaciones antisistémicos, que siempre han entrado en contradicción con el viejo desarrollismo de izquierda; y el populismo que se articula a base del clientelismo, la exigencia de beneficios o demandas de “soluciones ya” y que se alimenta del miedo y el resentimiento.

Esa misma complejidad de la sociedad dibuja sus certezas en identidades fuertes. Una de las dificultades de la Convención Constitucional es que, al aprobarse la lista de independientes, se ampliaron las posibilidades de representación propia de esas identidades. Lo que como ejercicio de representación parecía virtuoso, en la práctica ha elevado la fragmentación y debilitado la posibilidad de articular proyectos colectivos amplios. Los marcos estratégicos tienden a ser reemplazados por el esencialismo de los movimientos identitarios. Como cada uno de ellos entiende que su visión encarna un tópico esencial para la sociedad y que ello se traduce en una concepción de mundo, consideran que no basta el enunciado de un principio o un derecho, sino que — por el contrario — su garantía real solo es posible si se define el conjunto de elementos

Хорхе Инсунса Грекорио де лас Эрас

que lo caracterizan. En ello radica la tendencia a elevar a rango constitucional muchas materias que podrían ser de orden legislativo o propios de una política pública. Su consecuencia natural, luego, es que al tratar de resolver esas disputas en la Constitución, otros sectores se sientan afectados y rehúyan de votar Apruebo en el plebiscito de salida del proceso constituyente previsto para septiembre de 2022.

Algo distinto, pero tristemente convergente con estas zonas de disputa, ocurre con la relativización del crimen. Desde hace ya varios años me tocó ver, siendo diputado en las zonas populares de Santiago, cómo la irrupción del narcotráfico se volvía un fenómeno social y político muy corrosivo para la sociedad civil. Eso se ha extendido dramáticamente a otros ámbitos: al control de las calles para distribuir los puestos de vendedores ambulantes, las mafias que organizan algunas tomas de terreno y cobran el derecho a integrar un comité de vivienda social y el poder económico que han construido en torno al narcotráfico y el robo de madera algunos grupos radicales mapuches. A pesar de la evidencia que existe sobre estos fenómenos, en sectores de la izquierda se limitan a una suerte de comprensión, más propia del anarquismo ácrata que de una izquierda transformadora. Otros creen ver en esos gérmenes de violencia una posibilidad revolucionaria. Es un gravísimo error, muy caro para nuestra identidad y muy injusto con nuestra historia.

En Chile, la decisión del Gobierno de Carlos Ibáñez de soltar al lumpen para dañar la legitimidad de las movilizaciones del año 1957, alertó a la izquierda de entonces sobre los riesgos de esa relativización. Y, frente a fenómenos semejantes, los comunistas italianos siempre dieron cuenta no sólo de la perversidad de las mafias, sino del potencial fascista de su naturaleza. La valoración que sectores de la izquierda hacen de la cultura de la marginalidad ha generado un punto ciego respecto de ese fenómeno. Y, como observamos en tantas experiencias de otros países, ahí también se anida un peligro reaccionario, porque se transforman en un poder antidemocrático desde el poder económico que adquiere la criminalidad.

Lo que no se debe dejar de considerar, en definitiva, es que el fenómeno de la abstención se anida en ese tipo de nihilismo, que mira con distancia la idea de un proyecto transformador, la posibilidad de un *ethos* compartido y es más propenso al individualismo que al activismo cívico o el compromiso republicano.

DESAFÍOS Y COMPLEJIDADES PARA BORIC

Siguiendo la pista a estas variables y sus contradicciones, que dan lugar a una especial ambivalencia de corrientes y tendencias, podemos indagar algunos de los desafíos y complejidades que van a marcar la presidencia de Boric. Su apreciación por toda fuerza responsable es una sana obligación política. Si concordamos que Boric representó y canalizó un espíritu de los tiempos, sin desmerecer sus propias virtudes, no puede dejar de prestarse atención a los giros en los juicios dominantes de la ciudadanía, a las condiciones políticas, económicas y sociales que van dibujando esa percepción y, sobre esa base, advertir los riesgos que encierra un cambio de los vientos, aunque solo sea potencial.

Volveré a la enumeración para poder distinguir y reunir factores en juego. Primero, el presidente Boric debería evitar uno de los errores claves del expresidente Sebastian Piñera. Si se recuerda, Piñera solía decir que su mandato tenía el peso de haber obtenido el 54% en la segunda vuelta contra Alejandro Guillier y, por esa vía, escondía o eludía el hecho de que en la primera vuelta había obtenido sólo un 36%. La estructura narrativa inicial de Boric también se impregnó del mensaje de que en la segunda vuelta alcanzó un 56% y que fue el Presidente de la República elegido con más votos (lo que no es real si se considera en comparación con la población electoral de elecciones anteriores), dejando atrás que en la primera vuelta sólo llegó al 26%, con un universo de participación del 47% de los electores. Esa abstención del 53% debe seguir siendo considerada un fenómeno en sí misma y no debe relativizarse porque ella bajó al 45% en la segunda vuelta.

Su riesgo obvio es que, si no se mantiene una vocación de mayoría, pueda profundizar la temprana caída de aprobación ciudadana que ya registra y acercarse a los rangos del 25% o menos, que ya por largo tiempo debieron enfrentar Michelle Bachelet y Sebastián Piñera en sus segundos períodos presidenciales. La debilidad que ello implica para cualquier proyecto transformador es muy evidente.

Segundo, la dualidad que acompañará este período es la mezcla entre esas fuentes estructurales de la desesperanza descrita y la aspiración de un proyecto histórico que envuelva a la ciudadanía activa. La sola idea de un “proyecto histórico” resulta grandilocuente, precisamente por el vacío que todas las fuerzas políticas estamos transmitiendo, que en algunas es un vacío de contenido, en otras de vocación de proyecto y en otras de sentido de realidad. Y, al mismo tiempo, al no haber esa visión general, los detalles y acciones coyunturales, pesan cada vez más como minucias, farándula y tonteras o pillerías que dominan la escena. Para la mayoría es una clase de algazara sin mucho sentido.

En mi opinión, si calibráramos más detenidamente el 78% del Apruebo y el 79% a favor de la Convención Constitucional, es razonable pensar que existe una masa crítica en la ciudadanía que sí se inclina a favor de reformas profundas, que expresa o al menos intuye la necesidad de una alternativa que sitúe una visión de futuro. Boric tiene delante de sí esa posibilidad. Pero, de nuevo, hay que distinguir matices, fortalezas y debilidades respecto del momento y de su estilo. Me detendré en dos aspectos que considero cruciales.

En primer lugar, la estructura discursiva del presidente Boric suele colocar énfasis en una trilogía que va muy de la mano: el valor de la voluntad política, la importancia de la conciencia en los cambios y lo que la filosofía del lenguaje describe como un habla declarativa. Muchos de sus discursos, declaraciones y reacciones cuestionan que lo que realmente ha faltado en el país es la voluntad política para hacer los cambios, para ir al fondo o la esencia de los problemas. Eso es lo que — ha sostenido — le faltó a la Concertación y a la Nueva Mayoría. Ello se sustenta en la idea de que las contradicciones de la sociedad tienen “una” solución, más o menos identificada o meridianamente clara, que es o debe ser conocida por todos y que, si se ejerce el poder con voluntad política y decisión, se podrá satisfacer las demandas, realizar las transformaciones en beneficio de la mayoría. Para que ello sea posible, a su vez, es fundamental que la ciudadanía tenga conciencia de los problemas y cuál es la solución para que las personas y las instituciones puedan actuar en consecuencia, es decir, que la

Хорхе Инсунса Грекорио де лас Эрас

toma de conciencia derive en actos e incluso en modos de vida coherentes con ella. Los actos de habla declarativos, por último, se conectan con esa aproximación a los problemas políticos, porque se fundan en la tesis de que el lenguaje constituye realidad, esto es, que la simple expresión verbal de un propósito es por si sola capaz de llevar a cabo su implementación práctica.

La estructura idealista de esta aproximación es una de las virtudes de Boric, pero también de sus límites y riesgos.

El lenguaje constituye realidad, es cierto, pero no reemplaza la facticidad ni las condiciones de realidad para que un cambio se concrete. La dimensión de la política como arte se conecta a ese potencial creativo de la palabra, pero esa propia noción surge de la práctica de la artesanía, esto es, de la transformación de un material en una pieza. Lo que se halla de por medio entre el acto de habla declarativo y la acción es la promesa implícita de ejecutar y gestionar el cambio, asegurar que sea llevado a la práctica. Los discursos y las declaraciones son un acto de poder únicamente cuando se encaminan a su realización. Cuando ello no ocurre, la promesa se vuelve una demagogia, el habla pierde sentido y se convierte en gran medida en la fuente misma de la pérdida del poder.

Ese es actualmente, si lo miramos cara a cara, uno de los problemas medulares de la actividad política: la palabra ha perdido su peso.

Varias de las dificultades de las primeras semanas de gobierno tienen este sustrato. Aunque a partir de la experiencia es probable que se vayan superando, vale la pena ilustrarlas con ejemplos concretos. Cuando la ministra Izkia Siches declara su voluntad de diálogo para resolver el conflicto mapuche y transmite de buena fe ese propósito, asume que sería bien recibida en la comunidad de Temucuicui y, en vez de ello, es recibida a balazos por los grupos radicales; cuando el ministro Grau ofrece perdón a nombre del Estado por la falta de seguridad a los comerciantes y emprendedores que rodean la Plaza Italia, asume que está creando condiciones para superar la aguda crisis vivida por ellos, sin asumir que ahí se anidaron mafias y ritos de violencia radical; cuando el presidente Boric declara que la nueva Constitución debe ser amplia y transversal, considera que ello crea las condiciones para que dicho propósito se materialice en la Convención, lo que no ha ocurrido; cuando él afirma que la violencia es intolerable, que no se la debe naturalizar, y plantea un acuerdo político en su contra, asume que el planteamiento es lo suficientemente potente como para contener sus fenómenos; cuando sostiene que el gobierno cerró su fase de instalación, asume que ello va a significar un giro real en la capacidad de gestión y conducción del gobierno.

La acción, la gestión, el mando, la conducción y la articulación como hechos políticos requieren más que esos actos declarativos. En caso contrario, ellos generan primero una inconsistencia, luego una pérdida de confianza e irritación de la gente y, al final, una inevitable (y bien fundada) repulsión ciudadana.

En segundo lugar, esta distinción, que es narrativa y política, tiene otra consecuencia que se ha hecho notar especialmente en la Convención. Una de las grandes discusiones en la izquierda, que se expresó con particular vehemencia en torno al programa de la Unidad Popular, ha sido respecto de cuál debe ser el ritmo de las transformaciones, de cuán reformistas o revolucionarias deben ser las medidas.

El punto es que, por esa vía, el debate constitucional deja de ser respecto de cuáles son los derechos fundamentales y sus garantías y pasa a ser una definición

de normas que establecen un programa para su cumplimiento. Desde el punto de vista democrático, lo primero recoge las corrientes del constitucionalismo moderno, que amplían el catálogo de derechos fundamentales y lo considera una fuente de equilibrio de poder en la sociedad, al fijar mínimos civilizatorios que permitan el ejercicio real de la democracia; pero lo segundo sobrepasa un límite, al extraer de la soberanía popular y, por lo tanto, de la deliberación democrática, cuál es el modo en que la mayoría resuelve resguardar esos derechos.

Al cruzar esa línea, no solo ponemos en riesgo el proceso constituyente, ya que amplía el arco de fuerzas en su contra, sino que también se deja atrás la posibilidad de establecer una superioridad moral sobre la Constitución de 1980 que trazó un programa neoliberal y conservador en su parte dogmática. Lamentablemente, en el proceso muchos convencionales no han visto o no han querido asumir esa paradoja. No comprenden que dejar atrás la dictadura no es forjar una Constitución partisana, ahora de otro carácter, sino una que defienda y garantice los derechos fundamentales, pero deje un amplio espacio a la soberanía popular. El gobierno de Boric, por su ascendiente e influencia, todavía puede evitar ese desvarío.

Tercero, un proyecto de cambios profundos precisa de un bloque de fuerzas políticas consistente con ese propósito. Estamos lejos de ello. Sin embargo, tampoco hay que verlo como un factor estático, si está o no está ahora. Aunque lo ideal es que se avance rápidamente a la articulación de esa fuerza de sustento de las reformas, es inevitable que sea todo un proceso y que tendrá la complejidad de un ajuste de corrientes y partidos. Si lo miramos en términos históricos, la crisis política y social de estos años, es semejante al reordenamiento de fuerzas que hubo en el período 1924—1932, que incluyó la creación del Partido Socialista en 1933; o al ajuste que se produjo en los años 1950 en torno al declive del Partido Radical y la crisis de los partidos Liberal y Conservador, que los llevó a su extinción y reagrupamiento en el Partido Nacional; o a la larga redefinición de la izquierda en los años de la dictadura, en la que finalmente se separaron el Partido Comunista y el Partido Socialista (este último pasó a conformar una alianza con la Democracia Cristiana).

Este ajuste de fuerzas ya lleva un tiempo, pero todavía no ha madurado y lo esperable es que decante en otro mapa político. De momento, para el núcleo que rodea al presidente Boric es cómoda la tesis de los anillos de poder, bajo el paraguas de “un gobierno y dos coaliciones”. Sin embargo, muy tempranamente eso ya muestra sus signos de agotamiento. No es viable, al menos para un proyecto de reformas estructurales. Seguirá siendo necesaria una coalición plural, pero más consistente y clara en cuanto a su proyecto compartido.

Luego, ¿por qué derroteros puede caminar ese propósito? A mi juicio, Boric debería proponerse la reunificación del Partido Socialista.

Si se mira la composición de su gabinete y su política de alianzas, es evidente que el eje lo constituye lo que podríamos llamar un PS ampliado, porque hay un tronco muy relevante de ministros socialistas y otro que proviene de partidos o movimientos que surgieron o son un quiebre reciente del PS: Revolución Democrática, Convergencia Social, Comunes, Fuerza Común y el movimiento Unir. Obviamente, no es una tarea fácil desde el punto de vista humano y político, porque muchos de esos quiebres son recientes. Sin embargo, es imprescindible para el éxito del gobierno y la posibilidad de transformarlo

Хорхе Инсунса Грекорио де лас Эрас

en un eje sólido, capaz de concentrar a su alrededor una coalición más amplia. Es también un esfuerzo ideológico y de proyecto, pero en ese conjunto de fuerzas hay una masa crítica y liderazgos históricos que podrían decantar los principios y criterios de ese propósito.

Ahora bien, desde una aproximación inicial a los números de la última elección, esa eventual convergencia representaría sólo el 17,3% de los votos válidos. Vale decir, tampoco es suficiente. Sería solo un pivote más fuerte de una coalición necesariamente más amplia.

El Partido Comunista enfrenta sus propias divisiones internas, que son explícitas a partir de los gestos y declaraciones de Jadue. Sin embargo, su núcleo de dirección y sus ministros, al igual que en el Gobierno Bachelet, expresan la voluntad de ser gobierno, de asumir las responsabilidades y los costos de gobernar. Incluso, en contra de la experiencia que representó la inclusión del PC francés en el gobierno de François Mitterrand, que en 1983 se retira del gobierno por sus diferencias con el giro de la política económica, el PC chileno puede tener más vocación de unidad que otras fuerzas. Es más probable que suceda lo que se vivió en Grecia en 2015 con el quiebre al interior de Syriza por la renuncia del ministro de finanzas Yanis Varoufakis, esto es, que otras fuerzas más pequeñas del Frente Amplio o del bloque Chile Digno salgan a propósito de una crisis específica. No descartaría que el PC sufriera escisiones desde la izquierda, entre otros del propio Jadue, pero una salida institucional del PC del gobierno de Boric parece poco factible. Solo algo muy grave derivaría en esa posibilidad.

Para que eso sea realidad, Boric debería cultivar con cuidado y tacto esa relación con el PC, lo que también depende de que el PS asuma en propiedad el giro a un programa socialdemócrata de izquierda.

En ese contexto, la centroizquierda — en sus vertientes liberal-progresista, ecologista y de movimientos ciudadanos — también debe redefinir su proyecto y superar el carácter postmoderno que los ha caracterizado, porque ese ciclo de identidades fluidas tiene su propio registro de agotamiento. En tiempos de incertidumbre hay más demanda por identidades fuertes.

Algo similar le ocurrirá a la Democracia Cristiana. Su propia dispersión es muy elocuente del *big bang* de sus corrientes. Las preguntas inevitables son ¿qué hace que el sector que acompañó a Zaldívar en su quiebre de la DC para apoyar a Piñera el año 2009 hoy esté mayoritariamente en Apruebo Dignidad? ¿por qué la DC actual sigue dividida entre quiénes están por una alianza con el gobierno de Boric y otros siguen añorando a la Concertación? ¿por qué otro sector que se salió de la DC se suma, básicamente, a las tesis neoliberales de la centroderecha? Esa disolución en casi todo el espectro político refleja la dispersión de proyectos y de sectores concretos de la sociedad chilena: la veta popular y corporativista de algunos; la base política y cultural con vocación socialcristiana que se siente cómoda en un proyecto socialdemócrata; la tensión entre el socialcristianismo y el giro liberal de las clases medias; y la disputa que intentó Edgardo Boeninger con el proyecto neoliberal-conservador de la Unión Demócrata Independiente, la heredera el viejo Partido Conservador, que — en parte — es otra disputa por las élites del país. La definición más clara de un socialcristianismo anclado en su base popular y la clase media emergente, que incluye sus corrientes

corporativistas, puede ser parte de una coalición progresista más amplia. Eso requiere, desde luego, más que gestos simbólicos.

Si prestamos atención a las tensiones y contradicciones del proceso, si asumimos con realismo la ambivalencia de la actual crisis política, si vemos un proyecto de reformas desde el realismo que encierra su propia complejidad y si articulamos un bloque que requiere anclajes políticos e ideológicos, podemos contener los riesgos de una regresión conservadora y autoritaria, sin duda todavía latentes, y comenzar otro ciclo histórico de reformas estructurales de carácter democrático y progresista.

Jorge Insunza Gregorio de las Heras is a lawyer, he was a Deputy of the Republic and Minister of President Michelle Bachelet. He currently works as a lawyer and consultant in strategic communication (cokeinsunza@gmail.com)

Gabriel Boric' government and the sign of the times

Abstract: The article maintains that Gabriel Boric's electoral win was due to the sheer moment in which the social trends and public opinion allowed to convince the society that a bunch of deep changes should be launched and carried out in a bid to replace the political and social system. The democratic energy of the process and its more reformist than revolutionary nature made it feasible for Boric to overcome the communist (Daniel Jadue) and a left-wing populist (Pamela Jiles) candidates in the first round and to defeat the far-right candidate in the second round. In spite of the success, the political environment is rife with contradictions. There is a heavy risk that conservative regression could take place because of the very radical dynamics the period incubates. The author comes round to thinking that Boric should chime his idealistic virtues with greater political realism in action in order to avoid gross blunders and gaffes (particularly, the falling into Jacobin temptation) and get down to building of a new, broader and stancher coalition which could prop up his project of structural reforms.

Key words: Chilean politics, new political coalition, Gabriel Boric, conservative regression.

DOI: 10.31857/S0044748X0020406-5

Received April 02.04.2022.

ПОЛИТИКА

Luis Thielemann Hernández

La “cabeza política propia”

**APORTES PARA LA COMPRENSIÓN DE LA ALIANZA SOCIAL
Y LA POLITIZACIÓN DESIGUAL DE CLASES
EN EL CHILE QUE ELIGIÓ A GABRIEL BORIC**

Resumen: A partir de los resultados de las elecciones presidenciales de 2021 en Chile, se observa una mayoría que se identifica con las categorías de pueblo o popular y cuya composición está dada por sectores medios y trabajadores. Se propone que esta mayoría, definida como alianza social popular, estaría en formación como una alianza social y sus componentes como clase, desde por lo menos 2006, con firmeza desde 2011 y sostenidamente hasta el presente. En esta alianza y bajo un programa progresista, predomina una hegemonía de clases medias a través de sus principales figuras, parlamentarios y dirigentes partidarios y en los contenidos culturales e ideológicos, que subordina a una fragmentada mayoría de clase trabajadora. Esta desigual politización de clases explica los contornos particulares de las bases sociales conformadas en una década de luchas sociales y electorales, así como del actual gobierno de Chile presidido por Gabriel Boric y la coalición Apruebo Dignidad.

Palabras clave: Chile, Boric, clases, movimientos sociales, alianza social.

DOI: 10.31857/S0044748X0020407-6

«Собственное политическое лидерство»

**КАК НАДО ПОНИМАТЬ СОЦИАЛЬНЫЙ АЛЬЯНС И НЕРАВНУЮ
ПОЛИТИЗАЦИЮ КЛАССОВ В ЧИЛИ, ПОЗВОЛИВШИЕ ИЗБРАТЬ
ГАБРИЭЛЯ БОРИЧА**

По результатам президентских выборов 2021 г. в Чили заметно большинство, идентифицирующее себя с «народом», состав которого образуют средние слои и трудящиеся. Предполагается, что это большинство, определяемое как народный социальный альянс, постепенно сформирует класс. Этот процесс начался, как минимум, с 2006 г., активнее развивался с 2011 г. и устойчиво идет до настоящего

Luis Thielemann Hernández — Doctor en Historia, Académico de la Universidad Finis Terrae, Chile (<https://orcid.org/0000-0003-4666-2491> luisthielemann@gmail.com).

времени. В этом объединении на вооружение взяли прогрессистскую программу, в нем заметно господство средних слоев, представленных ключевыми фигурами — парламентариями и партийными лидерами. В культурном и идеологическом отношении объединение подчиняет себе раздробленное большинство трудящихся. Эта неравная политизация классов объясняет особенности социальной базы, сформированной за десятилетие социальной и электоральной борьбы, а также нынешнего чилийского правительства, во главе которого встали Габриэль Борич и коалиция «Выбираю Достоинство» (*Apruebo Dignidad*).

Ключевые слова: Чили, Габриэль Борич, классы, общественные движения, социальный альянс.

DOI: 10.31857/S0044748X0020407-6

Статья поступила в редакцию 23.03.2022.

INTRODUCCIÓN

Este artículo comenta y analiza la historia reciente del proceso social y político del triunfo electoral de Boric, observando la alianza social que constituyó su base votante. Esta coalición de clases ha sido una que se fue formando desde vanguardias de movimientos sociales, y que a lo largo de una década de luchas sociales (2011—2021) devino en la principal fuerza política del país. La intensidad del conflicto social en este período fue componiendo una específica forma de las clases medias — moderadas, progresistas, estatistas y ferozmente antioligárquicas — con una conciencia política muy desarrollada; y en alianzas con una mayoritaria pero fragmentada juventud de clase trabajadora, que se fue haciendo cada vez más afín al ideario de las clases medias.

En esta década de lucha, y de forma más patente luego del triunfo electoral de Gabriel Boric y la coalición electoral de izquierdas “Apruebo Dignidad”, el discurso de tonos populistas fue ocultando la diferencia de clases dentro de un bando que se unificaba en el “anti neoliberalismo” o en la crítica a “los 30 años” dominados por los partidos de la Transición (1990—2020), o simplemente en la oposición social a los distintos gobiernos. Incluso en la academia. La persistencia por denunciar una mayoría empobrecida en el país, junto con el fin del sueño de la movilidad social y “el país de clases medias” [1]; [2]; [3], escondía el hecho gravitante de que la clase media seguía existiendo, y que era el grupo social más activo y eficiente en la política [4]. A su vez, la constante apelación a la mayoría numérica de los trabajadores escondía su fragmentación política, y por ende, su escasa composición como clase obrera. Con interés en sumarse a la alianza social, solo pudieron hacerlo en un rol subordinado a la política, situación que a lo largo de la década solo se agudizó.

Así, ambos grupos se mantuvieron en alianza por oposición al neoliberalismo y a la precarización, tanto laboral como de la vida. A su vez, el empoderamiento de las clases propietarias, especialmente tras el arribo de Piñera a la presidencia en 2010, produjo un nivel de concentración de la riqueza y desigualdad tan alto, que acercaba las posiciones y realidades del conjunto del pueblo. De esta forma

Луис Тилеманн Эрнандес — Доктор (история), профессор Университета Finis Terrae, Чили (<https://orcid.org/0000-0003-4666-2491> luisthielemann@gmail.com).

y en esos límites, es posible observar el desarrollo de la alianza social que permitió a la izquierda chilena, en solitario y sin el centro político democristiano, vencer en una elección presidencial por primera vez en 51 años.

UNA ALIANZA SOCIAL INVISIBILIZADA

Las emblemáticas movilizaciones estudiantiles de 2011, antes que en cualquiera de las grandes universidades santiaguinas como la Universidad de Chile o la Católica, copadas por la juventud de clases medias y, en menor medida, por las élites del país, comenzaron en una universidad nueva, la Central de Santiago. Esta institución, parte de las llamadas “privadas” surgidas luego que la Dictadura (1973—1990) modificó la legislación y permitió la existencia de universidades orientadas al lucro, estuvo sumida desde marzo de 2011 en un largo conflicto que incluyó la ocupación de edificios y campus completos, así como intensas jornadas de lucha callejera contra la policía. Esta universidad tenía en su mayoría estudiantes provenientes de las clases populares, y sus militantes y dirigentes (agrupados en la Federación de Estudiantes) respondían socialmente a ese carácter, como era el caso de Daniela López, estudiante de derecho y proveniente de las periferias de Santiago sur. Pero buena parte de su fuerza, además del activismo de sus miles de estudiantes, residía en las alianzas que tenían con las federaciones de las grandes universidades tradicionales, especialmente con la Federación de Estudiantes de la Universidad de Chile (FECh, la más relevante del país), entonces dirigida por Camila Vallejo (militante comunista), y luego por Gabriel Boric, quien al igual que Daniela López militaban entonces en la organización política Izquierda Autónoma (IA). Dicha alianza les permitía entroncar la movilización local en lo que el movimiento nacional instalaba como una lucha general contra “las prácticas privatizadoras que lleva a cabo el gobierno y de las que ha sido víctima la educación en nuestro país” [5]. Y así fue como ese año, los estudiantes de la Universidad Central de Chile, vencieron. Los grupos y militantes siguieron trabajando en alianzas. Su principal dirigente, Daniela López, hoy es parte del Gobierno del presidente Gabriel Boric, en el que Camila Vallejo es ministra. De esta forma, las experiencias de alianza entre estudiantes de clases populares y aquellos de las clases medias, parece haberles demostrado el poder que se conseguía cuando conjuraban sus fuerzas y la facilidad con que se daba la unidad cuando se reconocían en enemigos similares y que se escudaban en el mismo orden injusto.

Ni las clases actúan en la política en solitario, ni lo hacen en el mismo grado de potencia política. En la política moderna, los movimientos sociales que inciden en política, lo han hecho casi siempre en alianzas de clase, nunca compactas ni menos libres de fricciones. Esto no obsta, sin embargo, que podamos observar la composición de dichas alianzas en la historia, y que nos sea posible identificar tanto sus puntos de sutura como sus líneas de frente ante sus enemigos. A decir de Ellen Meiksins-Wood, las clases son visibles cuando luchan como tales [6]; [7]. Del proceso histórico de conflicto, las clases se modifican tanto como modifican la estructura que las determina. Además, las alianzas y antagonismos en que las clases — y también subgrupos de clase — existen como tales, develan distintos niveles de composición de las mismas, o

sea, una diversidad de identidades según la historicidad misma de esos grupos sociales*. De ahí que el mayor o menor grado de politización de las clases es un objeto de la misma lucha de clases, y su situación no depende de determinantes estructurales estáticos, sino de lo que los agentes de clase deciden hacer respecto de tales determinantes, los que así se vuelven dinámicos, o sea, históricos.

Es desde esta premisa que nos enfrentamos al análisis del proceso político vivido por la sociedad chilena en las últimas dos décadas. En ella, se distinguen un proceso de descomposición de las viejas clases funcionarias que administraron el Estado en las últimas décadas; una ofensiva de las clases propietarias, autónoma de los partidos de derecha, sobre el Estado; y, lo que más nos interesa tratar, una paulatina conformación a través de la experiencia de luchas sociales de una alianza entre distintos sectores juveniles de los grupos sociales más pobres y un similar grupo etario de las clases medias. El enemigo común que llevó a estos grupos a la “disposición a comportarse como clase” estuvo en que una serie de políticas neoliberales, emprendidas desde la década de 1980 y agudizadas durante la primera década del siglo XXI, fueron sostenidamente minando la capacidad de reproducción de las clases medias, especialmente los grupos profesionales y el funcionariado estatal o paraestatal, y así también desacreditaban la promesa de movilidad social para las clases populares [8].

La alianza social fue desarrollando, a la par que una crítica a la agudización neoliberal de inicios del presente siglo, una afirmación de ciertos valores o principios que la mantenían unida. El foco original desde donde se probó con éxito y proyectó al país esta alianza social, fue el movimiento estudiantil, especialmente desde las masivas y extensas movilizaciones del año 2011. Como ha indicado Pablo Vommaro [9], los estudios sobre los movimientos estudiantiles en Chile del siglo XXI han consignado una fuerte dimensión ética en la crítica al neoliberalismo, lo que implicó tanto una construcción afirmativamente democrática y cooperativa en su constitución interna como una amplitud de relaciones políticas con otras luchas — sindicales, de género, de diversidad sexual, medioambientales, comunitarias, etc. — en su construcción externa. De esta forma, la alianza social también se edificaba por oposición a quienes se consideró eran los principales agentes del malestar, logrando hacer confluir a la amplitud de organizaciones y movimientos que se sentían interpretados por el carácter social y político del movimiento estudiantil, primero, y sus partidos y plataformas electorales, después. En la mira quedaban banqueros, empresarios, operadores políticos y concertacionistas que operaban para el empresariado. La crítica a estos grupos se desplegó y proyectó hasta el presente con el movimiento de 2011 que debió enfrentarse a una administración fuertemente empresarial en el Gobierno y que durante la misma década de ascenso de la alianza social popular protagonizó la política a través de los dos períodos presidenciales de Sebastián Piñera [10]. Así, el movimiento, aunque en un principio únicamente juvenil, fue ampliando el rango de sus armas, apuntando a la precarización continua de la vida, insistiendo en que su objetivo era “terminar con el endeudamiento de las familias” y reivindicando “un nuevo proyecto educacional y social”. Sus diferencias con el gobierno de Piñera y los

* Sobre el concepto de Composición de Clase, ver: Wright S. *Storming Heaven: Class Composition and Struggle in Italian Autonomist Marxism*. London: Pluto, 2017.

partidos de la Transición se comprendían como un “reflejo de la manera de concebir la sociedad” [11].

Finalmente, no se puede menospreciar la vocación de poder en la construcción histórica de la base social de Apruebo Dignidad y el actual gobierno en la segunda década del presente siglo. La alianza, en su parte más politizada y militante, combinaba la lucha social por la reforma con la lucha política por el poder. Así por lo menos lo hacían Izquierda Autónoma, las Juventudes Comunistas, los de la Nueva Acción Universitaria, fuertes en la Pontificia Universidad Católica y los mismos que luego fundarían uno de los partidos más grandes del gobierno actual “Revolución Democrática” (RD). Buena parte de las razones que tuvieron los militantes para mantener unida la alianza social y no descuidar sus límites, estuvo en que en la medida que pasaban los años, la posibilidad de convertir la fuerza social en fuerza electoral se fue haciendo cada vez más cierta, especialmente tras las elecciones parlamentarias de 2013, cuando cuatro ex dirigentes estudiantiles de las luchas de 2011 (Boric, Vallejo, Giorgio Jackson de RD y Karol Cariola del Partido Comunista (PC), pasaron a ser diputados a través de nuevos partidos de izquierda o del entonces todavía marginado Partido Comunista. Uno de los principales líderes políticos del movimiento de 2011 y de la Izquierda Autónoma, Francisco Figueroa, en la presentación de su libro sobre el movimiento y hablándole a la clase política de las décadas de la Transición afirmó: “Si ustedes no nos representan no es porque no creamos en la política. Muy por el contrario. Es porque estamos forjando entre millones una cabeza política propia” [12].

Por estos caminos desde las franjas más politizadas del movimiento se fue referenciando un “nuevo pueblo” [13] como se le llamó tras 2019. El “pueblo”, como suele ocurrir, sirvió como una figura social y política en que los intereses y la histórica y superior capacidad política de las clases medias se fueron confundiendo entre las masas movilizadas, haciendo así irreconocible a su componente mayoritario, el sector más joven de las clases trabajadoras urbanas. Por esa vía se truncó cualquier capacidad de constitución de una subjetividad específica a estos sectores obreros, viéndose cada vez más bajo la tutela de las clases medias.

UNA ALIANZA EN EL MOVIMIENTO: UNA LENTA MARCHA A TRAVÉS DE LA CALLE Y LAS INSTITUCIONES

Por supuesto, una desigual politización entre los distintos componentes de una alianza social es algo que se sostenía en conquistas y avances reales para la mayoría de sus integrantes. Desde el movimiento estudiantil de 2006, la alianza daba muestras de hacer fuertes a todos los actores. Así, y aunque, en su mayoría, las bases y dirigencias del movimiento secundario estaban copadas por estudiantes provenientes de familias trabajadoras, la FECh, un emblema de las clases medias, apoyó política y materialmente a los estudiantes ese año, honrando la alianza. A su vez, el grueso de las organizaciones de la izquierda radical universitaria volcó su acción hacia la rebelión en las escuelas secundarias, fortaleciendo la capacidad militar de la misma. El movimiento de 2006 fue uno de los primeros en que el movimiento estudiantil superó la parcialidad gremial y comenzó a tener un carácter juvenil y popular.

La respuesta de las élites ayudó a esa cohesión etaria y social. Más todavía, la respuesta de la Concertación al movimiento de 2006, coalición hasta entonces

todavía identificada con la abigarrada argamasa llamada pueblo, fue dándole fuelle a las ideas de generar no solo reformas sociales sino un nuevo ciclo político. Si bien la presidenta socialista Michelle Bachelet había llegado bajo la promesa de un gobierno ciudadano, la represión desatada sobre los “pingüinos” — como se llama tradicionalmente a los secundarios, — con cientos de menores de edad detenidos por la policía tras cada manifestación en 2006, así como la forma en que procesó luego el final del conflicto, terminaron por minar los últimos sostenes de lealtad popular a los partidos de la Concertación [14]. Aunque Bachelet prometió reformas a los estudiantes y la formación de un consejo para las reformas, donde participaron personeros de la sociedad civil, del gobierno y del movimiento estudiantil, dicho espacio fue desbordado por operadores políticos que instalaron un acuerdo ajeno a las demandas de los estudiantes y que agudizó las premisas neoliberales que estos atacaban. Fue la escena de las “manos levantadas”, en que dicho gesto de todo el arco político de la Transición escenificó el acuerdo para la nueva Ley General de Educación de 2007—2008, que fue criticada por el movimiento en su conjunto y que en la historicidad de la nueva izquierda quedó como un punto de ruptura. Nicolás Grau, quien entonces era presidente de la FECh y hoy es ministro de Economía del gobierno de Boric, sostuvo años después al respecto que “nunca podré perdonar a Michelle Bachelet por la aprobación de la Ley General de Educación, y por la foto de los presidentes de la Concertación y la derecha con las manos levantadas celebrando el acuerdo” [15]. Para 2008, los estudiantes universitarios y secundarios, los primeros todavía golpeados por la derrota de 2005 cuando se aprobó el Crédito con Aval del Estado (CAE, un criticado crédito para costear los estudios universitarios, sostenido por las arcas fiscales y devenido en un jugoso negocio para la banca privada), y los segundos tras la descomposición del movimiento de 2006, se habían agrupado en la Asamblea Coordinadora de Estudiantes Universitarios y Secundarios (ACEUS), y algunos líderes del movimiento de 2006, explicaban las protestas de aquel año contra el gobierno de la siguiente forma: “En el 2006 [...] Bachelet propuso un ‘consejo asesor presidencial para la educación’, con empresarios y la Iglesia Católica para que realicen una nueva ley educativa. Hoy la LGE [Ley General de Educación] está siendo enfrentada en las calles” [16].

Los dirigentes secundarios populares de esa época (hasta el 2011), salvo algunos del Partido Socialista (PS), no se tornaron políticos de relevancia sino hasta la fundación del Frente Amplio, aunque muchos de ellos protagonizaron la construcción de sus partidos. Lo que es de relevancia para los fines de este texto es la manera en que la conformación política de las vanguardias de la nueva izquierda chilena durante 2006—2021 reprodujo la asimetría de clases de la alianza social: los roles más importantes y poderosos de las organizaciones fueron copados o reservados, como se quiera, para los liderazgos de las clases profesionales, urbanas, principalmente de los barrios de clase media de Santiago y provenientes de las principales universidades del país; mientras los liderazgos provenientes de organizaciones más populares, de las periferias de Santiago, de universidades regionales o menos importantes, o de movimientos sindicales o territoriales accedían no más que a los cargos intermedios de construcción partidaria, así como en los puestos medios de las instituciones que se habían conquistado electoralmente. Esto es notorio en los dirigentes y grupos militantes de los secundarios del período 2006—2011, quienes en muy pocos casos han logrado incidir

en la historia reciente de la izquierda actualmente en el gobierno; lo que constituye una diferencia con los dirigentes universitarios de la FECh y la Federación de Estudiantes de la PUC (FEUC) en dicha época (y también después), varios de los cuales destacan hoy en las primeras líneas de Apruebo Dignidad.

Si nos hemos detenido tanto en el movimiento estudiantil de 2019, es porque es el origen histórico y cultural de la alianza social que sostiene al actual gobierno de Apruebo Dignidad en Chile. Más aún, desde 2011 ha funcionado a modo de un pozo inagotable de militantes y activistas, una enorme masa de organizadores de la protesta, que ha ido activando distintas franjas de la sociedad y ampliando su base de apoyo. De esta forma, 2011 es el debut de la alianza social movilizada más masiva desde la Dictadura. Desde junio las convocatorias a marchas en Santiago no descendieron de las 100 mil personas, a veces hasta dos veces por semana, y convocando hasta un millón de personas en el parque O'Higgins el 21 de agosto, pasados ya cuatro meses de iniciadas las movilizaciones [17]. La frase del líder estudiantil Figueroa, de estar construyendo una cabeza política propia junto a millones de personas, no estaba tan alejada de la realidad.

Por otra parte, las demandas que abrió la Confederación de Estudiantes de Chile (CONFECh, asamblea de presidentes de federaciones de estudiantes universitarios de todo Chile) y los secundarios en 2011, marcaron el paso de las luchas sociales de toda la década: un estado de derechos sociales garantizados, mayores libertades y una naciente agenda feminista en y a través del movimiento. El método de financiarlas estaba claro en la izquierda chilena y en la alianza social popular desde hace décadas: la nacionalización de recursos naturales como el cobre y los aumentos de impuestos [18]. Bajo el lema “No al Lucro” — nacido en 2006, pero masificado en 2011— cabía una inmensidad de querellas con el orden político y económico de la Transición [19]. Era una especie de llave maestra que también apuntaba a la amplitud social de la alianza que estaba orientada a la ofensiva. Criticaba el abuso empresarial a las clases trabajadoras por la vía de la provisión privada y orientada al lucro de servicios sociales como salud, pensiones y educación; así como la desarticulación del principal resorte de reproducción material de las clases medias del Estado, a saber: las garantías sociales y así del trabajo profesional que las realiza en y a través de las instituciones públicas. Todo eso mantenía unida ideológicamente y programáticamente a la alianza social y proyectó su fuerza desde tales ideas hacia una diversidad de movimientos y sentó las bases de nuevas fuerzas políticas.

Y dicha línea de crítica y propuesta política fue siendo paulatinamente asumida por una creciente corriente de movimientos sociales y grupos militantes. Se abrió así, indiscutiblemente, la década con más agitación social desde la de 1980. El despliegue militar fue, se podría decir, socialmente horizontal y vertical. Se entregó tanto a la construcción de una mayor fuerza para la nueva izquierda universitaria, como a la organización de los movimientos de trabajadores. Desde 2012 se ensayaron varias formas de aproximación al movimiento sindical, algunas con bastante éxito. Entre otras, destacan el intento serio de producir una huelga nacional el 11 de julio de 2013, que movilizó importantes sectores conducidos por la FECh y sindicatos del cobre, la salud y otras áreas [20]. Probablemente, el vínculo que más perduró fue con las organizaciones de Estado, como la Asociación Nacional de Empleados Fiscales

(ANEF), así como el de algunos grupos de izquierda estudiantil con trabajadores portuarios, especialmente del sur del país.

El período de 2011 a 2013 estuvo marcado por la sostenida ofensiva de la alianza social popular, especialmente desde el movimiento estudiantil, contra el gobierno de Piñera. Por su parte, la ex presidenta Michelle Bachelet se preparaba como candidata a la presidencia con las más seguras probabilidades de vencer a cualquier oponente, y demostrando el fracaso político del piñerismo por hacer permanente una nueva mayoría nacional escorada a la derecha. Las elecciones de 2013, con el triunfo de Bachelet, no significaron ninguna sorpresa. Pero a través de la ya mencionada elección de 4 diputadas y diputados provenientes del movimiento estudiantil, así como la conformación de nuevas organizaciones de izquierda, que obtenían conquistas electorales, se estableció una ruptura generacional y política que no volvería a cerrarse. En noviembre de 2013, la primera línea del actual gobierno de Chile, y referenciados en ellos una alianza de jóvenes de clases medias y de clases populares, obtuvo su primer triunfo electoral.

El segundo gobierno de Bachelet (2014—2018) representó a la vieja y a la nueva alianza social popular, en la medida que su bloque, la Nueva Mayoría, embarcó a grupos políticos de ambos sectores. Pero, crecientemente dominado por su ala más conservadora, destruyó cualquier posibilidad de dirigir las crecientemente belicosas posiciones de la juventud popular, al truncar la mayoría de las reformas y comprometer a su dirección con el empresariado a la vieja usanza concertacionista. Pero, mientras desarmó lo que quedaba de la credibilidad de su generación y partidos ante las clases que otrora representaba sin contrapesos, el gobierno de Bachelet permitió a importantes franjas de militantes jóvenes de RD y del PC formarse en el gobierno. No fue un tiempo perdido para estos grupos, aunque fueron fuertemente criticados por la izquierda universitaria que no entró al gobierno (entre ellos, Gabriel Boric, entonces diputado de la Izquierda Autónoma). Más bien fue una primera experiencia política que implicó especialmente a cuadros militantes provenientes de las clases medias [21]. Ya fuese dentro o fuera del gobierno de Bachelet, la alianza social, movilizada principalmente desde el movimiento estudiantil y con una importante dirección de capas medias profesionales, fue capaz de llevar a la política sus planteamientos en 2013.

Los profesores son, tal vez, el gremio profesional en que la alianza social de 2011 encuentra más firmes bases. El gremio docente llevaba años de una fuerte burocratización, eso tras una importante actividad huelguística bajo conducción comunista en los noventa. En el siglo XXI había perdido capacidad de movilización y sus bases estaban principalmente entre los jubilados. En los paros docentes de 2014 y 2015, en cambio, emergió una nueva pléyade de dirigentes y activistas, en buena mayoría militantes de organizaciones de izquierda y casi todos con un pasado activo en el movimiento estudiantil. Esto fue especialmente notorio en lugares como Santiago y el Gran Concepción, en donde años más tarde los líderes jóvenes de aquellas luchas se hicieron dirigentes regionales, comunales o nacionales del Colegio de Profesores, la principal organización gremial docente del país. La precaria situación docente, presentaba el ejemplo concreto de la descomposición de las viejas seguridades de las capas medias en una de sus profesiones más características [22]. Por otra parte, su rol fundamental en la formación y sostenimiento de la alianza social contrasta con la poca

incidencia gremial en las definiciones de las prioridades políticas de los partidos y parlamentarios de la nueva izquierda chilena (en comparación, por ejemplo, con los gremios de médicos o abogados), develando el carácter desigual de la coalición también entre profesionales [23]; [24].

Distinta es la situación del feminismo, movimiento que también expresó la alianza entre las franjas jóvenes de las clases medias y los grupos trabajadores. Tomando como hito de origen la toma de la Catedral de Santiago en 2013 y el estallido de masas en mayo de 2018, las feministas marcaron el ritmo de los partidos de ahí en mas. Significaron uno de los principales afluentes de masas de la alianza social que sostiene actualmente al gobierno. En su propio proceso todavía en marcha, el movimiento ha convocado a la política a una enorme mayoría de mujeres populares, bajo banderas parciales permanentemente excluidas de la política (como el aborto y los abusos sexuales). El feminismo logró poner en diálogo desde y dentro de la diferencia de género toda una serie de malestares críticos, como la precariedad de los trabajos feminizados, la negación del valor en la producción de afectos y la reproducción material de la vida, la masificación de la deuda como la imposibilidad de completar el salario necesario para la vida, la vulnerabilidad de la infancia y otros sujetos debilitados estructuralmente, etc. Pero también, con una dirección marcadamente de clase media, ocultaba su diferencia de clases, o bien disciplinó a sus voces más críticas al respecto. Como se dijo entonces: "...más que un producto de la modernización de mercado acontecida los últimos veinte años en ese país, el movimiento feminista chileno se plantea a si mismo como una instancia de reclamo y reconstrucción de los derechos sociales perdidos, así como de refundación de las relaciones entre hombres y mujeres dentro de la izquierda chilena a fin de converger en una acción transformadora conjunta" [25]*.

Un tercer gran movimiento que en aquellos años levantó una impugnación de masas al orden neoliberal, y de cuyos activistas una buena parte venía de las militancias universitarias, fue No+AFP, una campaña en pos de terminar con el sistema privado de pensiones creado en la Dictadura (las Administradoras de Fondos de Pensiones, AFP). Es un colectivo impulsado desde ciertos activistas sindicales, originalmente del sector de trabajadores bancarios de donde es su referente más conocido, Luis Mesina, y de otros sindicatos de servicios públicos (por tanto, dichos activistas no comparten generacionalmente con los grupos de 2011). Es en ese universo donde más fuerzas de activistas y aliados organizados consiguió el movimiento de trabajadores. Este movimiento llegó a movilizar millones de personas en algunas jornadas desde 2014 en adelante. Plebiscitó sus demandas y propuestas convocando a más de un millón de personas a sus movilizaciones en 2016 y a un plebiscito autónomo en 2017, cuando alcanzó su cenit [26]. No+AFP ha funcionado de la misma forma que el lema "No al Lucro", al permitir unificar en torno a la desposección de los ahorros de trabajadores que terminaba dañando a los más viejos, un inmenso malestar de trabajadores de otras generaciones. No+AFP ha carecido hasta ahora de una estrategia de llegada política, pero en la década de la que hacemos notas para su

* Sobre el «mayo feminista» de 2018, ver también: Hiner H., López Dietz A. ¡Nunca más solas! Acoso sexual, tsunami feminista, y nuevas coaliciones dentro y fuera de las universidades chilenas. *Polis*, 2021, N 59, pp. 122-146.

balance logró producir una referencia de síntesis del malestar social. Su expansión masiva como expresión de crítica, pero también su imposibilidad de convertirse en un movimiento de trabajadores cohesionado y organizado a nivel de masas y con capacidad de subordinar a los partidos de izquierda, dan cuenta de las formas en que la alianza social movilizada en la década pasada llegó al ciclo electoral hiper intenso de 2017 a 2021 y también a la revuelta de octubre de 2019.

La diferencia de clases al interior de la alianza también estribó en los disímiles grados de politización. Los componentes de las clases medias estaban en las franjas de estudiantes de las grandes ciudades y en las universidades de mayor prestigio del país, así como en la práctica profesional de la abogacía, la política, el funcionariado estatal, la salud pública, la educación, etc. Su hábitus estaba atravesado de lado a lado por la práctica de la política. Esa experiencia de clase en la política, era sin duda mayor que la de los distintos grupos sociales populares, cuya cotidianidad estaba permanentemente expulsada de la política. A ella, a los salones y momentos del poder, solo podían ingresar como votantes, nunca como dirigentes u organizadores. De esta forma, la clase media tendió a imponer sus objetivos parciales en forma de objetivos “del pueblo” o “de toda la sociedad” al resto de la alianza social, mientras sus vanguardias, más rápidas en organizarse y disponerse a la política institucional, apuntaron a convertir la fuerza social movilizada en fuerza electoral con las organizaciones de las capas medias a la cabeza. Desde la fundación de Revolución Democrática por parte de una red de activistas cuyo corazón estaba en las franjas de dirigentes progresistas de las FEUC, varios hitos fueron dando cuenta de este desigual proceso de politización. En 2013 realizan su primera incursión electoral apoyando una candidatura municipal en Santiago, en el burgués barrio de Providencia (para no dejar dudas sobre su carácter social), saliendo exitosos e ingresando a la administración consistorial. Un año más tarde, Giorgio Jackson saldría electo diputado por la comuna de Santiago, inaugurando la bancada estudiantil junto a Gabriel Boric, también electo por Magallanes, y a Camila Vallejo y Karol Cariola del PC. Todos venían de las universidades más prestigiosas del país, mientras que ni las candidaturas ni movimientos que presentaron listas y se basaban en organizaciones más populares o ligadas a universidades regionales o al movimiento secundario, tuvieron éxito en el proceso. Aquello se debió a la apuesta de la izquierda más radical que buscó apoyo popular sin muchas conexiones con los barrios de clases trabajadoras. Pero en especial, a la deficiente constitución política de la subjetividad del sector más pobre de los movimientos sociales respecto de las franjas de capas medias. Bolsones fragmentados de activistas y militantes de la clase trabajadora, carentes de partidos propios fuertes y, por ende, carentes de autonomía política, descentrados respecto de su especificidad de clase, se encontraban ante la imposibilidad de constituir una cabeza política propia. Se encontraron, a mediados de la década pasada, sometidos al dilema de subordinarse a los mejor constituidos liderazgos de las clases medias o bien abandonar cualquier idea de participar en la política.

Las elecciones de 2017, en que fue derrotado el oficialismo bacheletista y retornó Piñera al gobierno, fue una elección histórica por un masivo abstencionismo que superó la mitad del electorado, pero sobre todo porque

marcó el fin de la Concertación*. Significó agudizar las tendencias de clase al interior de la nueva izquierda, ya definidas en 2013. Si aquel año hubo una situación de diferentes estrategias (entre apoyar o no a Bachelet) que respondían a diferentes composiciones de clase y a diferentes modos de ver dicho proceso (si correspondía o no participar de un gobierno cuando las fuerzas propias no estaban todavía tan politizadas), en 2017 los problemas habían madurado. Para aquellos años las vanguardias de las clases medias ya mostraban una elevada capacidad política (probada en algunos éxitos como el triunfo municipal del Frente Amplio en la tercera ciudad más grande del país, Valparaíso), con partidos que tenían 5 años y las bases del partido del presidente, Convergencia Social, ya bastante afiatado en el interior del Frente Amplio. Su cosecha fue relativa a ese éxito organizativo, aumentando el Frente Amplio de 3 a 20 diputados, en su mayoría en sectores urbanos y de clases medias. Por contraste, se notaba la descomposición de los grupos más ligados a las clases trabajadoras. Dentro del Frente Amplio los grupos ligados a No+AFP, o bien a una izquierda que abogaba más por la reforma social profunda y reacia a formar parte de los gobiernos de la Concertación, fueron desplazados de los primeros puestos de las listas electorales o, en algunos casos, marginados de los partidos. El año 2017 puso a descubierto tanto lo poderosa que se había vuelto la nueva izquierda mesocrática como lo agitado que estaba el malestar popular cuando un quinto del electorado estuvo dispuesto a votar por la izquierda. Pero también demostró la desafección política de clases trabajadoras, su rabia en aumento y lo notoria que se hacia la diferencia, ya abismal, con las clases medias. Los resultados electorales de 2017, para buena parte de las franjas movilizadas desde 2011, no significaron un reencauce institucional de su malestar, y la nueva izquierda solo en parte los representaba**.

LA REVUELTA DE 2019 Y EL PROCESO ELECTORAL 2020—2021: CONTRADICCIONES Y DIFERENCIAS EN LA ALIANZA

Las masivas votaciones obtenidas en sectores urbanos populares, como en las zonas pobres de Santiago o ciudades portuarias como San Antonio y Valparaíso, junto a las que se obtuvieron en los barrios de clases medias de esos lugares, dieron la apariencia entonces de que la alianza social popular con las franjas profesionales al frente había construido cabeza política propia [27]. Pero esta imagen escondía dos problemas que saltarían a la vista dos años más tarde. Primero, que mientras más se masificaba la impugnación al neoliberalismo hacia lo largo y ancho del país, menos la nueva izquierda tenía control del proceso. En segundo lugar, dichos partidos manifestaban cada vez más interés por la lucha parlamentaria y menos por la lucha social, a la que veían a veces como su resorte pasado y no como fundamento presente.

* Para los resultados de las elecciones de 2017, ver: «Sitio Histórico Resultados Electorales - Servel». Available at: <https://historico.servel.cl/servel/app/index.php?r=EleccionesGenerales/Default/MesasElectores&id=187&Ext=1>.

** Estas ideas ya fueron expuestas más extendidamente en: Thielemann L. Nada volverá a ser como antes. Notas sobre la izquierda radical y el cambio del ciclo político en Chile. 1.03.2018. Available at: <https://www.revistaposiciones.cl/2018/03/01/nada-volvera-a-ser-como-antes/>

La distancia que se indica no era únicamente un debate teórico sobre el lugar de las luchas sociales en la práctica política formal de las izquierdas. Como suele suceder en estos casos, más allá de las ideas hay énfasis materiales. El salto a la política formal dado por las organizaciones de la alianza social de 2011 significó una movilización enorme de recursos para las demandantes campañas electorales. Un enorme caudal de militantes que contaban con alrededor de una década de experiencia en luchas sociales y politización de las mismas, debió asumir tareas electorales, de manutención burocrática de las organizaciones, de relaciones políticas con otros partidos y, después, de administración de las bancadas, municipios y diputaciones obtenidas en el bienio 2016—2017. De esta forma, los movimientos sociales se fueron quedando vacíos de los especialistas que habían dinamizado su acción política de masas impugnatoria del neoliberalismo, justo cuando dicha línea de ataque comenzaba a mostrar su capacidad desestabilizadora de masas. Del descubrimiento de la política en la lucha social se había pasado al extremo opuesto, es decir, al abandono de la lucha social por el descubrimiento de la inmensa demanda de la política formal.

Los elevados salarios en el parlamento, así como los enormes recursos que los partidos de la nueva izquierda gozan desde 2017, contrastaban con el empeoramiento de las condiciones de vida de las bases militantes y activistas de la nueva izquierda radical. La dispar suerte al egresar de la educación superior o secundaria de la generación de 2011 agudizaba el contraste en los círculos más activistas de los partidos, tanto en la selección de cuadros como en su notoriedad política. La distancia comenzó a ser también entre quienes eran víctimas de la promesa incumplida de la movilidad social, y quienes no necesitaban dicha movilidad salvo en su negativo, como frustración, para así traducirla en votos. Con o sin la nueva izquierda, la política seguía siendo ajena a las mayorías de clase trabajadora. La parte más politizada de la nueva izquierda no notó — y muchos aún no lo hacen — que el ciclo de protestas iniciado en 2011 y fuertemente activo en la revuelta de 2019, tenía esa actitud propiamente proletaria de desconfianza hacia la política. Aquella pendía como una amenaza de destitución incluso sobre las cabezas de la izquierda, si es que no decidían ser su punta política, leal, parcializada a su favor. La revuelta de octubre de 2019 no resolvió dicho problema, sino que solo lo pospuso debido a la centralidad que tomó el odio al gobierno de Piñera.

Poco tiempo antes del estallido social de 2019, el movimiento de profesores fue dramáticamente derrotado por el Gobierno. La nueva izquierda en el parlamento apoyó a uno de los movimientos de trabajadores emblemáticos de la alianza social de 2011, pero no tomó su lucha como un asunto de vida o muerte. La derrota del paro docente fue uno de muchos desprecios desde la política, a pesar de los “nuevos políticos” que la llenaban. En los últimos días del paro, cuando la derrota ya era un hecho, en distintos puntos del país los profesores levantaron barricadas y se enfrentaron a la policía. Esos rasgos proletarios no eran propios de su tradición ni de su status profesional, pero, como se vio a los pocos meses, si lo eran de un amplio sector de las clases trabajadoras asqueadas del modelo [28]. La humillación de los profesores, la criminalización insopportable de la juventud popular, el violento rechazo al feminismo y otros manotazos autoritarios desde el Estado fueron arrinconando a las franjas organizadas de la alianza social de 2011.

De ahí en más, la revuelta y la violencia. Si en las primeras semanas de la revuelta iniciada el 18 de octubre de 2019 parecía haber una fuerte unidad entre las clases medias y trabajadoras, la salida política marcada por el acuerdo entre partidos políticos del 15 de noviembre, en que se selló el itinerario del proceso constituyente en marcha actualmente, evidenció las diferentes composiciones y politizaciones de clase que convivían en la rebelión. La mayor afinidad y capacidad política de los cuadros de clases medias produjo una salida en las lógicas del Estado, de refundación constitucional, lo que se distanciaba de las demandas de las mayorías que se enfocaban en reivindicaciones sociales urgentes, como pensiones, salud, educación y endeudamiento y se mostraban indiferentes ante cuestiones institucionales o incluso las rechazaban activamente. Esta diferencia de prioridades estaba incluso en la participación en las protestas. Si en 2011 el lugar de los principales cuadros de la alianza social de jóvenes de sectores medios y de clases trabajadoras estaba en las primeras líneas de las marchas en las calles, esta vez se mantuvieron alejadas de esos espacios y dedicadas a la política propiamente tal. Es interesante el dato notado por el historiador Nicolás Acevedo de que la de 2019 sería la primera revuelta de la historia de Chile que termina sin ningún dirigente importante de la izquierda detenido o herido. Su ausencia “a la antigua”, impidiendo las balas de Carabineros, se hizo dramáticamente notoria a la larga [29].

Luego del acuerdo y también de la llegada del Covid a Chile en marzo de 2020, el proceso se tornó casi completamente político. La calle se vació, las concentraciones de masas se hicieron imposibles a riesgo de su propia muerte. El sector más mesocrático de la alianza social popular se hizo fuerte en el control del proceso político y por la vía de sus partidos políticos, especialmente el Frente Amplio, impuso sus lógicas y reglas. Se imponía así su centralidad: la necesidad de reformar para sí el principal resorte de las clases medias latinoamericanas, es decir, el Estado y las instituciones de “lo público”. En el plebiscito de octubre de 2020, postergado desde abril por la pandemia, la opción “Apruebo” al cambio de la Constitución venció con una mayoría abrumadora (el 78% de los votos). En mayo de 2021 se realizaron las elecciones de Convencionales para el proceso constituyente (“Convención Constitucional”), en las que los partidos tradicionales se vieron superados por organizaciones de base y candidatos independientes (destacando “La lista del Pueblo” como principal movimiento). Es de resaltar que más allá de los grupos, marcas y partidos que conquistaron los cupos, el carácter social de los convencionales electos era marcadamente mesocrático. Como se han encargado de difundir sus defensores en el presente, la abrumadora mayoría es profesional y con postgrados, mientras su primera presidenta, Elisa Loncón, afirmó siempre que era mapuche y también doctora en la prestigiosa Universidad de Leiden, Países Bajos [30]; [31].

Esta tendencia se mantuvo en el proceso electoral de 2021. En las elecciones municipales de mayo de 2021, hechas en conjunto con las elecciones de convencionales, el Frente Amplio y el PC se hicieron con decenas de municipios, principalmente en las grandes ciudades, comunas de sectores medios y también en sectores trabajadores. Así y todo, los triunfos más bulludos fueron en comunas emblemáticas de la nueva clase media, como Santiago, Maipú o Ñuñoa, en la ciudad de Santiago y en centros urbanos más acomodados como

Viña del Mar y Valdivia en el sur del país. Más todavía, las figuras que se convertían en alcaldes tenían un carácter social bastante homogéneo a pesar de las diferencias políticas que entonces todavía atravesaban al PC y al Frente Amplio. Así, las nuevas alcaldesas comunistas que vencieron en Santiago, mostraban a un PC joven y profesional, con cuadros formados en las universidades de élite del país; similares a sus pares del Frente Amplio y también a los líderes de la Convención Constitucional.

Finalmente, en el último apronte electoral antes de los comicios presidenciales, las primarias de la izquierda del 18 de julio de 2021, fue cuando se terminó de definir la supremacía mesocrática en la alianza social. Las alternativas de Daniel Jadue y Gabriel Boric no expresan automáticamente, como deseaban algunos en el bando comunista, el enfrentamiento entre un sector más popular y otro más mesocrático de la nueva izquierda. Fue más complejo que eso. Mientras Gabriel Boric realmente era el candidato de las vanguardias de clases medias, la candidatura de Jadue no expresaba algo socialmente muy distinto. Lo que sí, su intención era representar a los grupos sociales trabajadores que se habían movilizado masivamente en 2019 y que así podrían expresar su especificidad de clase. Eso no ocurrió. Boric se impuso no solo en los barrios de clase media de las grandes ciudades, sino también en los nuevos barrios de clase trabajadora (como Puente Alto o Maipú en Santiago, con más de un millón de habitantes en conjunto). Jadue únicamente venció en los antiguos barrios obreros de las grandes ciudades. Así, la campaña comunista había buscado representar a una vieja clase trabajadora que supuso radicalizada en clave izquierdista, sin poner atención a que las masas de las nuevas clases trabajadoras al parecer preferían un liderazgo de clases medias, profesional, moderado y joven.

Es en esa capacidad creciente de las nuevas clases medias, en sus sectores más jóvenes y progresistas, para dirigir amplias masas en procesos electorales, que debe ponerse atención cuando se hace la pregunta por la base social del triunfo electoral de Gabriel Boric. Su abrumador triunfo en segunda vuelta (obteniendo casi tres cuartas partes del voto de las grandes ciudades) es una novedad histórica, una disposición política que habita tanto un sector del PC como casi todo el Frente Amplio, y que ha sido capaz de desplazar a la vieja izquierda que le habló al viejo pueblo y quedó reducida a una minoría derrotada y obsoleta, así como de derrotar a la vieja Concertación, resistente en una decreciente minoría de las viejas clases medias. Era el triunfo definitivo de los grupos sociales profesionales y funcionarios, ya no solo dentro de la alianza social popular, sino que sobre el resto de las clases sociales de Chile, especialmente sobre las viejas clases medias y sobre el sector más oligárquico de Chile. Es temprano para indicar si esa base social se mantendrá con el tiempo o si se desintegrará con sus contradicciones puestas en tensión en el nuevo gobierno. Por otra parte, la derecha y las clases propietarias saldrán del estado de derrota en que se encuentran y es probable también que continúe la politización de las clases populares en un código bastante belicoso. Está por verse si a todo eso vendrá una respuesta de populismo autoritario, progresismo contenido o un reformismo profundo. Lo que sí, es que la alianza social popular está de vuelta y, como de costumbre, es el grupo social protagónico de la política.

BIBLIOGRAFIA / REFERENCES

1. Barozet E. ¿Es usted de clase media? Probablemente no. *CIPER Chile*, 10.04.2017, available at: <https://www.ciperchile.cl/2017/04/10/es-usted-de-clase-media-probablemente-no/> (Accessed 20.04.2021).
2. Jaque J.M. Chile es un país de clase media, *La Tercera*, 25.11.2020, available at: <https://www.latercera.com/tendencias/noticia/chile-es-un-pais-de-clase-media/PFLQBAKD PVFYPI3YC2LHQKWS7A/> (Accessed 20.04.2021).
3. Pérez P., Ramírez F. La izquierda y las clases sociales en Chile: ¿problema superado? *ROSA*, 20.07.2020, available at: <https://www.revistarosa.cl/2020/07/20/la-izquierda-y-las-clases-sociales-en-chile-problema-superado/> (Accessed 20.04.2021).
4. Casals M. La disputa por la clase media. *El Mostrador*, 7.07.2020, available at: <https://www.elmostrador.cl/noticias/opinion/columnas/2020/07/07/la-disputa-por-la-clase-media/> (Accessed 20.05.2021).
5. Confederación de Estudiantes de Chile (CONFECH), Declaración CONFECH sobre la situación de la Universidad Central, 11.08.2011. Available at: http://www.archivochile.com/Chile_actual/01_mse/1/MSE1_0031.pdf (Accessed 20.05.2021).
6. Meiksins-Wood E. Class as process and relationship / *Democracy against Capitalism. Renewing Historical Materialism*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1995, pp. 76-107
7. Meiksins-Wood E. El concepto de clase en E.P.Thompson. *Cuadernos Políticos*. México, UNAM, 1983, N 36, pp. 87-105.
8. Ruiz C., Boccardo G. Los chilenos bajo el neoliberalismo. Santiago de Chile: El Desconcierto, Nodo XXI, 2014.
9. Vommaro P. Las juventudes movilizadas en América Latina / *Juventudes y políticas en la Argentina y en América Latina*, Tendencias, conflictos y desafíos. CLACSO, 2016, pp. 57-74.
10. Thielemann H. L. Para un balance de la era Piñera: una hipótesis sobre las razones de clase. 2010 – 2022. *ROSA*, 10.03.2022. Available at: <https://www.revistarosa.cl/2022/03/10/balance-de-la-era-pinera/>
11. CONFECH, Carta al Presidente de la República de Chile, Sebastián Piñera, 23.08.2011. Available at: http://www.archivochile.com/Chile_actual/01_mse/0/MSE0_0012.pdf (Accessed 20.06.2021).
12. Figueroa F. Vicepresidente de la FECH: “Llegamos para quedarnos”. *CIPER Chile*, 26.08.2011, available at: <https://www.ciperchile.cl/2011/08/26/vicepresidente-de-la-fech-llegamos-para-quedarnos/> (Accessed 20.06.2021).
13. Ruiz Encina C. Octubre chileno: la irrupción de un nuevo pueblo. Santiago de Chile: Taurus, 2020.
14. Donoso S. Dynamics of Change in Chile: Explaining the Emergence of the 2006 Pingüino Movement. *Journal of Latin American Studies*, 2013, Cambridge, 45, № 1, pp. 1-29.
15. Von Bülow M. Et al. «Se necesitan dos para bailar tango: estudiantes, partidos políticos y protesta en Chile, 2005-2013» / Almeida P., Cordero Ulate A. (eds.) *Movimientos sociales en América Latina. Perspectivas, tendencias y casos*, CLACSO, 2017, pp. 313-340.
16. Sanhueza M.J. Los estudiantes nuevamente en la calle. 22.05.2008. Available at: <https://rebelion.org/los-estudiantes-nuevamente-en-la-calle/> (Accessed 20.06.2021).
17. FECh. Un millón de personas repletaron Parque O'Higgins durante ‘Domingo familiar por la Educación’, Comunicado de prensa.
18. Confech buscará reinstalar discusión de renacionalización del cobre y reforma tributaria. *La Tercera*, Santiago, 3.11.2011, p. 6.
19. Labarca J.T. El “ciclo corto” del movimiento estudiantil chileno: ¿conflicto sectorial o cuestionamiento sistémico? *Revista Mexicana de Sociología* México, D.F., 2016, 78, n.º 4, pp. 605-632.
20. Masiva marcha de los trabajadores en jornada de paralización nacional. *Diario y Radio Universidad de Chile*, 11.07.2013. Available at: <https://radio.uchile.cl/2013/07/11/masiva-marcha-de-los-trabajadores-en-jornada-de-paralizacion-nacional/> (Accessed 20.07.2021).
21. Núñez D. (ed.), *El Partido Comunista y la experiencia de gobierno de la Nueva Mayoría*. Valparaíso: América en Movimiento, 2020.
22. Blanco O., Vejar D.J. La precariedad en Chile: ¿Nueva clase trabajadora o fenómeno transclásico? / Vidal Molina P. (ed.). *Neoliberalismo, neodesarrollismo y socialismo bolivariano, modelos de desarrollo y políticas públicas en América Latina*, CLACSO, 2019, pp. 260-290.

23. Delgado P., Thielemann H. L. Desprofesionalización y proletarización en la escuela: Aproximaciones a la nueva conflictividad docente, *Cuadernos de Coyuntura*, abril de 2016, Córdoba.
24. Navarrete A. La Primavera Docente, Profesoras y Profesores un actor en movimiento. Chile 2014 – 2016. Concepción: Escaparate, 2020.
25. Olmedo C.C. Feminismo en Chile: Una crítica sistémica desde el Sur», *ROSA*, 1.10.2019, pp. 149-62.
26. ¿Por qué Chile grita “No más AFP”, *Deutsche Welle*, available at: <https://www.dw.com/es/por-qu%C3%A9-chile-grita-no-m%C3%A1s-afp/a-36072398> (Accessed 20.01.2022).
27. Desentrañando el 20%: Frente Amplio obtuvo importante votación en comunas populares de Santiago. *El Desconcierto*, 20.11.2017. Available at:<https://www.eldesconcierto.cl/2017/11/20/desentranando-el-20-frente-amplio-obtuvo-importante-votacion-en-comunas-populares-de-santiago/> (Accessed 20.04.2021).
28. Matamoros C. Para un análisis del paro docente. Notas en perspectiva histórica, *ROSA*, 6.08.2019, available at: <http://www.revistarosa.cl/2019/08/06/borrador-paro-docente-perspectiva-historica/> (Accessed 20.04.2021).
29. Acevedo Arriaza N. Cien años de Presos Políticos en Chile: desde los subversivos de 1920 a la actual Revuelta, *ROSA*, abril de 2020. Available at: <http://www.revistarosa.cl/2020/05/11/rosa-02-cien-anos-de-presos-politicos-en-chile-desde-los-subversivos-de-1920-a-la-actual-revolta/> (Accessed 20.06. 2021).
30. Cadiz P., Rojas S. «Principalmente abogados y con 44 años de edad promedio: la Convención Constitucional en Cifras», 17.05.2021. Available at: <https://www.t13.cl/noticia/elecciones-2021/politica/convencion-constitucional-cifras-profesion-edad-pactos-17-05-21> (Accessed 20.12.2021).
31. Conoce a las y los más de 30 convencionales constituyentes que han pasado o son parte de la Universidad de Chile», *Diario y Radio Universidad de Chile*, 19.05.2021. Available at: <https://www.uchile.cl/noticias/176014/conoce-a-los-mas-de-30-convencionales-constituyentes-de-la-u-de-chile> (Accessed 20.11.2021).

Luis Thielemann Hernández (luisthielemann@gmail.com)
PhD in History, Finis Terrae University, Researcher, Chile

The "own political leadership". Contributions to the understanding of the Social Alliance and unequal politicization of classes in Chile that elected Gabriel Boric

Abstract: Aftermath of the presidential elections in Chile, which took place in 2021, there is a majority that identifies itself with the plain people and defined as a popular social alliance made up by middle and working classes. This majority would have been in formation since at least 2006, staunchly since 2011 and steadily until the present. In this alliance and under a progressive program, the middle class rules through its main figures, parliamentarians and party leaders and keeps swayed a fragmented majority of the working class. That explains the particular features of the social bases formed in a decade of social and electoral struggles, as well as the current Chilean government's traits under the leadership of Gabriel Boric and the Apruebo Dignidad coalition.

Key words: Chile, Boric, Class, Social Movements, Social Alliance.

DOI: 10.31857/S0044748X0020407-6

Received 23.03.2022

А.А.Щелчков

Хайме Гусман, гремиализм, наследие диктатуры в современной чилийской политике

Движение, получившее название гремиализм, представляло собой «новых правых», предлагавших осуществить революционные изменения в обществе, благодаря которым должна была быть исключена вероятность возвращения к власти левых, марксистских партий. Сегодня на политической сцене Чили важное место занимает наследница гремиалистского движения партия Независимый демократический союз (*Unión Demócrata Independiente, UDI*). *UDI* стала политической силой, опиравшейся на широкие народные массы, что сильно отличало ее от других правых. Целостность доктрины и политическая последовательность обеспечили *UDI* выживаемость на политической сцене. В данной статье представлены анализ идеологической эволюции гремиалистского движения, идейная и политическая деятельность его основателя и лидера Хайме Гусмана — автора пиночетистской конституции 1981 г. Х.Гусман и его сторонники последовательно проводили в жизнь принципы субсидиарности государства и новой институциональности, принятые на вооружение военной диктатурой Аугусто Пиночета и ставшие основой политической и социальной системы Чили.

Ключевые слова: гремиализм, субсидиарность, корпорativизм, Пиночет, Хайме Гусман, правые силы.

DOI: 10.31857/S0044748X0020408-7

Статья поступила в редакцию 21.01.2022.

Последние политические события в Чили, народные волнения 2019 г., конституционная ассамблея, выборы 2021 г. повлекли за собой кризис и перестройку на правом фланге, который в этой стране отличается большим идеяным разнообразием. Важной частью этого политического сектора является гремиалистское (от исп. *gremio* — цех) движение, партия Независимый демократический союз (*Unión Democrática Independiente*,

Андрей Аркадьевич Щелчков — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (РФ, 119334 Москва, Ленинский пр., 32 а, sch2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7780-781X>).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-00103 «Правый радикализм и фашизм в Латинской Америке в XX в.», <https://rscf.ru/project/22-28-00103/>.

UDI), показавшее свою силу и выживаемость в меняющемся политическом ландшафте Чили. Гремиализм как одно из старейших политических движений страны возник в 1960-е годы и серьезно повлиял на идеиное обновление всего правого политического фланга.

Данная статья посвящена эволюции гремиалистского движения, представляющего собой существенную силу на правом фланге чилийской политики. В отечественной историографии при анализе диктатуры Аугусто Пиночета (1973—1990) и ее наследия ученые сосредотачивали свое внимание на неолиберализме, а идеиный и политический вес собственно гремиалистов в значительной степени игнорировался. Еще меньше изучалось текущее положение дел в этом течении современных правых. Данная работа призвана по возможности восполнить этот пробел, что особенно актуально ввиду переформатирования всего правого фланга в Чили после победы на выборах радикальных левых сил во главе с Габриэлем Боричем (11 марта 2022 г.).

В своем исследовании автор опирался на методологию многофакторного анализа политических движений и формирования идеологических построений. Для анализа правой мысли и политической практики в Чили уместны политологический и культурологический методы, метод исторической социологии, концепции национализма в истории (Чарльза Тилли и Крейга Калхуна), культурного капитала и символического насилия (Пьера Бурдье), теории утопии в формировании партийности (Карла Мангейма, Мелвина Ласки), методологии, сочетающие теорию «коллективного воображаемого» и создания «воображаемых сообществ» в применении к партийным и социальным сетевым и вертикальным связям.

Основателем и главным идеологом гремиализма является Хайме Гусман (1946—1991 гг.) — последователь корпоративистов, консерваторов-испанистов Хайме Эйсагирре и Освальдо Лиры [1, р. 262], яркий публицист и политик. Чилийский исследователь Хосе Мануэль Кастро писал: «Хайме Гусмана можно охарактеризовать скорее не как интеллектуала, а как политика, который в своих поступках исходит из интеллектуального осмыслиния ценностей и концепций» [2, р. 13]. Он был всегда последователен в политической реализации своих убеждений.

В 1966 г. Гусман со своими соратниками — студентами Папского Католического университета — создал Гремиалистское движение (*Movimiento gremialista, MG*), противопоставившее себя объединениям студентов по партийным предпочтениям [3, р. 290]. Гремиалисты представляли собой «новых правых», которые возникли как реакция на кризис традиционных правых партий и реформы, проводившихся демохристианским правительством в 1960-е годы. Гремиалисты активно участвовали в «университетской революции» 1967 г., руководящую роль в которой играли демохристиане, требовавшие кардинальных изменений во внутренней жизни этого самого консервативного университета страны. Хотя большинство шло за демохристианами, настаивавшими на введении студенческого самоуправления, гремиалисты были против, выступая за деполитизацию студенческого движения [1, р. 265].

В этот бурный период в марте 1967 г. *MG* опубликовало свою Декларацию принципов. В ней подчеркивалось, что его главный принцип — депо-

Андрей Щелчков

литизация студенческого движения как посреднической организации в смысле католической доктрины субсидиарности государства*. В документе ставилась задача превращения *MG* в главного субъекта студенческого движения при вытеснении из него партийно ориентированных групп [4, р. 89].

Первым результатом деятельности *MG*, благодаря его новизне, идеализму, осуждению традиционной политики, позиционированию как «авангарда свободы», стала победа на выборах в Студенческую федерацию Католического университета (*La Federación de Estudiantes de la Pontificia Universidad Católica de Chile, FEUC*) в 1968 г. [5]. Эта была единственная студенческая федерация, не находившаяся в те годы под контролем марксистских групп. Гремиалисты представляли на правом фланге такое же поколенческое явление, называемое в чилийской литературе *ruptura* (от исп. *ruptura* — разрыв), а по сути, революционное нетерпение, которое на левом фланге было представлено маоистами, миристами (прокубинские леваки), левыми демохристианами, также отвергавшими традиционные партии. Особенностью этого нового поколения чилийских правых было то, что они не искали своего места в существующих правых партиях, а стремились к иным формам политической борьбы.

MG рассматривало социальную структуру как конструкцию, состоящую из посреднических организаций, находящихся между государством, политикой и простыми людьми, исключавшую идеологическое влияние какой-либо партии на их деятельность, то есть основанную на принципе аполитичности [6, р. 1]. Гусман определял гремиализм как «идейное движение, стремящееся укрепить автономию общинных посреднических структур — профсоюзов, цехов (*gremios*), предпринимательских, молодежных организаций и пр., — основываясь на принципе субсидиарности государства как ключевого принципа для подлинно свободного государства» [7, р. 124]. Посреднические организации, по словам Гусмана, действуют в пространстве между семьей и государством, имея полную автономию, но ограничены именно этой сферой, ради которой они и создаются людьми по территориальному (районные, квартальные и пр.) или по профессиональному признаку (цеха, ассоциации). И здесь не нужны идеология и политика, ибо задачи иные [8, pp. 47-48].

Созданное Гусманом гремиалистское движение в соответствии с концепцией субсидиарности противопоставляло себя политическим партиям и движением, в том числе и правым, ибо заявляло о своих устремлениях завоевать «социальную власть», а не политическую. Принцип субсидиарности противопоставляется угрожающему тоталитаризму коллективизму и крайнему индивидуализму, превращаясь в принцип сохранения свободы, а государство должно за-

* Принцип вспомогательной функции государства, введенный в оборот Первым Ватиканским собором (1869—1870 гг.), связан с идеей децентрализации, решения социальных вопросов не на государственном, а на частном, низшем, базовом уровне, что в интерпретации правых, в том числе и чилийских, предполагает второстепенность интересов государства перед частным предпринимательством, ликвидацию централизованных механизмов социального государства, антизатитизм, аполитичность. Государство играет лишь вспомогательную роль и только там, где автономные (посреднические между индивидом и обществом) организации не справляются.

щищать «общее благо». Для Гусмана этот принцип был проявлением свободы как основы функционального и органического общества [9, р. 133].

Политическим идеалом Гусмана была формула — сильное государство и свободное общество [10, р. 25]. Субсидиарность не предполагала существования «государства-полицейского», охраняющего свободу и собственность предпринимателя, а исходила из принципа справедливости. Гусман предлагал моральную трактовку субсидиарности: человек по своей природе свободен, а задача государства поддерживать это [11, р. 101].

Гремиалисты и их идеиные лидеры — в отличие от pragматических традиционных правых в Чили — большое внимание уделяли идеологии не только в борьбе с левой, марксистской перспективой общественного развития, но и для создания философских, мировоззренческих основ для иной общественной модели. Правый сектор чилийской политики получил в лице гремиалистов массовое (в тот момент молодежное) движение нового типа, наступательное и современное, не выступавшее за пассивное сопротивление любым переменам, а приветствовавшее таковые, если они носили технологический и прикладной характер. В конце 1960-х у гремиалистов сложились хорошие отношения с экономистами-неолибералами, вошедшими в историю как «чикагские мальчики». Союз гремиалистов и неолибералов стал политической основой диктатуры Пиночета.

После прихода к власти Сальвадора Альянде (1970—1973 гг.) гремиалисты Гусмана, традиционные и даже ультраправые из националистического Фронта Родина и свобода (*Frente Nacionalista Patria y Libertad, PyL*) объединили свои усилия в борьбе с марксистской угрозой, причем идеологическое первенство в этом союзе осталось за гремиалистами. К гремиалистам присоединились не только студенты, но и транспортники, ставшие ударной силой борьбы с социалистическим правительством, горняки, торговцы, забастовки которых привели к экономическому и политическому кризису правительства Народного единства. Гремиалисты уже тогда говорили о новой институциональности, которая должна прийти на смену не только правительству Альянде, но и всей системы Конституции 1925 г., позволившей марксистам прийти к власти [12, р. 201].

Гусман тогда был склонен занимать самые радикальные политические позиции, вплоть до откровенно профашистских. Французский социолог Ален Турен, находившийся в Чили в начале 1970-х годов, так описывал его: «На меня большое впечатление произвел некто Гусман, журналист и профессор конституционного права в Католическом университете. Я никогда не видел подобного человека в этой стране. Он напугал меня: в самые критические периоды появляются такие чудовищные фигуры. Он был охвачен холодной страстью, вооруженной фальшивой логикой. Это — тип инквизитора, а его внешний вид, бледность напоминали молодых фашистов до войны. Не знаю, входит ли он в какую-нибудь подпольную экстремистскую группу. В любом случае он мог бы быть лидером таковой. Видно, что он принадлежит миру фашистского фанатизма» [13, р. 69]. Звезда Гусмана и его движения взошла после переворота Пиночета.

Андрей Щелчков

ГРЕМИАЛИЗМ И ПЛАНЫ ПЕРЕУСТРОЙСТВА ЧИЛИ ПОСЛЕ 1973 Г.

Через шесть месяцев после переворота, 11 марта 1974 г., военное правительство опубликовало «Декларацию принципов правительства Чили». Гусман совместно с Энрике Кампосом Менендесом и своим учителем, священником Освальдо Лирой, редактировал этот программный документ [3, pp. 290-291]. Если сразу после переворота военные настаивали на своем стремлении восстановить демократию и порядок, то Гусман убеждал Пиночета в необходимости нового типа институциональности, нового политического строя [14, p. 51]. В «Декларации» 1974 г. были четко обозначены контуры новой институциональности, главным принципом которой была субсидиарность. В документе провозглашались децентрализация и деполитизация новой модели государственности: «Главное отличие новой институциональности состоит в децентрализации власти как территориальной, так и функциональной, что позволит стране двигаться к технифицированному обществу и к подлинному общественному участию» [15, p. 154].

Вплоть до принятия Конституции в 1981 г. Гусман говорил о новом политическом строе и необходимости перехода от прямого, авторитарного, диктаторского правления к новым институтам власти и «ограниченной» или «опекаемой» демократии [16, с. 120]. В этом он противостоял не только демократам и противникам режима, но и активно боролся с теми его сторонниками, кто предлагал консервацию существующей диктатуры Пиночета [17, p. 343].

Для политической поддержки режима MG в 1975 г. создало Молодежный фронт национального единства (*Frente Juvenil de Unidad Nacional, FJUN*), сделав акцент на будущее, на поддержку новой институциональности и новой экономической модели, желая подчеркнуть свою опору на молодежь, на новое поколение чилийцев [18, pp. 23-24]. Гремиалистам был передан Национальный секретариат молодежи (*Secretaría Nacional de la Juventud, SNJ*), ставший государственным органом пропаганды режима не только в молодежной среде. MG проводило большую работу в бедных районах, создавая сети «посреднических организаций» и решая частные и местные проблемы, пользуясь влиянием во власти. Военные назначали гремиалистов на посты мэров (алькальдов). Работая в бедных районах, гремиалисты обращались к социальной верхушке этих кварталов, а по сути — к среднему классу, т.е. к местным торговцам, владельцам небольшого бизнеса и пр.

После переворота 1973 г. перед военными и правыми стояла задача сформулировать параметры новой институциональности, новой политической системы. Результатом работы над решением этой задачи идеологов и практиков режима во главе с Гусманом была разработка текста новой конституции. Для этой цели была создана комиссия Энрике Оргусара, ведущую роль в которой играл Гусман. Чилийский литератор Артуро Фонтайне отмечал, что тот был более политиком, нежели мыслителем [19, p. 251]. Гусман обладал тонким политическим чутьем и сделал свой идейный выбор вслед за военными, предпочтя «чикагских» неолибералов и отвернувшись от старых соратников — корпоративистов и националистов. Именно благодаря этому выбор Пиночета выбрал его для построения идейной базы нового режима.

Объявленная военными политическая «пауза», временное прекращение деятельности всех партий, в том числе и правых, не коснулась гремиалистов, которые продолжали активную деятельность в Католическом университете, ибо режим нуждался в постоянной мобилизации политической и социальной поддержки, особенно среди молодежи, студенчества. Гусман, которому было всего 27 лет, стал идеологом нового режима.

В июле 1974 г. неолибералы пришли в правительство Пиночета, положив начало слиянию всех правых, старых корпоративистов и гремиалистов под твердой опекой военного режима. Неолиберальные рецепты экономических реформ были приняты гремиалистами. Гусман, ранее резко критиковавший не только десаррольистские и марксистские модели экономики, но и либеральный капитализм с точки социальной доктрины католической церкви, уже не противопоставлял корпоративизм неолиберализму, убеждая в необходимом сочетании последнего с субсидиарным государством. Субсидиарность, по убеждению Гусмана, не действовала автоматически: для ее реального функционирования было необходимо сильное государство, которое обеспечило бы «свободу» и «общее благо» [11, р. 116].

MG проповедовало деполитизацию, что совпадало с желаниями военных установить «перерыв», ликвидировав традиционную политическую борьбу, в которой в течение второй половины XX в. побеждали левые, марксистские силы. Гремиалисты видели в этом «перерыве» возможность для создания новой политической ситуации с привлечением самых широких масс на сторону нового режима, не предполагавшего существования традиционной политики и партий.

Гремиалисты не отказывали в существовании партиям и политическим движениям, но четко определяли, что те могут и должны бороться за власть в государстве, ни при каких, однако, обстоятельствах не вмешиваться в деятельность «посреднических организаций», деполитизация которых является гарантией свободы граждан. Они видели опасность возврата к деструктивным политическим тенденциям в обществе, если политическая борьба будет перенесена в народные массы [6, р. 5].

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ГУСМАНА — НОВАЯ ИНСТИТУЦИОННОСТЬ

Гремиалисты организовывали массовые мероприятия в поддержку режима и лично Пиночета в виде фестивалей. Важнейшие из них проходили в Чакарильяс, в парке в Сантьяго, где в 1977 г. диктатор произнес одну из своих главных речей, обозначивших путь к новой институциональности, «новой демократии». Акции в Чакарильяс напоминали фашистские парады и съезды времен Бенито Муссолини*.

В этот период гремиализм отошел от корпоративистских тезисов. Как отмечал в своих воспоминаниях руководитель *MG* Игнасио Астете, до этого в своей деятельности они вдохновлялись примером франкистской Испании. Затем акценты сместились [18, р. 70]. Теперь речь шла об «авторитар-

* Во многом такое впечатление складывалось объективно, так как устроителем этих фестивалей в Чакарильяс был архитектор, происходивший из семьи последователей Муссолини, прибывших в Чили после Второй мировой войны.

Андрей Щелчков

ной, защищенной, интегративной, технической демократии подлинного социального участия», что стало основой Конституции 1981 г. [5].

Для Гусмана демократия состояла не в избранном представительстве народа, а в реализации принципа «всеобщего блага», ставшего краеугольным камнем его концепции новой институционности. Гусман настоял на включении в проект Конституции понятия «общего блага» как цели государства. Его понимание отличалось от трактовки либералов и коллективистов. В первом случае речь идет о сумме интересов индивидуумов, а во втором интересы индивидуума растворяются в коллективной сущности. «Общее благо» Гусмана состояло в том, что государство должно было создать условия, при которых деятельность индивидуумов и групп сливаются и взаимно поддерживаются в интересах всего сообщества [11, р. 104].

«Декларация» 1974 г. подчеркивала различия между политическим суверенитетом и социальным суверенитетом, резервируя для Хунты (верховной власти) первый, с диктаторскими функциями, что было реализацией «королевских прерогатив» в терминологии К. Шмидта [20, р. 116]. В документе подчеркивалось: «Политическая власть или право принимать решения по вопросам, имеющим общий интерес для всей нации, является функцией правительства страны. Социальная власть, наоборот, должна пониматься как способность принимать решения посредническими формированиями общества для развития законных интересов автономий для достижения их специфических целей, обогащая тем самым действия политической власти... Цель — обеспечить деполитизацию всех посреднических сообществ между человеком и государством» [15, р. 154]. Государственное же управление оставалось зарезервированным за элитой, представленной партиями, разделявшими ценности христианской цивилизации.

У «новой демократии» были следующие характеристики: авторитаризм (сильная президентская власть), интеграция общества вокруг национальных чилийских ценностей, технократическая власть, демократия «подлинного социального участия», основанная на принципе субсидиарности государства и социального суверенитета нации, антипартийного и аполитического по существу. Все эти политические принципы новой институционности позволяли сохранить неолиберальный экономический порядок и навсегда исключить этатистские потуги левых [21, pp. 136-138].

«Новые правые» в лице гремиалистов в течение 1970-х годов под воздействием обстоятельств и целеполагания военного правительства эволюционировали от католического традиционализма к корпоративизму и неолиберализму. В самом правительстве позиции и влияние корпоративизма имели недолгую историю и были очень быстро вытеснены неолиберализмом как основой идеологии [22, р. 64]. Первоначально, до конца 1970-х, Гусман защищал корпоративистские позиции по политической реформе, но затем с началом радикальных неолиберальных реформ его взгляды на политическое устройство также претерпели «неолиберальную» трансформацию. Он испытал на себе не только влияние испанизма, корпоративизма, крайне спорных взглядов Карла Шмитта, но и австрийской экономической школы Фридриха Августа фон Хайека [23, pp. 107-108]. Под влиянием идей фон Хайека защита капитализма Гусманом превратилась в защиту именно либерального капитализма.

Гусман утверждал, что всеобщее избирательное право хотя и неизбежно, но должно быть ограничено «принципами» чилийской самобытности, что изначально исключало марксистские идеи. Он считал всеобщее избирательное право лживой заменой народного суверенитета, в основе которого лежат исторические традиции и вековые духовные связи народа, нации [20, р. 11]. К тому же Гусман допускал переход к ограниченной демократии только после того, как общество достигнет определенных экономических успехов, и все оно будет чувствовать связь с господствующей системой, со свободным, ничем не ограниченным рынком. Идеологи военных говорили не только о необходимости временного приостановления деятельности политических партий, но и даже о переформатировании партийной системы в рамках новой модели государства [24, р. 28].

Гусман рассчитывал оттянуть возвращение к партийной системе, и, будучи энтузиастом развития таких «посреднических организаций», как *FJUN*, не рассматривал их как нечто, что может прийти на замену старым партиям и составить основу новой институциональности. *FJUN* фактически был прообразом «единственной партии» в рамках однопартийной диктатуры, но формально таковой не стал, хотя *MG* был самой близкой к власти политической силой [18, р. 152]. Гремиалисты считали, что время для «новой демократии» еще не пришло, и военные еще неопределенно долгое время должны были оставаться у власти, оздоравливая страну, ее экономику и политику.

СОЗДАНИЕ ПАРТИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ТРАНЗИТА

Будущая чилийская демократия, которой могли угрожать эксцессы и неожиданности, вызванные всеобщим избирательным правом, должна была быть защищена [25, р. 504]. Гусман считал необходимым принять меры, которые не позволили бы большинству вновь злоупотребить демократией и привести к власти левых. Такими мерами в новой Конституции были запрещение компартии и создание института назначаемых, а не избираемых сенаторов. Переход к новой демократии должен был обеспечить военный режим, который он называл «преддемократическим» [21, р. 158]. Гусман не считал возможным восстановление демократических выборов, пока не будут созданы новая социальная система и психологическая атмосфера неприятия левых идей как таковых.

Проект Конституции, фактическим автором которой был Гусман, предусматривал ограниченный политический плюрализм, исключавший возможность легального существования марксистских партий. Принципы, изложенные Гусманом в «Декларации» 1974 г., были положены в основу этого проекта [3, р. 298]. После того, как Государственный совет внес в документ переходные положения, новая Конституция была принята на плебисците 1980 г. 65,71% голосов (вступила в силу в 1981 г.).

В годы кризиса 1980-х Пиночет сделал выбор в пользу старых консерваторов, и ставка на силу привела к ослаблению влияния гремиалистов. С определенного момента отношения властей с *MG* стали враждебными. Первые начали предпринимать усилия для формирования правой политической силы, способной стать опорой режима, считая *MG* несостоятель-

ным. Эти обстоятельства подтолкнули гремиалистов к ускорению формирования собственной партии. Еще в 1979 г. они создали группу политического давления Новая демократия (*Nueva democracia*) во главе с Хавьером Летурией. Эта группа мыслилась как «интеллектуальный центр», продвигавший принципы новой институциональности. Гремиалисты не ставили цель превратиться в массовую партию, а ограничились узким кругом близких Гусману людей; всего было привлечено 23 человека [18, р. 135]. Идея создания партии появилась позже, когда отношения гремиалистов с правительством при министре внутренних дел Серхио Харпе изменились, и на повестку дня встал вопрос реального транзита. К тому же в 1983 г. стал очевидным рост протестов против диктатуры, а гремиалисты потерпели поражение даже в студенческом движении, которое они рассматривали как свой прочный тыл.

Перед лицом усилий Харпы по созданию новой правой партии в 1983 г. возник гремиалистский Независимый демократический союз (*Unión Demócrática Independiente, UDI*). Создание партийных структур, выходящих за рамки студенческого, молодежного движения, было вызвано процессами возможного транзита, но не в последнюю очередь и возрастными проблемами: многие гремиалисты, уже давно выйдя из студенческого и молодежного возраста, стремились к объединению в официальное движение, саму возможность существования которого прежде решительно отвергали.

В «Декларации принципов» *UDI* повторялись тезисы, изложенные в правительственные документах и проекте Конституции 1980 г. Среди прочего в ней указывалось, что члены *UDI* придерживаются следующих принципов: идея общего блага как цель и задача государства; субсидиарность государства как основа его функционирования; «стабильная и эффективная демократия» (т.е. ограниченная и защищенная демократия, включавшая запрет марксистских партий и движений); приверженность гремиализму как принципу внепартийного социального участия; экономика свободного рынка; частная инициатива в области здравоохранения, образования, социальной защиты; борьба с бедностью; децентрализация и регионализация управления; признание особой роли армии в политической жизни [18, р. 160].

В условиях острого социального и политического кризиса министр Харпа стал вести переговоры с оппозиционным Демократическим альянсом (*Alianza Demócratica, AD*), требовавшим ускорить транзит. Стался вопрос о созыве парламента. *UDI* поддержал эту идею, но настаивала не на выборах конгресса, а на назначении депутатов по соглашению властей и умеренной оппозиции. Учитывая, что последняя не принимала этот вариант, Гусман выступил за назначение депутатов правительством и их легитимацию через плебисцит. Все эти планы транзита были похоронены в ноябре 1984 г. с объявлением осадного положения и новой волной репрессий. В 1986 г. *UDI* принял документ «Чили сегодня», в котором настаивала на необходимости подготовить транзит, сохранив идею ограниченной демократии, в то время как правительство было уверено в победе на референдуме 1989 г.

Гремиалисты проявляли большую обеспокоенность проблемой транзита, так как боялись резкого перехода к полной демократии, что считали несвоевременным. Они настаивали на политике реализации ограниченной демократии, где марксистские (по их терминологии «тоталитарные») пар-

тии и движения были бы полностью исключены из политической жизни. Гремиалисты соглашались с открытием страны для политических мигрантов, которые, тем не менее, должны были быть лишены политических прав [18, р. 262].

В ходе переговоров и планов транзита встала проблема наличия сильных правых партий в политике. Была создана правая провластная партия Движение национального союза (*Movimiento de la Unión Nacional, MUN*), в которой преобладали старые консерваторы-националисты, недовольные преобладанием гремиалистов [17, рр. 331-332]. Их поддерживал министр Харпа. В июле 1984 г. была образована Группа восьми (*Grupo de los Ocho*), координационный центр правых партий и движений, в том числе и *UDI*.

В 1987 г. традиционные правые обратились к *UDI* с призывом создать единую правую партию, чего сделать не удалось. В 1987 г. правые объединились в движение Национальное обновление (*Renovación nacional, RN*). Гремиалисты сначала участвовали в процессе, но затем вышли из *RN* после конфликта этой партии с Гусманом и его исключения из нее. Впоследствии уже на первых выборах 1989 г. гремиалисты долго сопротивлялись, но в последний момент все-таки заключили предвыборный пакт с *RN*, а в дальнейшем эта политика была безальтернативной из-за избирательной биноминальной системы, дававшей преимущества большим партийным объединениям.

Только после плебисцита 1988 г. *UDI* зарегистрировалась как политическая партия. Гремиалисты должны были преодолеть некоторое идеологическое и принципиальное противоречие, изменив свой привычный дискурс. Партия создавалась теми, кто все предыдущие десятилетия отрицал политизацию и политику как таковую, резервируя для себя посреднические, аполитичные общественные организации. Намерение стать партией и участвовать в политике оправдывалось противостоянием марксистской опасности.

После поражения диктатуры на плебисците и с началом демократического транзита гремиалисты должны были трансформировать свою структуру, свести счеты с прошлым, переформулировать задачи партии на период транзита, а главное — выжить в новых условиях как самостоятельная и оригинальная политическая сила. После поражения на плебисците *UDI* поддержала поправки к Конституции, которые означали отход от «зашитенной демократии», заявив, что этот период уже пройден, а общество готово к полной демократии [26, р. 156]. Однако эти поправки означали поражение Гусмана и гремиалистов, так как многие положения «зашитенной демократии» были изменены: сокращены полномочия Совета безопасности, увеличено число сенаторов, что снижало значение пожизненных сенаторов, отменены положения о проскрипции марксистских партий.

На выборах 1989 г. *UDI* получила 9,82% голосов и провела только 11 депутатов и 2 сенаторов, в их числе был сам Гусман. Сенаторы *UDI* прошли только благодаря особенностям биноминальной системы, так как стали третьими в своих округах.

Большой удар партия получила в 1991 г., когда был убит Хайме Гусман, ее бесспорный и авторитетный лидер и идеолог (это был акт революционного действия левых радикалов, Фронта Мануэля Родригеса (*Frente Patriótico Manuel Rodríguez, FPMR*) [27, р. 7]. В июне 1991 г. *UDI* провела съезд, на котором должны были быть очерчены общие рамки доктрины

партии и сформулирована политическая программа. Партия определяла себя как «народная», то есть как «интегрирующая структура» всего народа без разделения на классы и слои [28, р. 59]. «Народность» идеологии состояла в защите свободы и христианских ценностей, а в политике объяснялась работой по интеграции всей нации вне зависимости от классовых различий. Этот «народный» характер партии должен был отличать *UDI* от других чилийских правых. *UDI* приняла тезис о демократии как самой приемлемой и традиционной для чилийского народа форме правления, но ее конкретное выражение, определенное Конституцией 1981 г., противопоставлялось режиму, существовавшему до 1973 г. [29, р. 203].

Одной из характерных черт *UDI* является стремление сочетать неолиберализм в экономике и консерватизм в сфере декларируемых ценностей. Соответственно, государство не должно принимать на себя несвойственные ему функции в области экономики и социальной жизни, которые общество было способно реализовывать автономно, так как большая часть жизни общества связана с частным бизнесом, с деятельностью индивидуумов, а не власти. *UDI*, сделав ставку на мобилизацию низов, в большей степени обращалась к католическим ценностям, которые всегда провозглашала, но в период диктатуры это сочеталось со сложными отношениями церкви и режима из-за правозащитной позиции первой. Католический фундаментализм был ярко выражен, но органически гремиалисты были больше связаны с *Opus Dei*, чем с епископатом Чили.

UDI смогла создать определенную базу среди населения. Основатель партии, Гусман, в какой-то степени восхищался своим главным врагом — коммунистами. Он отдавал должное дисциплине, сплоченности компартии, ее глубоким корням в чилийских народных массах. Отсюда — его стремление создать правую альтернативу с прочной структурой и дисциплиной, мощной народной поддержкой [14, р. 52]. При помощи военного режима гремиалистам удалось выйти за пределы привычного для них студенческого движения, перейдя к работе в бедных кварталах, конкурируя там с левыми партиями. Этот шаг — обращение к низам как к своей потенциальной базе — сам по себе очень сильно отличал гремиализм от «старых» правых в Чили.

В 1992 г. партия приняла программу «*UDI* на земле», согласно которой как структура, так и деятельность организации ориентировались на мобилизацию низов, на внимание к текущим проблемам жителей бедных районов и сельской местности. Был сформирован «Департамент поселений», который по примеру студенческих организаций гремиалистов успешно создал сеть комитетов в «поселениях», бедных районах (до 20 человек). Руководители комитетов напрямую были связаны с руководством партии, получая большую поддержку от студенческих и интеллигентских групп гремиалистов. Главный дискурс этого движения состоял в традиционном для них тезисе «деполитизации» — простота, деидеологизация, pragmatism. Они делали ставку на решение конкретных бытовых, социальных и культурных проблем, что не могло не найти отклик.

После смерти Гусмана партию возглавил Хоакин Лавин, популярный алькальд коммуны Лас-Кондес в Сантьяго. Хотя в течение 1990-х *UDI* оставалась на втором месте по электоральному влиянию в правом блоке с

RN, ее влияние неуклонно возрастало. На выборах 1997 г. *UDI* получила значительное число голосов и провела серьезную фракцию в конгресс. На президентских выборах 1999 г. Х.Лавин возглавил коалицию правых партий, находящихся в оппозиции левоцентристской коалиции, правившей Чили после восстановления демократии. Лавин считал, что страна устала от левоцентристов, находившихся у власти уже десять лет. Он обещал решить проблему преступности, вывести из застоя здравоохранение и пр. Главный же лозунг был вполне гремиалистским: «Сделать из страны большой муниципалитет!», — что опиралось на вполне успешный опыт Лавина, находившегося на посту алькальда [18, р. 316].

Лавин занял второе место, уступив кандидату левоцентристской коалиции *Concertación* Рикардо Лагосу, с 48,69% голосов. На муниципальных выборах 2000 г. *UDI* завоевала порядка сотни муниципалитетов, предлагая распространить по всей стране стиль и управления Лавина в Сантьяго. *UDI* тогда стала самой крупной партией по результатам выборов, получив более 25%.

Партия позиционировала себя как наследницу успехов военного режима в области экономики, привлекая к себе весь правый и правопопулистский избирательный электорат и значительно опережая правоцентристов *RN*. При этом всегда подчеркивалась поддержка Пиночета и не отрицалась причастность к военному режиму. Одновременно с этим *UDI* стремился отмежеваться от печального наследия военных, прежде всего в области нарушений прав человека. В 2003 г. партия приняла документ «Мир сегодня», в котором излагалась позиция равного осуждения насилия справа и слева, содержался призыв к национальному согласию. Нарушения прав человека во времена диктатуры решительно осуждались [26, р. 157]. Тем не менее в дискурсе *UDI* не произошла «депиночетизация», а военная диктатура не характеризовалась как таковая, а подавалась как форма «движения к демократии», реализованная параллельно с реформами, создавшими современную успешную модель экономики. *UDI* четко отделяла фигуру Пиночета и сам военный режим от «эксцессов» нарушений прав человека, в чем обвинялись конкретные исполнители. Вплоть до сегодняшнего дня партийная идентичность *UDI* связана именно с годами диктатуры, включает в себя оправдание последней, уважение к личности Пиночета при «сожалении» о нарушениях прав человека [18, pp. 306-307].

В 2008 г. впервые внутри партии были проведены выборы руководства. Были представлены два списка, один из которых возглавлял Хосе Антонио Кастильо, представлявший новое поколение гремиалистов. Однако он потерпел поражение. В 2010 г. ситуация повторилась, и Кастильо вновь проиграл выборы. Новое поколение гремиалистов было более консервативно. Они жестче защищали неолиберальную экономическую модель, призывали вернуться к доктрине консерватизма, противопоставляли себя союзу с правоцентристами, откровеннее защищали наследие диктатуры, пиночетизм [18, pp. 356-365]. Напряженные отношения руководства *UDI* с такими молодыми политиками как Кастильо привели к их разрыву с партией в 2016 г.

В 2010 г. лидер *RN* (в союзе с *UDI*) Себастьян Пиньера (2010—2014, 2018—2022 гг.) первый раз стал президентом, в 2018 г. он вновь занял этот пост. На выборах 2021 г. взошла звезда новой политической силы на правом фланге — Республиканской партии (*Partido Republicano*). Эта партия разделяет многие идеологические и политические установки гремиалистов,

Андрей Щелчков

а руководители республиканцев, в первую очередь сам их лидер Кастильо, вышли из их рядов [30, p.108]. Кастильо участвовал в президентских выборах 2017 г. как независимый кандидат, а в 2021 г. — уже как кандидат от созданной им и другими бывшими гремиалистами *Partido Republicano*. Перед лицом очевидного краха кандидата коалиции *RN-UDI* многие депутаты и сенаторы — гремиалисты — заявили о поддержке Кастильо. 2021 г., став катастрофическим для коалиции с участием *UDI* на президентских выборах и выборах учредительной ассамблеи, при избрании конгресса принес партии вполне приемлемый результат: представительство *UDI* уменьшилось, но не радикально, лидерство на правом фланге сохранилось. Особенno болезненным был провал правых на выборах в Учредительную ассамблею, которая однозначно ставит своей целью ликвидацию главного наследия Гусмана — Конституции 1981 г. *UDI* стоит перед непростой проблемой консолидации электорального успеха в конгресс и перед угрозой раскола как «послевкусия» кампании Кастильо и взлета популярности республиканцев, ставших реальной угрозой прежнему формату партии. Все эти процессы проходили на фоне «правого поворота» в Латинской Америке, размах и масштабы которого оказались весьма ограниченными [31; 32].

Сегодня гремиализм, находящийся на правом фланге чилийской политики, несмотря на понесенные потери сохраняет серьезные позиции. Он стал главным защитником неолиберальной модели и конституционных принципов, основанных на субсидиарности, которые неизбежно будут реформированы в ближайшие годы. *UDI* теперь не только партия прошлого, но партия «блестящего, успешного прошлого», что дает ей шанс не только пережить новый исторический этап трансформации чилийского общества, но и стать центром сопротивления. Несмотря на резкий взлет популярности республиканцев и их лидера Х.А.Кастильо, *UDI* сохраняет образ идеологического редута правых сил, наследника так называемого чилийского экономического чуда. Важно также отметить, что в партии немало новых, молодых политиков, готовых к диалогу не только с правыми, но и с левоцентристами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Bustamante Olguín F.G. El gremialismo y la reestructuración de la derecha chilena (1967-1970): la reaparición del corporativismo católico panhispanista. Available at: https://www.academia.edu/26498070/EL_GREMIALISMO_Y_LA_REESTRUCTURACIÓN_DE_LA_DERECHA_CHILENA_1967_1970_LA_REAPARICIÓN_DEL_CORPORATIVISMO_CATÓLICO_PANHISPANISTA_REVISTA_MAPOCHO_N_66_SEGUNDO_SEMESTRE_2009 (accessed 07.01.2022).
2. Castro J.M. Jaime Guzmán. Ideas y política 1946-1973. Corporativismo, gremialismo, anticomunismo. T. 1, Santiago, Centro de Estudios Bicentenario, 2016, 287 p.
3. Correa Sutil S. El pensamiento en Chile en el siglo XX bajo la sombra de Portales, *Ideas en el siglo. Intelectuales y cultura en el siglo XX latinoamericano*, Buenos Aires, Siglo XXI, 2008, pp. 211-308.
4. Castro J.M. Jaime Guzmán y el primer gremialismo, *50 años de gremialismo: su influencia en la modernización chilena*, Santiago, Fundación Jaime Guzmán, 2017, pp. 77-101.
5. Boisard S. La nueva derecha chilena y la impronta de los años 1960: ¿ruptura o continuidad? *Nuevo Mundo Mundos Nuevos*. Available at: <http://nuevomundo.revues.org/68009> (accessed 18.06.2015).

6. El gremialismo y su postura universitaria en 27 preguntas y repuestas, Santiago, Universidad Gobierno Militar, 1980, 20 p.
7. Cristi R., Ruiz C. El pensamiento conservador en Chile. Seis ensayos, Santiago de Chile, Universitaria, 2015, 204 p.
8. Guzmán J. Escritos personales. Santiago, Editorial JGE, 2011, 200 p.
9. Pérez Godoy F. Valencia Narbona L. El pensamiento político de Jaime Guzmán en la formación cívica de los chilenos en dictadura, *Cuadernos de Historia*, N54, Santiago, 2021, pp. 119-145.
10. Cristi R. El pensamiento político de Jaime Guzmán, Santiago, LOM, 2000, 223 p.
11. Frontaura C. Algunas notas sobre el pensamiento de Jaime Guzmán y la subsidiariedad, *Subsidiariedad en Chile. Justicia y Libertad*, Claudio Arqueros, Álvaro Iriarte editores, S.d., Instituto Res Publica, 2016, 354 p.
12. Muñoz Tamayo V. "Chile es bandera y juventud". Efebolatría y gremialismo durante la primera etapa de la dictadura de Pinochet (1973-1979), *Historia Crítica*, N54, Bogotá, 2014, pp. 195-219.
13. Touraine A. Vida y muerte de Chile popular, México, Siglo XXI, 1974, p. 214.
14. Valdivia Ortiz V., Álvarez Vallejos R., Pinto Vallejos J. Su revolución contra nuestra revolución: izquierdas y derechas en el Chile de Pinochet (1973-1981), Santiago de Chile, LOM, 2006, 228 p.
15. República de Chile, 1974: primer año de la reconstrucción nacional, Santiago, Gabriela Mistral, 1974, 267 p. (In Russ).
16. Дьякова Л.В. Общественно-политическая мысль о модели демократического транзита и особенностях поставторитарного развития Чили, *Латиноамериканский исторический альманах*. № 21, М., 2019, сс.108-130. [Diyakova L.V. Obshchestvenno-politicheskaya mys' o modeli demokraticheskogo tranzita i osobennostyah postavtoritarnogo razvitiya Chili [Socio-political thought about the model of democratic transition and the features of post-authoritarian development of Chile]. *Latin American Historical Almanac*. N 21, Moscow, 2019, pp.108-130 (In Russ).
17. Huneeus C. El régimen de Pinochet. Santiago de Chile, Sudamericana, 2002, p. 670.
18. Muñoz Tamayo V. Historia de la UDI. Generaciones y cultura política (1973-2013), Santiago de Chile, ed. Universidad Alberto Hurtado, 2016, 398 p.
19. Fontaine A. El miedo y otros escritos: el pensamiento de Jaime Guzmán. *Estudios públicos*, Santiago de Chile, 1991, N42, pp. 251-570.
20. Cristi R. La síntesis conservadora de los años 70. *El pensamiento chileno en el siglo XX*. México, FCE, 1999, pp. 107-126.
21. Moncada Durutti B. Jaime Guzmán. Una democracia contrarrevolucionaria. El político de 1964 a 1980, Santiago, Ril, 2006, 273 p.
22. Flisfisch A. Tendencias ideológicas y decisiones políticas en el gobierno militar, *Ánalisis crítico del régimen militar*. Santiago de Chile, Universidad Finis Terrae, 1998, pp. 63-67.
23. Cristi R., Ruiz-Tagle P. El constitucionalismo del miedo, Santiago de Chile, LOM, 2014, 252 p.
24. Zaldívar A. La Transición inconclusa, Santiago de Chile, Los Andes, 1995, 313 p.
25. Mansuy D. Notas sobre política y subsidiariedad en el pensamiento de Jaime Guzmán, *Revista de ciencia política*, Vol.36, N2, 2016, pp. 503-521.
26. Larraín F.H. El legado histórico del gremialismo tras el retorno a la democracia, *50 años de gremialismo: su influencia en la modernización chilena*. Santiago, Fundación Jaime Guzmán, 2017, pp.149-164.
27. Rosas Aravena P. Violencia Política Revolucionaria en la historia reciente de Chile. Actores y formas en la transición chilena 1988-1998, *Izquierdas*. №50, agosto 2021. pp. 1-29. Available at: <http://www.izquierdas.cl/images/pdf/2021/n50/art46.pdf> (accessed 02.01.2022).
28. Molina Vera N. Del gremialismo "apolítico" a la estrategia de transformación en partido político de la Unión Demócrata Independiente (UDI), *Revista de estudios políticos y estratégicos*, N3 (2), 2015, pp. 50-73.
29. Gómez Leyton J.C. La derecha política en la sociedad neoliberal chilena, 1990-2010. *Observatorio latinoamericano*, N8, Buenos Aires, 2011, pp. 196-212.
30. Campos Campos C. El Partido Republicano: el proyecto populista de la derecha radical chilena. *Revista Uruguaya de Ciencia Política*, N30 (1), Montevideo, pp. 105-134.

Андрей Щелчков

31. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Правый поворот в Латинской Америке: история и современность. Электронный научно-образовательный журнал «История», М., 2020, т.11, Выпук 5(91). [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Pravyj poverot v Latinskoj Amerike: istoriya i sovremennost' [Right-Wing Turn in Latin America: History and Contemporaneity]. *ISTORIYA*, 11.5 (91), Moscow, 2020. Available at: <https://history.jes.su/s207987840010177-3-1/> DOI: 10.18254/S207987840010177-3 (accessed 02.04.2022). (In Russ).

32. Кузнецов Д.А., Кабанов И.С. Последствия «правого поворота» в Латинской Америке: региональное и глобальное измерения, *Латинская Америка*. М., 2022, № 2. сс.52-67. [Kuznecov D.A., Kabanov I.S. Posledstviya «pravogo poverota» v Latinskoj Amerike: regional'noe i global'noe izmereniya [The consequences of Latin America's "right-wing turn": the regional and global scopes]. *Latinskaya America*, Moscow, N 2, 2022, pp.52-67. (In Russ).

Andrey A.Schelchkov (sch2000@mail.ru)

Doctor in History Studies, investigator of Institute for World History of the Russian Academy of Science, Researcher ID: T-8612-2018

Leninsky pr., 32 a, 119334 Moscow, Russian Federation

Jaime Guzmán, gremialism, the legacy of dictatorship in modern Chilean politics

Abstract. The movement, called gremialism, was the "new right" that proposed revolutionary changes in society, thanks to which the possibility of a return to power of left-wing Marxist parties should be excluded. Today, an important place on the political scene of Chile is occupied by the successor of the gremialist movement, the Party of the Independent Democratic Union (*Unión Demócrata Independiente, UDI*). The *UDI* became a political force based on the broad masses of the people, which greatly distinguished it from other right-wingers. The integrity of the doctrine and political consistency ensured the survival of *UDI* on the political scene. This article presents an analysis of the ideological evolution of the gremialist movement, the ideological and political activities of its founder and leader Jaime Guzmán, the author of the Pinochetist constitution of 1981. J. Guzman and his supporters consistently implemented the principles of subsidiarity of the state and the new institutionalism adopted by the military dictatorship of Augusto Pinochet and became the basis of the political and social system of Chile.

Key words: gremialism, subsidiarity, corporatism, Pinochet, Jaime Guzmán, right-wing forces.

DOI: 10.31857/S0044748X0020408-7

Received 21.01.2022.

Л.В.Дьякова

На перекрестке глобального и локального

Антарктическая политика Чили на современном этапе

В статье рассматривается политика Чили в Антарктике, ее основные направления и приоритеты, развивающиеся в контексте особого международно-правового статуса антарктической территории. Отмечается особая роль «антарктического сектора» в мировоззрении чилийцев, обусловленная историко-географическими и экономическими факторами. Современная политика страны в указанной сфере направлена на реализацию многопрофильных научных исследований фундаментального и прикладного характера, поддержку профессиональных организаций, развитие инфраструктуры научных станций, на расширение общественного интереса к Антарктике. Значительное внимание уделяется учебно-просветительской работе с молодежью, специальным проектам для школьников. Характерной особенностью позиции Чили является стремление выстраивать сбалансированную и целенаправленную долгосрочную стратегию, отвечающую как национальным интересам, так и международным правовым нормам.

Ключевые слова: Чили, Антарктика, Договор 1959, антарктические станции, Чилийский Институт Антарктики.

DOI: 10.31857/S0044748X0020409-8

Статья поступила в редакцию 21.01.2022.

«АНТАРКТИЧЕСКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ» ЧИЛИ

Политика Чили в Антарктике является одним из важнейших и давно сложившихся направлений внешнеполитической стратегии страны. Эта стратегия, представляя собой продуманную, активную, разветвленную и последовательную деятельность, подчинена как целям международного сотрудничества и логике соответствующих договоренностей, так и национальным интересам, глубокая естественная связь которых с антарктической территорией постоянно обосновывается и на национальном, и на

Людмила Владимировна Дьякова — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (РФ, 115035 Москва, Б.Ордынка, 21/16, (diakova65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3684-4523>).

Людмила Дьякова

международном уровнях. Ключевую роль в реализации успешного подхода Чили к сложнейшей сфере глобального мирового взаимодействия сыграли, по мнению чилийских исследователей, активная и взвешенная позиция политической элиты, «профессиональная дипломатия и академический научный опыт» [1, р. 67].

Подобное мировоззрение сформировалось исторически, в силу осознания ограниченности внутренних ресурсов страны, ее особого географического положения «острова на краю света», «скудости территориального пространства», которые отмечали многие чилийские ученые и политики, подчеркивая необходимость использовать все данные природой и историей возможности для успешного развития [1; 2]. «Чили — это маленькая страна, расположенная в южной части света, в Латинской Америке, физически почти изолированная цепью гор, пустынь, океанов и антарктической территорией, и очень далекая от главных экономических центров», — писала Мария Соледад Альвеар, министр иностранных дел Чили в 2000—2004 гг. [3, р. 15].

Национальные государственные деятели, независимо от политической ориентации, всегда стремились учитывать «фактор Антарктики», отмечали глубокую взаимозависимость экономики своей страны с географически наиболее близким ей Южным материком, традиционное вовлечение в освоение и развитие «своего» сектора антарктической территории. Комплекс экономико-географических условий, повлиявших на особую позицию чилийского государства в данном направлении, был назван «антарктическим предназначением» Чили (*la vocación antártica*) [1, р. 65].

В задачи данной статьи входит рассмотрение антарктической политики Чили, ее исторических истоков и современных тенденций, обусловленных как приоритетами национального развития, так и сложившейся системой международного правового управления Антарктикой, анализ проблем и рисков современного этапа развития, выявление специфических особенностей чилийского подхода в формировании данного направления внешнеполитической стратегии. В работе использован комплексный системный подход, позволяющий исследовать противоречивую взаимосвязь глобальных тенденций и локальной, национально-ориентированной политической позиции небольшой латиноамериканской страны.

МАГАЛЬЯНЕС И ЧИЛИЙСКАЯ АНТАРКТИКА

Еще в 1940 г. президент Педро Агирре Серда (1938—1942 гг.), лидер исторически знаменитого правительства Народного фронта (*Frente Popular*) — впервые пришедший к власти коалиции левых и левоцентристских партий, — специальным декретом постановил, что все земли, острова, выступающие над водой скалы, рифы, ледники, как уже открытые, так и те, которые будут открыты, расположенные в секторе между 53°-90° з.д. южнее 60-й параллели, до Южного полюса, составляют «чилийскую Антарктику» и принадлежат Чили с незапамятных времен [1, р. 68]. Эта позиция основывалась на том, что еще во времена испанского господства «антарктический участок» являлся частью национальной территории; в 1810 г., в момент провозглашения независимости, все права и земли, числившиеся за Испанией, законно перешли к новому государству — Чили. В дальнейшем

национальный суверенитет над этим сектором был закреплен серией государственных актов, принятых на протяжении 1940—1955 гг., а «включение антарктической территории в активную жизнь нации» стало считаться одной из важнейших задач государства [1, р. 68].

В настоящее время в административном делении страны, включающем 16 регионов, антарктический сектор входит в XII регион — Магалайнес и Чилийская Антарктика (*Región de Magallanes y de la Antártica Chilena*) с населением 166 533 человек и главным административным центром в г. Пунта-Аренас. Чилийская Антарктика является одной из четырех провинций в составе XII региона, ее административный центр — г. Пуэрто-Уильямс, самый южный город мира, расположенный на о. Наварино в архипелаге Огненная Земля. Составляя, вместе с антарктическим сектором, 68,9% всей территории страны, а в пределах собственно материкового участка — 17,5% национальной территории, регион является самой протяженной и обширной частью Чили [4].

Постоянный поселок в чилийской Антарктике — Вилья-лас-Эстрельяс — появился в 1984 г., и в настоящее время там живут от 80 человек (зимой) до 150 (летом); есть соответствующая инфраструктура: больница, библиотека, церкви, банк. До 2018 г. в поселке работала школа, которую посещали от 5 до 15 детей сотрудников научных станций и военных.

К работам по обеспечению функционирования чилийской Антарктики активно привлекаются национальные вооруженные силы (прежде всего BBC и BMC). Этим занимаются специальные подразделения чилийской армии, прошедшие альпинистскую и горноспасательную подготовку, а также части расположенной в г. Ранкагуа авиационной бригады. Армейские подразделения, дислоцированные на континенте, в районе г. Пунта-Аренас (одном из самых южных и малоприспособленных для жизни районов на планете) оказывают постоянную поддержку и помошь чилийским полярникам. Именно военные обеспечивают и развитие инфраструктуры антарктического поселка Вилья-лас-Эстрельяс, а также научно-исследовательских станций. Особая роль отводится флоту: специальные корабли патрулируют берега Антарктики, на судах ведется научная работа.

Всего в Антарктике в настоящее время действуют 13 чилийских станций и баз; из 9 наиболее крупных станций 5 являются только летними и 4 — постоянно действующими (зимними и летними). Они носят имена известных исторических деятелей, политиков, ученых: борца за независимость Чили Бернардо О'Хиггинса (научная станция и база расположения общевоенного контингента, открыта в 1948 г.); национального героя морского офицера Артуро Прата (старейшая, открытая в 1947 г., научно-метеорологической станция, являющаяся одновременно местом дислокации научно-исследовательских судов и кораблей BMC). Основная база антарктической научной экспедиции носит имя профессора Хулио Эскудеро, участника разработки Договора 1959 г., последовательного защитника чилийской позиции на международном уровне. Одна из самых больших научно-исследовательских станций во всей Антарктике, а также основная база антарктического контингента BBC Чили названа в честь выдающегося президента страны Эдуардо Фрея Монтальвы (1964—1970); рядом с ней расположен поселок Вилья-лас-Эстрельяс.

Людмила Дьякова

ЧИЛИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО УПРАВЛЕНИЯ АНТАРКТИКОЙ

В настоящее время антарктическая политика Чили регулируется Договором об Антарктике 1959 г. и другими международными конвенциями, в том числе Мадридским протоколом 1991 г. об охране окружающей среды Антарктики, вступившим в силу в 1998 г. Он запрещает промышленное освоение минеральных ресурсов Антарктики, разработку месторождений нефти, а также ведение любой деятельности, связанной с полезными ископаемыми, кроме научной, и предусматривает необходимость проводить регулярный мониторинг влияния деятельности человека на окружающую среду [5, с. 460].

Значимость международных договоренностей и норм, взаимного сотрудничества и взаимодействия в антарктическом регионе неоднократно подтверждали чилийские президенты и правительства. После Второй Мировой войны Чили принимала активное участие в обсуждении статуса Антарктики и была одной из первых 12 стран, подписавших Договор 1959 г. и получивших статус консультативных, согласие которых признавалось необходимым для дальнейшего принятия решения по какой-либо важной проблеме. Консультативными странами стали также Аргентина, Австралия, Бельгия, Великобритания, Новая Зеландия, Норвегия, Франция, ЮАР, Япония, СССР и США. В настоящее время членами Договора являются 54 государства, 29 из них имеют статус консультативных.

Специфика Договора 1959 г. состояла в том, что территориальные притязания, существовавшие к моменту подписания договора, не признавались, не оспаривались и в то же время не подтверждались, а выдвижение новых было запрещено, как и любая деятельность, направленная на упрочение позиций одной страны и ослабление позиций других. Согласно Договору, в 1991 г. продленному еще на 50 лет, территории и ресурсы Антарктики должны использоваться только в мирных научно-исследовательских и гуманитарных целях, любая военная деятельность — создание военных баз, проведение ядерных испытаний (во всех четырех средах, включая подземные пространства), захоронениеadioактивных отходов — была запрещена. При этом допускалось использование военнослужащих и военного оборудования в мирных целях, для помощи исследователям и обеспечения функционирования научных станций. Предусматривались также возможность международного контроля за действиями сторон, беспрепятственный доступ наблюдателей, обязательность регулярных консультативных встреч для стран — участниц Договора [6]. Гарантировались свобода научных работ и международного сотрудничества, свободный обмен информацией и взаимопомощь, взаимодействие с ООН и другими международными структурами. Ученые, наблюдатели и персонал станций попадали под юрисдикцию своих стран, в какой бы части Антарктики они ни находились [7, сс. 37-38].

Договор имел важнейшее мировое значение и заложил правовую основу для управления Антарктикой, предполагавшую жесткую систему норм, обязательных для соблюдения каждым государством, заинтересованным в научных исследованиях. Благодаря этой системе полярный регион уже более полувека остается зоной коллегиального управления, свободным от

военных конфликтов. Тем не менее территориальные претензии в Антарктике предъявляют, используя различные основания (от первенства в освоении нового континента до географической близости), а также принцип не причинения ущерба какой-либо из сторон, подписавших Договор, но имеющих собственные требования, семь стран, успевших сделать это до 1961 г. (вступления документа в силу): Великобритания (1908 г.), Новая Зеландия (1923 г.), Франция (1924 г.), Австралия (1933 г.), Норвегия (1939 г.), Аргентина (1943 г.) и Чили (1940 г.) [8, с. 98]. Наряду с очевидными достижениями, заложившими многолетнюю основу отношения к Антарктике как к «экологической кладовой» планеты, региону интернациональных научных исследований, в компромиссном характере Договора с самого начала была заложена определенная двойственность, представлявшая собой потенциально опасную, конфликтогенную тенденцию [9, сс. 15-17]. Мировому сообществу на протяжении последних 60 лет удавалось успешно преодолевать возможные споры, дополняя и развивая правовые основания коллегиального управления Антарктикой. В то же время, по мнению многих специалистов-правоведов (и ученых, вовлеченных в собственно антарктические исследования), наличие «замороженных» противоречий всегда указывало на серьезную уязвимость этого крупнейшего международного соглашения, его недостаточную приспособленность к новым формам деятельности, а также растущим политическим и экономическим амбициям ряда стран [8; 10].

Соблюдение баланса между нормами международного права и национальными интересами является сложно осуществимой политической задачей, которую стремятся решать и латиноамериканские страны, многие из которых проявляют растущий интерес к участию в изучении и освоении Южного континента. Особенно активную позицию занимают Аргентина и Бразилия [11]. Аргентина реализует серьезные научно-исследовательские программы, располагает 13 станциями, из которых шесть действуют постоянно, опираясь на транспортную поддержку ВМФ и BBC. В силу исторических причин страна имеет также и территориальные притязания, которые распространяются на зону между 25°-74° з.д. (южнее 60-й параллели) и переданы в ведение департамента Огненная Земля и Антарктика [9, сс. 19, 20]. ТERRиториальные участки Чили и Аргентины в определенной степени пересекаются, что уже не раз осложняло двусторонние отношения. (Претензии на суверенитет в этом же секторе неоднократно предъявляла и Великобритания.)

Усиливается влияние Бразилии, с 1986 г. включившей в сферу своих интересов антарктический участок рядом с «территориями» Чили и Аргентины. Как отмечает российский исследователь Антон Сергеевич Андреев, Бразилия в последнее десятилетие также успешно находит ресурсы для расширения своего присутствия на континенте [11, с. 89]. В стране были приняты несколько антарктических программ, подготовленных различными научными центрами и университетами, а также военно-морским ведомством, нацеленных на масштабные исследования, открыта одна постоянная и четыре временных станции (расположенных на Шетландских островах), помочь которым осуществляют научно-исследовательские суда ВМФ. Президент Жаир Болсонару (2019 — н/в) неоднократно подчеркивал значимость данного направления для внешней политики страны и готовность выделить на это значительные средства [11].

Людмила Дьякова

Уругвай, развивающий более ограниченную, но целенаправленную антарктическую политику, связанную, прежде всего, с научными исследованиями и международным сотрудничеством, имеет две постоянные научные станции. О необходимости создания собственной постоянной исследовательской базы в Антарктиде в 2018 г. заявила Колумбия, стремящаяся расширить региональное влияние и усилить позиции в научной сфере [11]. В Перу и Эквадоре также разработаны научные программы, связанные с исследованиями климата и окружающей среды, и действующими станциями.

Усиливающаяся активность латиноамериканских стран в Антарктике создает новый региональный контекст, который, наряду с возрастающими глобальными противоречиями, масштабным расширением влияния США и научно-экономической экспансии Китая, изначально «проблемным» содержанием Договора 1959 г. и постоянными международными дискуссиями о его возможной корректировке, Чили стремится учитывать, выстраивая свою антарктическую политику.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

В 2000 г. правительство президента Рикардо Лагоса (2000—2006) приняло документ под названием Национальная антарктическая политика по развитию чилийской антарктической территории (*Política Antártica Nacional*), который позиционировался как масштабная долгосрочная стратегия, нацеленная на формирование «чилийского моста» между двумя континентами, создание «антарктических ворот» не только для Латинской Америки, но и для других регионов мира. При этом фундаментальная цель — развитие антарктической территории — предполагала масштабные инвестиции в научно-исследовательские проекты, защиту уникальной природной среды и водных ресурсов полярного региона, улучшение инфраструктуры научных станций, расширение общественного интереса к их работе, постоянное участие в обсуждении антарктической тематики на международном уровне, сохранение активной роли страны в системе правового управления Южным континентом, определенной Договором 1959 г. [12].

При сохранении базовых принципов Национальная антарктическая политика периодически обновлялась и расширялась: в 2015 г., при президенте Мишель Бачелет (2014—2018), был принят Стратегический план развития до 2035 г. (*Chile en la Antártica: Visión Estratégica al 2035*), нацеленный на соответствие новым реалиям и вызовам. В 2017 г. была обновлена и редакция основной антарктической программы, определены ее конкретные задачи и ориентиры, обозначена большая направленность на сочетание государственного и частного финансирования научно-исследовательских проектов, развитие туристических, культурных и образовательных программ, расширение общественного интереса к изучению Антарктики в масштабах страны [13].

Но главными задачами, обозначенными в начале XXI в. и актуальными на современном этапе, остаются укрепление и комплексное развитие чилийского антарктического сектора, а также последовательное законодательное обоснование приоритетов национальной политики в Антарктике.

16 марта 2021 г. вступил в силу подготовленный правительством Себастьяна Пиньеры (2018 — март 2022) новый Закон о Чилийской Антарк-

тике (*Ley Antártica Chilena*), или Антарктический устав Чили (*Estatuto Antártico Chileno*), в котором были систематизированы и модернизированы более 300 существующих постановлений. Кроме того, новый документ заменил предшествующий Закон 1955 г., регулировавший деятельность чилийского государства в данном направлении. Антарктический устав определяет общий современный подход Чили ко всем проблемным вопросам [14].

Главная цель Антарктического устава — учитывая и уважая международные договоренности, подтвердить суверенные права Чили на антарктическую территорию в пределах между 53°-90° з.д. южнее 60-й параллели, используя не только географические и экономические, но и международно-правовые обоснования. Подчеркивается, что намерения Чили не противоречат Договору 1959 г., поскольку, согласно международному морскому праву и Конвенции ООН 1982 г., страна обладает суверенными правами на все прибрежные воды или льды, на пространство континентального шельфа, связанного с ней, на всю протяженность моря в размерах, признаваемых морским правом. Территориальная близость сухопутной и антарктической территории Чили соответствует основным положениям данной Конвенции [14].

Фундаментальные задачи антарктической политики Чили, определенные Законом об Антарктике, состоят в следующем:

- продвигать и усиливать меры по защите окружающей среды, экосистем, защищать статус Антарктики как природного заповедника, проводить научные исследования, укрепляя все постановления Договора 1959 г.;
- улучшать качество логистических, технологических, оперативных, научных служб, связанных с антарктической деятельностью;
- используя антарктические программы, придавать импульс общему социальному и экономическому развитию XII региона страны;
- усиливать ответственность и качество работы местных властей, на которые во многом возложено управление инфраструктурными объектами, взаимодействие с гражданскими научно-исследовательскими и военными подразделениями (в г. Пунта-Аренас расположены Оперативный штаб по оценке влияния климатических изменений на природу Антарктики и ряд других важнейших профильных организаций) [14].

Таким образом, в новом Законе о Чилийской Антарктике подтверждены все планы и амбиции Чили на этой территории, поставлены новые задачи, подчеркнуты мирный, строго исследовательский и экологический подход, присущий национальной политике, и готовность, продвигая собственные позиции, следовать всем международным правилам, договоренностям и нормам.

УПРАВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Управление антарктической политикой осуществляет Министерство иностранных дел Чили. В настоящее время в структуре чилийского МИД действуют Дирекция по Антарктике (*Dirección Antártica, DIRANTÁRTICA*) и Совет по антарктической политике (*Consejo de Política Antártica*) — основной координационный орган, несущий ответственность за все дипломатические, юридические, финансовые, экономические, научные, экологические, туристические и иные вопросы, связанные с этим регионом, поддерживают постоянные контакты с международными структурами, обеспечи-

Людмила Дьякова

вающими выполнение Договора 1959 г. [15]. Президентом совета является министр иностранных дел Чили.

Совет и Дирекция по Антарктике, обладающие исполнительными функциями, координируют деятельность всех других чилийских ведомств и организаций, задействованных в выполнении Национальной антарктической программы: работают в тесной связи с министерствами обороны, экономики, финансов, охраны окружающей среды, науки и технологий, туризма, следят за выполнением Стратегического антарктического плана, взаимодействуют с местными властями XII региона [15].

Большая роль отводится подготовке чилийской делегации, участвующей в международных саммитах, консультативных встречах и конференциях по Антарктике. Дирекция по Антарктике регулярно назначает делегацию для обсуждения пограничных вопросов с аргентинской стороной, что является одним из постоянных направлений ее работы.

Особое место в научной, организационной и просветительской деятельности занимает Чилийский Институт Антарктики (*Instituto Antártico Chileno, INACH*), расположенный в г. Пунта-Аренас и входящий в структуру чилийского МИД [16]. Под эгидой института действует Антарктическая научно-исследовательская экспедиция (*Expedición Científica Antártica, ECA*), основным полевым центром которой является научная база «Профессор Хулио Эскудеро». Научная Антарктическая программа Чили (*Programa Nacional de Ciencia Antártica, PROCIEN*) включает семь основных направлений:

- изучение общего состояния экосистемы Антарктики, вклада экологических изменений в эволюционные процессы, происходящие в морских и наземных экосистемах всего региона; анализ пространственно-временных факторов, определяющих распределение видов и популяций; определение степени их чувствительности к изменениям окружающей среды, связанным с климатом, загрязнением, рыбным промыслом, и выявление степени риска;
- изучение «пределов» устойчивости и возможностей адаптации биологических систем в условиях новых климатических процессов на основе исследования антарктических видов; проведение широкой дискуссии об экологическом состоянии биосфера Антарктики в связи с глобальными изменениями;
- исследование изменений климата;
- развитие астрономии и наук, связанных с изучением Земли, — геологии, гляциологии, отдельных разделов физики; ученые, работающие над этими проектами, сосредоточены на изучении взаимодействий между твердой землей и криосферой, на анализе процессов, происходящих внутри и на поверхности наземных, океанических, криосферных и атмосферных систем;
- создание биотехнологий. Изучение физиологических и молекулярных характеристик антарктических организмов с целью создания продуктов и процессов для инновационных решений таких сложных проблем, как засуха, энергетические кризисы, борьба с тяжелыми заболеваниями, и т.д. Разработка исследований на молекулярном уровне в Антарктике соответствует руководящим принципам национальной политики, направленным на удовлетворение конкретных потребностей развития посредством прикладных исследований;
- изучение различных последствий и степени антропогенного влияния; контроль за современным воздействием человека на экосистему Антарктики;

— развитие социальных и гуманитарных исследований на основе рассмотрения Антарктики как общего наследия человечества: осмысление прошлого, построение возможных проектов будущего, прогноз новых геополитических и природных рисков; анализ сильных и слабых сторон Договора об Антарктике как документа общемирового значения, предназначенного для будущих поколений, степени его соответствия новым вызовам; определение роли своей страны в предстоящих процессах многостороннего политического воздействия на Антарктику [17].

Таким образом, исследовательские цели, поставленные антарктической научной программой *PROCEN*, носят фундаментальный и инструментально-прикладной характер. Работа над их достижением соответствует как глобальным задачам современной мировой науки, так и решению ряда конкретных проблем чилийской экономики, повышению уровня развития страны.

Институт Антарктики проводит регулярные конкурсы научных и технологических проектов по указанным исследовательским направлениям среди ученых и специалистов (в том числе молодых, готовящих свою первую научную работу) — как чилийцев, так и иностранцев, проживающих на территории Чили. Финансирование победивших проектов является продуманным и диверсифицированным (в зависимости от того, готовится ли работа «в кабинетных» условиях, или для ее завершения необходимы длительные и дорогостоящие полевые исследования) [18].

Характерным примером просветительской деятельности Института Антарктики является организация систематических экспедиций школьников, учителей и студентов на чилийские антарктические станции (в основном в период антарктического лета, на несколько дней). Действует Школьная антарктическая экспедиция (более специальная по уровню подготовки участников), в которую входят победители единственного в мире конкурса для учащихся и учителей средних школ — Антарктической школьной ярмарки (*Feria Antártica Escolar*), представившие наиболее интересные исследовательские проекты по изучению полярного региона [19]. Существуют также учебно-научные проекты, над которыми школьники работают на полярной станции «Профессор Хулио Эскудеро». Некоторые мероприятия носят международный характер, к ним привлекаются международные научные институты и антарктические станции других стран.

Со второго десятилетия XXI в. в Стратегическом антарктическом плане, отражающем фундаментальные подходы национальной антарктической политики, была поставлена амбициозная цель — постепенно, начиная со школьной парты, создать «антарктическую культурную идентичность» у жителей самых южных областей страны. Для достижения цели предполагается: в регионе Магальянес и Чилийская Антарктика регулярно проводить праздники и фестивали, творческие конкурсы (рисунков, ремесленных изделий, дизайна), посвященные Антарктике; включать соответствующие разделы в школьные учебники, выпускать книги и фильмы [20].

Проводятся и ежегодные мероприятия «Антарктической памяти», призванные включить антарктическую тематику в общенациональную идентичность (отмечать памятные события, связанные с ролью Чили в Антарктике, юбилеи создания первых станций, проводить исторические экскурсии, заниматься популяризацией научных достижений, подчеркивая обще-

ственную и глобальную значимость антарктических исследований). Неслучайно, как указывалось выше, в названиях научных станций увековечены имена выдающихся президентов и исторических деятелей Чили [15, р. 18].

Антарктическая тематика была включена в национальную программу «Имидж страны», действующую с начала 2000-х годов, к которой чилийцы подошли профессионально и прагматично, используя любую возможность на международных выставках-ярмарках продемонстрировать свою национальную самобытность, в том числе ее «антарктическую составляющую», отличающуюся от общепринятого представления о странах Латинской Америки. (Так, например, чилийские павильоны на международных торгово-промышленных выставках неоднократно оформлялись с использованием антарктических образов, представляя собой куски огромного айсберга [21].)

Развивается и такая сфера, как Национальная политика антарктического туризма (*Política Nacional de Turismo Antártico*), с 2020 г. ставшая одним из ключевых направлений в экономическом развитии XII региона. Туристическая деятельность осуществляется в условиях строгого соблюдения международных экологических правил и норм, исключающих причинение даже минимального ущерба хрупкой экосистеме Антарктики (это требование особо подчеркнуто во всех государственных документах) [22].

Важная роль полярного региона для страны демонстрировалась в ходе частых визитов высших должностных лиц (включая президентов и министров) на чилийские антарктические станции, встреч с полярниками, а также военнослужащими ВМФ и BBC, обеспечивающими функционирование исследовательских объектов. Этот сектор неоднократно посещали М.Бачелет и С.Пиньера; новый президент, Габриэль Борич (март 2022 — н/в), является уроженцем г. Пунта-Аренас и много лет избирался депутатом конгресса от региона Магальянес и Чилийская Антарктика.

Таким образом, антарктическая политика Чили развивается в нескольких направлениях: охватывает сферу фундаментальных научных исследований, прикладных разработок, тесно связана с экономическими вопросами, просветительской, учебной и культурной деятельностью. Важнейшим политическим аспектом является международное сотрудничество в русле основных положений Договора 1959 г.

Выбор между глобальным и локальным, поставленный эпохой глобализации, стоит перед большинством современных государств. Чилийская политика в Антарктике в определенной степени может служить примером того, как уважительно и прагматично страна относится к своим достижениям в этом регионе (не только научным, но и связанным с развитием инфраструктуры станций и баз, налаживанием жизни полярников и поселка Вилья-лас-Эстрельяс, поддержкой исследовательской работы специальными подразделениями ВМФ и BBC). Эта национально-ориентированная позиция, подкрепляемая усилиями профессиональной дипломатии, успешно вписывается в международный контекст. В рамках этой позиции Чили стремится соответствовать международным договоренностям, сочетать глобальные императивы с локальными интересами. В то же время усиление geopolитической турбулентности современного мира может ускорить деструктивные процессы, связанные с нарастанием политических рисков.

На перекрестке глобального и локального

В неблагоприятных условиях хрупкость и определенная двойственность Договора об Антарктике 1959 г., во многом опирающегося на добровольное согласие всех его участников, может оказаться сильнейшим фактором нестабильности, способным поставить на грань кризиса как мирное антарктическое сотрудничество и взаимодействие других государств, так и сбалансированную политику Чили.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Gorostegui Obanoz J.J., Waghorn Gallegos R. Chile en la Antártica: nuevos desafíos y perspectivas. Santiago, Universidad de Santiago de Chile-ADICA, 2012, 335 p.
2. Лагос Р. Мы отстаиваем интересы всех чилийцев. М., *Латинская Америка*, 2002, №9, сс.20-49. [Lagos R. My otstaivaem interesy vsekh chilijcev [We defend the interests of all Chileans]. *Latinskaya America*. Moscow, 2002, N 9, pp. 20-49. (In Russ.).
3. Alvear M.S. Chile y los procesos de integración. *Negociaciones Económicas y Acuerdos de Libre Comercio: La experiencia chilena*. Valparaiso, Instituto de Relaciones Internacionales - UVM, 2004, pp. 15-19.
4. Chile nuestro País. Región de Magallanes y Antártica Chilena. *Biblioteca del Congreso Nacional de Chile/BCN*. Available at: <https://www.bcn.cl/siit/nuestropais/region12> (accessed 15.05.2022).
5. Новая Российская энциклопедия. Под ред. Некипелова А.Д., Данилова-Данильяна А.И. и др. Москва, Энциклопедия, 2004, т. II, 960 с. [Novaya Rossijskaya enciklopediya [The New Russian Encyclopedia]. Moscow, Encyclopedia, 2004, vol. II, 960 p. (In Russ.).
6. Дьякова Л.В. Антарктика: geopolитические, этические, правовые аспекты и перспективы России. М., *Латинская Америка*, 2010, № 8, сс.41-52. [Diyakova L.V. Antarktika: geopoliticheskie, eticheskie, pravovye aspekty i perspektivy Rossii. [Antarctica: Geopolitical, Ethical, Legal aspects and the prospects of Russia]. *Latinskaya America*. Moscow, 2010, N 8, pp. 41-52 (In Russ.).
7. Географический справочник ЦРУ. Екатеринбург, У-Фактория, 2004, 697 с. [Geograficheskij spravochnik CRU. [The geographical directory of the CIA]. Ekaterinburg, U-Faktoriya, 2004, 697 p. (In Russ.).
8. Лазарев М.И. Антарктика: национальный раздел или интернациональный подход? М., *Латинская Америка*, 1990, № 12, сс. 96-103. [Lazarev M.I. Antarktika: nacional'nyj razdel ili internaciona'l'nyj podhod? [Antarctica: a national section or an international approach?]. *Latinskaya America*. Moscow, 1990, N 12, pp. 96-103. (In Russ.).
9. Голицын. В.В. Антарктика: тенденции развития режима. М., Международные отношения, 1989, 336 с. [Golitsyn. V.V. Antarktika: tendencii razvitiya rezhima. [Antarctica: trends in the development of the regime]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1989, 336 p. (In Russ.).
10. Лукин В.В. Антарктика и вопросы мироустройства. М., *Россия в глобальной политике*. 2014, т.12, № 6, сс. 152-163. [Lukin V.V. Antarktika i voprosy mirooustroystva. [Antarctica and world order issues]. *Russia in global politics*. Moscow, vol.12, N 6, pp.152-163. (In Russ.).
11. Андреев А.С. Антарктида во внешней политике стран Латинской Америки. М., *Латинская Америка*, 2020, № 6, сс. 82-94. [Andreev A.S. Antarktida vo vnesnej politike stran Latinskoj Ameriki. [Antarctica in the foreign policy of Latin American countries]. *Latinskaya America*. Moscow, 2020, N 6, pp. 82-94. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0044748X0009594-2
12. Aspectos institucionales y jurídicos de la actividad Antártica. INACH, 2003. Available at: https://www.inach.cl/inach/wp-content/uploads/2009/10/Politica_Antartica.pdf (accessed 18.05.2021).
13. Subsecretaría de Relaciones Exteriores. Política Antártica Nacional 2021. *Biblioteca Digital del Gobierno de Chile*. Available at: https://biblioteca.digital.gob.cl/bitstream/handle/123456789/3933/53_Politica%20Antártica%20Nacional%202021.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 14.01.2022).
14. Ferrada Walker L.V. Nueva Ley Antártica Chilena: un impulso a la acción soberana del país en el Continente Austral. *La Tercera*, 24.03.2021. Available at: <http://www.medicina.uchile.cl/noticias/173859/nueva-ley-antartica-chilena-un-impulso-a-la-accion-soberana-del-pais-en-el-continente> (accessed 25.03.2022).

Людмила Дьякова

15. Memoria Antártica Nacional, 2015-2016. *DIRANTÁRTICA, Ministerio de Relaciones Exteriores*. Available at: https://minrel.gob.cl/minrel/site/docs/20210726/20210726094102/9c_memoria_antartica_2015_2016.pdf (accessed 19.05.2021).
16. INACH - Instituto Antártico Chileno. Available at: <https://www.inach.cl/inach/> (accessed 18.01.2022).
17. Líneas de Investigación PROCIEN - INACH. *INACH*. Available at: https://www.inach.cl/inach/?page_id=10433 (accessed 18.01.2022).
18. Fondos Concursables - INACH. *INACH*. Available at: https://www.inach.cl/inach/?page_id=21920 (accessed 18.01.2022).
19. FAE – Feria Antártica Escolar. *INACH*. Available at: <https://www.inach.cl/fae/> (accessed 19.01.2022).
20. Divulgación-INACH. *INACH*. Available at: https://www.inach.cl/inach/?page_id=22206 (accessed 19.01.2022).
21. Diyakova L.V. Principios y experiencia de formación de la estrategia de imagen en la política de Chile (1990-2006). *Iberoamérica*. Moscow, 2007, N 1, pp.71-82.
22. Política Nacional de Turismo Antártico, 2020. *Dirección de Antártica*. Available at: https://minrel.gob.avz.cl/minrel/site/docs/20190906/20190906113642/4a_texto_politica_nacional_de_turismo_antartico_2020.pdf (accessed 19.01.2022).

Ludmila V. Diakova (diakova65@mail.ru)

Doctor of Political Sciences. Leading researcher, Center of Political Studies, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences (ILA RAN)

B.Ordynka Str, 21/16, 115035 Moscow, Russian Federation.

At the crossroads of global and local. Chile's Antarctic Policy at the present stage

Abstract. The article examines Chile's policy in Antarctica, its main directions and priorities, developing in the context of the special international legal status of the Antarctic territory. The special role of the "Antarctic sector" in the worldview of Chileans is noted, due to historical, geographical and economic factors. The country's current policy in this area is focused on the implementation of multidisciplinary scientific research of a fundamental and applied nature, the support of professional organizations, the development of the infrastructure of scientific stations, and the expansion of public interest in Antarctica. Considerable attention is paid to educational work with young people, special projects for schoolchildren. A characteristic feature of the Chilean position is the desire to build a balanced and purposeful long-term strategy that meets both national interests and international legal norms.

Key words: Chile, Antarctica, 1959, Antarctic stations, Chilean Antarctic Institute.

DOI: 10.31857/S0044748X0020409-8

Received 21.01.2022.

Д.Н.Ершов

Либерализация валютно-финансового регулирования в Чили, Мексике и Бразилии

В статье представлен анализ развития и современного состояния валютно-финансового регулирования в контексте экономической политики Чили, Мексики и Бразилии. Рассмотрены процессы либерализации валютного регулирования в целях создания более благоприятных условий для развития внешней торговли, поддержки экспортёров и выстраивания надежной пруденциальной системы. Сделан вывод о последовательности проведения политики по отмене валютных ограничений с целью поддержки и развития экспортного потенциала. Успешный опыт отмеченных выше стран в области валютно-финансового регулирования заслуживает внимания, поскольку свидетельствует об их способности сохранять финансово-экономическую стабильность, противостоять внешним шокам и усиливать свои позиции в мировой торговле.

Ключевые слова: Латинская Америка, либерализация валютно-финансового регулирования, денежно-кредитная политика, свобода движения капитала, валютные ограничения.

DOI: 10.31857/S0044748X0020410-0

Статья поступила в редакцию 28.01.2022.

Целями данного исследования являются рассмотрение современного состояния валютно-финансового регулирования в Чили, Мексике и Бразилии и выявление общих закономерностей с точки зрения поддержки экспорта. Выбор стран определяется их принадлежностью к наиболее развитым экономикам региона и схожими характеристиками, свойственными им как в отношении формирования и реализации финансово-экономической политики в целом, так и режима валютно-финансового регулирования.

Выбор режима валютно-финансового регулирования является актуальной проблемой в связи с современными вызовами в отношении способно-

Дмитрий Николаевич Ершов — кандидат физ.-мат. наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ (РФ, 127006 Москва, Настасинский пер., д. 3, стр. 2, ershov@nifi.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7624-4648>).

Дмитрий Ершов

сти национальных финансовых систем противостоять внешним рискам. Термин «валютно-финансовое регулирование» может быть определен как совокупность методов воздействия на трансграничные финансовые потоки для обеспечения желаемого обменного курса и финансовой стабильности [1, с. 72]. В современной практике применяются два различных подхода (а также их сочетания) в зависимости от степени свободы осуществления текущих валютных операций и операций, связанных с движением капитала, — либеральный и регуляторный. Первый направлен на минимизацию ограничений валютных операций с целью создать наилучшие условия для торговли и инвестиций. Второй предполагает использование разумных ограничительных мер с целью избежать финансово-экономической неуравновешенности, волатильности и диспропорций, обеспечив более стабильное состояние финансовой системы. Поиски оптимального сочетания двух этих подходов происходят постоянно, и это приводит к появлению многочисленных инструментов регулирования с учетом национальных социально-экономических различий и особенностей.

Вопросы, связанные с экономическим развитием стран Латинской Америки, вызывают интерес научного сообщества, в том числе, в связи со стремлением этих стран к освобождению от сырьевой специализации, диверсификации внешней торговли и привлечению иностранного капитала [2, сс. 10-11]. Целый ряд работ посвящен анализу различных аспектов экономического развития, результаты которого неоднозначны. В работе чл.-корр. РАН В.М.Давыдова рассматриваются проблемы модернизационного развития латиноамериканского региона с учетом процессов глобализации и включения этих стран в международное сотрудничество в условиях неравномерного развития различных отраслей [3]. Британский экономист Дж.Уильямсон на примерах конкретных стран анализировал преимущества и недостатки либерального и регуляторного подходов в условиях глобализации [4]. Со временем «Вашингтонского консенсуса», сформулированного МВФ в 1989 г. первоначально для стран Латинской Америки, но приобретшего впоследствии всеобщую известность, преобладающими тенденциями в мировой финансовой сфере были глобализация производства, либерализация потоков капитала при минимальном регулировании рынка и надзора за финансовыми организациями. После кризиса 2008—2009 гг. МВФ признал использование ограничений в отношении потоков капитала как один из элементов антикризисной политики, в первую очередь, для развивающихся государств [5], а также то, что полная либерализация финансовых потоков не может быть универсальным средством для всех стран. В концептуальном документе МВФ в 2012 г. акцент сделан на создание устойчивой финансовой системы, при которой свобода движения капитала сочетается с разумными ограничительными мерами, направленными на снижение рисков в финансовом секторе [6].

Единого мнения о причинах кризиса не сложилось, но в его возникновении, как отметил российский латиноамериканист Н.Н.Холодков, сыграла роль макроэкономическая политика, преобладавшая в предкризисный период [7, с. 28]. Ученый также сделал вывод о преобладании дестабилизирующего влияния либерализации потоков капитала над теми преимуществами, которые она дает в виде возможной мобилизации дополнительных

Либерализация валютно-финансового регулирования в Чили, Мексике и Бразилии

внешних ресурсов [8, с. 16]. Это объясняется тем, что основная часть входящих потоков капиталов направляется в спекулятивные рисковые сектора с высокой волатильностью, при этом одновременно создаются условия для дополнительного нелегального оттока капитала.

С другой стороны, опыт Бразилии показывает противоположный результат. Кризис, начавшийся в 2015 г., поставил перед страной серьезные вопросы по модернизации экономического механизма и проведению структурных преобразований. Несмотря на ограниченные бюджетные возможности, поясняют российские исследователи Б.Ф.Мартынов и Л.Н.Симонова, был взят курс на реформы, включая снижение процентных ставок по кредитам, налоговой нагрузки, на развитие государственно-частного партнерства, а также изменение валютной политики в интересах экспортёров [9, с. 29]. Заметные экономические успехи Бразилии связывают с проведением структурных реформ, в результате чего прямые иностранные инвестиции выросли, и страна вышла из экономической рецессии, в том числе благодаря стимулированию инвестиций и снижению базовой ставки Центрального Банка (ЦБ) с 14 до 6,5% [10, с. 75].

В коллективной работе ученых ИЛА РАН подчеркивается, что стратегии модернизации стран региона существенно различаются, но при этом для многих из них фактор либерализации деловой жизни, внешней торговли и инвестиций в сочетании с эффективным государственным управлением явился одним из главных драйверов развития [11]. Проведенный Л.Н.Симоновой анализ положения стран региона на рынке сервисных услуг показал, что уровень либерализации торговли услугами в этих странах недостаточен для успешного конкурирования на международном рынке [12, с. 21]. Таким образом, подтверждается идея цикличности волн усиления регуляторного подхода как реакции на кризис и его ослабления в межкризисный период.

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ФИНАНСОВЫХ ПОТОКОВ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЕННОСТИ

Под либерализацией финансовых потоков понимается законодательное устранение барьеров, которые препятствуют трансграничному движению капитала. Общая тенденция состоит в том, что за последние десятилетия после отказа от Бреттон-Вудской системы совокупный объем международных финансовых потоков существенно возрос за счет либерализации режимов торговли и инвестиций [13, сс. 22-23]. Первые попытки сформировать единые стандарты для финансовых систем разных стран привели в 1961 г. к созданию Кодекса либерализации движения капитала Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В его основе лежала идея о том, что в долгосрочной перспективе для каждой страны либерализация является благом: страны, стремясь реализовать новые возможности в сфере торговли и инвестиций, станут снимать ограничения в своих законодательствах, не дожидаясь и не требуя аналогичных ответных шагов со стороны партнеров. Эти ожидания могут быть реализованы в случае, когда такой подход поддерживают остальные государства-участники, находящиеся примерно на одном уровне экономического развития. Поскольку кодекс был разработан внутри ОЭСР, то это условие было выполнено [14].

Дмитрий Ершов

Для текущих валютных операций действует правило обязательной либерализации (отмены ограничений), в то время как для операций, связанных с движением капитала, требования либерализации носят рекомендательный характер. Главным объектом либерализации принят национальный режим доступа иностранных инвесторов. При этом для большого количества операций, связанных с движением капитала (например, инвестиции и операции с ценными бумагами) и имеющих длительные сроки осуществления, кодекс запрещает вводить ранее снятые ограничения. Таким образом, страны, подписавшие кодекс, могут менять режим регулирования по капитальным операциям только в сторону дальнейшей либерализации. Отступления от этого правила возможны только в случае тяжелого экономического положения.

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЧИЛИ

Регулирование трансграничных операций в Чили тесно связано с либерализацией режима внешней торговли. В основе этой политики лежит поддержка экспортёров в их стремлении интегрироваться и закрепиться на мировых рынках. Первый пакет мер был реализован в 1970—1980-е годы и включал в себя меры по стабилизации обменного курса национальной валюты с помощью политики управляемого курса в привязке к доллару в пределах определенного коридора. Кроме того, с 1991 по 1998 г. действовал режим контроля за движениями капитала в форме требования о беспроцентном резервировании на счетах ЦБ 30% объема инвестиций на один год. Такое условие делало долгосрочные инвестиции более привлекательными, чем краткосрочные, а с учетом того, что иностранные инвесторы могли заплатить авансовый платеж вместо резервирования, такая мера по существу являлась дополнительным налогом. В результате это решение оказалось отрицательное влияние на чилийские компании, которые были существенно ограничены в свободе действий, и в 1998 г. этот режим был отменен [15]. Из других мер того периода профессор Университета Сантьяго М. Агосин отметил: механизм возврата части экспортных пошлин, направленный на поддержку экспортёров, который через некоторое время исчез в результате вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 1995 г.; механизм поддержки прямых иностранных инвестиций, благодаря которому, начиная с 1987 г., наблюдается рост их объемов [16].

В 1990-е годы началась активная деятельность по заключению соглашений о либерализации торговли и потоков капитала со многими странами, региональными объединениями и международными организациями. С 2000-х годов осуществлялись более системные реформы, которые привели к тому, что были сняты практически все ограничения по текущим валютным операциям для поддержки экспорта [17]. Кроме того, власти страны активно проводили политику сокращения административных барьеров, повышения инвестиционной привлекательности и реформировало законодательство в сфере корпоративного управления, социальной ответственности, антимонопольной политики, защиты интеллектуальной собственности. В результате в 2010 г. Чили выполнила все требования [18] для вступления в ОЭСР. В последние годы для большинства импортных операций приме-

Либерализация валютно-финансового регулирования в Чили, Мексике и Бразилии

няется единая тарифная ставка 6%. С учетом того, что основная часть импорта осуществляется со странами, имеющими с Чили соглашения о свободной торговле, реальная ставка значительно ниже. По данным отчета МФВ за 2020 г., доля импорта из этих стран в 2018 г. составила 94%, а тарифная ставка 0,8% [19]. В денежно-кредитной области ЦБ Чили придерживается либерального подхода и реализует последовательную политику, направленную на поддержание устойчивой макроэкономической ситуации. Для этого применяются методы векторной авторегрессии с использованием статистических данных с 2001 г. [20].

Поскольку либерализация валютно-финансового регулирования обычно ведет к росту подверженности внешним экономическим шокам, в Чили применялись и продолжают применяться меры экономической политики, направленные на сглаживание негативных эффектов [21, с. 62]. Во-первых, меры по либерализации проводились поэтапно и в увязке с общей экономической политикой по поддержке экспорта. Во-вторых, параллельно с либерализацией операций, связанных с движением капитала, проводилась трансформация системы валютного контроля. В-третьих, широко используются меры государственного регулирования на финансовом рынке и в банковском секторе.

Чили удалось преодолеть последствия финансового кризиса 2008—2009 гг. за относительно короткий период времени, во многом благодаря быстрому восстановлению спроса на традиционно экспортную медь. Преодолению кризиса также способствовало последовательное применение комплекса мер денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, в частности, обеспечение валютной ликвидности в банковском секторе за счет международных резервов, а также соблюдение строгих стандартов валютного и банковского надзора [22]. Кроме того, в последние годы наблюдаются успехи в области диверсификации номенклатуры экспортных поставок и развития несырьевого экспорта, в том числе высокотехнологичного, несмотря на то, что страна расположена далеко от основных мировых торговых рынков (азиатских, североамериканских, европейских). Это стало возможным благодаря последовательной политике по созданию благоприятных условий в торговле и поддержке экспортного сектора [23].

В 2021 г. ЦБ ввел использование национальной валюты в трансграничных расчетах [24], что значительно облегчает выполнение многих операций. Резиденты теперь могут напрямую инвестировать в песо за границей, а иностранцы могут инвестировать в песо в Чили. Такая мера по интернационализации чилийского песо позволяет снизить валютные риски и устранить барьеры взаимодействия резидентов с нерезидентами. Таким образом, можно заключить, что либерализация валютно-финансового регулирования Чили интегрирована в общегосударственные экономические цели и проводится последовательно совместно с другими экономическими реформами, направленными на поддержку экспорта.

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В МЕКСИКЕ

Процесс либерализации валютно-финансового регулирования в Мексике проходил с конца 1970-х годов в несколько этапов [25, сс. 289-290]. Ос-

Дмитрий Ершов

новными первоначальными целями были поддержка отечественного экспорта и привлечение иностранных инвестиций для освоения новых нефтяных месторождений. Однако преобладание настроений социального популизма привело к тому, что поступившие инвестиции были в значительной мере направлены не в экономику, а на социальные программы. После падения цен на нефть с 1982 г. в результате оттока капитала и девальвации национальной валюты наступил долговой кризис [26]. В этих условиях страна, находясь в значительной степени под давлением США, взяла курс на неолиберальные реформы [27, с. 37], в том числе, в сфере валютного регулирования. В 1986 г., практически одновременно со вступлением Мексики в Генеральное соглашение по тарифам и торговле (*General Agreement on Tariffs and Trade, GATT*), были сняты ограничения во внутреннем финансовом секторе по текущим валютным операциям и по операциям, связанным с движением капитала.

В 1989 г. была проведена банковская реформа: отменен контроль процентных ставок и сроков погашения по всем традиционным банковским инструментам и депозитам; резервные требования по банковским депозитам заменены 30-процентным коэффициентом ликвидности, государственные ценные бумаги стали торговаться по рыночным условиям; отменены ограничения на банковское кредитование частного сектора; прекращено обязательное кредитование государственного сектора коммерческими банками по процентным ставкам ниже рыночных.

Кроме того, коммерческие банки получили большую свободу и самостоятельность. Вслед за этим последовали приватизация коммерческих банков и другие меры по ослаблению госконтроля в финансовой сфере [28]. Следует отметить последовательность этих реформ, их постепенную пошаговую реализацию и их сочетание с реструктуризацией экономики и с политикой строгой бюджетной дисциплины. Эти меры привели к стабилизации национальной валюты, снижению темпов инфляции и росту финансирования частного сектора экономики [29, сс. 48-49]. Вступив в ОЭСР в 1994 г., Мексика приступила к созданию надежной пруденциальной системы и стала выстраивать свою финансовую систему в соответствии со стандартами Кодекса ОЭСР. В 1994 г. был введен режим плавающего валютного курса [30, р. 195], ЦБ Мексики стал независимым и проводит автономную денежно-кредитную политику, направленную на сдерживание инфляции и обеспечение стабильности национальной валюты.

Следующим важным шагом стало присоединение к международным пруденциальным стандартам в соответствии с рекомендациями Базельского комитета по банковскому надзору и инициативам в области свободы торговли и либерализации финансовых систем на глобальном (ВТО, с 1995 г.), региональном (Североамериканское соглашение о свободной торговле, НАФТА, с 1994 г.) и двустороннем (соглашения о свободной торговле, ССТ) уровнях. С этого времени финансовая система эволюционировала в сторону почти полной либерализации финансовых услуг.

Особое значение для Мексики имели вхождение в ВТО и особенно в НАФТА, что открыло для экспортёров страны доступ на рынки США и Канады и одновременно позволило внедрить в стране новые технологии. Открывшиеся возможности стимулировали развитие торговых и инвести-

Либерализация валютно-финансового регулирования в Чили, Мексике и Бразилии

ционных контактов и связанную с ними либерализацию финансового сектора. Рост объема экспорта и инвестиций со странами НАФТА за период с 1994 до 2010 г. оценивается в 50 и 40% соответственно [31], и такой рост приводил к сокращению ограничений в финансовой сфере.

В настоящее время ограничений для переводов иностранной валюты в страну и из страны не существует, включая возможность депатриации прибыли. Сохраняются некоторые ограничения, связанные с оборотом наличной валюты в рамках мер по предотвращению отмывания денег. Денежно-кредитная политика ЦБ Мексики строится на принципах его независимости и нацелена на сдерживание инфляции в пределах целевого показателя 3% +/- 1% при минимизации экономических затрат. В области инфляционного таргетирования ЦБ имеет целевую программу действий [33] и регулярно контролирует ее выполнение [34]. В целях совершенствования регулирования и контроля потоков капитала ЦБ проводит собственные исследования их динамики и факторов, которые оказывают на них влияние, в частности, о влиянии пандемии *COVID-19* на мировые финансовые потоки [35].

В Мексике была успешно реализована программа реформирования институтов финансового рынка и формирования системы регулирования и надзора. В 2010 г. был создан Совет по финансовой стабильности как площадка для профессионального обсуждения вопросов стабильности национальной финансовой системы. В совет входят девять членов, представляющих ЦБ, пенсионный фонд, а также специалисты банковского и страхового секторов и рынка ценных бумаг [36]. Создание совета и сотрудничество в нем различных финансовых органов позволило сформировать макропруденциальную политику. Некоторые инструменты этой политики, применяемые в банковском секторе и на финансовом рынке, представлены в таблице ниже. В скобках указаны годы введения в действие или последующей корректировки инструмента, либо период его действия.

Во время кризиса 2008—2009 гг. был введен оказавшийся весьма эффективным механизм (ограничение), согласно которому банки должны были погашать кредиты в разное время. В итоге ни один банк Мексики не столкнулся с проблемами ликвидности в иностранной валюте, как это было во многих странах, где такой инструмент не использовался. Ограничения на кредитование связанных контрагентов означают, что любое их кредитование, превышающее пороговое значение, должно вычитаться из капитала первого уровня, что влечет за собой значительные расходы для банков в случае превышения порогового значения. В 2011 г. этот лимит был понижен с 50 до 25% от уставного капитала. Эти ограничения распространяются на депозиты, кредиты, чистые позиции по производным инструментам и ценным бумагам, кроме акций. Этот инструмент особенно актуален в таких странах, как Мексика, где большая часть банковских активов принадлежит иностранным банкам. В 2001 г. Совет по финансовой стабильности установил лимит на риск межбанковского кредитования, что также обезопасило мексиканские банки от системного кризиса в 2008—2009 гг.

На финансовом рынке с 1996 по 2001 и с 2010 по 2011 гг. проводился ежемесячный аукцион пут- опционов, что давало возможность держателям опционов продавать доллары ЦБ в качестве средства для создания международных резервов. Этот инструмент позволил Мексике противостоять не-

Дмитрий Ершов

стабильностям на мировом рынке. Требование, касающееся пенсионных фондов, состоит в том, что в кризисные периоды лимиты подверженности риску (*value at risk, VaR*) для портфелей пенсионных фондов увеличиваются до заранее установленного уровня. Таким образом, в период повышенной волатильности, пределы *VaR* повышаются, чтобы предотвратить масовые продажи и защитить стоимость сберегательных счетов. Без этого требования пенсионные фонды несли бы убытки.

ИНСТРУМЕНТЫ МАКРОПРУДЕНЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В МЕКСИКЕ

Наименование	Цель применения
Банковская система	
Ограничения на несовпадение сроков погашения кредитов в иностранной валюте (1992, 1997 гг.)	Снижение валютного риска банков
Ограничения на кредитование связанных контрагентов (1994, 2001, 2008, 2011 гг.)	Снижение кредитных рисков банков
Ограничения межбанковского кредитования (2001 г.)	Снижение кредитного риска на межбанковском рынке
Финансовый рынок	
Требования по накоплению международных резервов (1996—2001 гг., 2010—2011 гг.)	Улучшение кредитного профиля страны и стабилизация потоков капитала
Гибкие ограничения на инвестиции для пенсионных фондов (2010 г.)	Предотвращение массовых продаж пенсионных фондов и обеспечение их чувствительности к волатильности финансовых рынков

Источник: составлено автором по [36].

Для поддержания стабильности на валютном рынке ЦБ Мексики использует специальные деривативные инструменты для интервенций на валютном рынке: беспоставочные (расчетные) форвардные контракты со сроком погашения до 12 месяцев и расчетами в песо [19]. Кроме того, были введены временные импортные пошлины на ряд товаров (металлургия, текстильная и обувная отрасли), скорректированы разрешительные требования для импорта и экспорта углеводородов и нефтепродуктов, а также ужесточены лицензионные требования [19].

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В БРАЗИЛИИ

До 1980-х годов Бразилия жила в условиях жесткой бюрократической системы валютно-финансового регулирования и валютного контроля, но

Либерализация валютно-финансового регулирования в Чили, Мексике и Бразилии

под влиянием глобального долгового кризиса запустились процессы либерализации. В 1985 г. в целях организации системы эффективного контроля над валютными операциями ЦБ создал специальную информационную систему (*Sistema de Informações do Banco Central, SISBACEN*), в которой фиксируются внутренние и трансграничные операции, включая всех ее участников (клиентов, агентов и уполномоченные банки). В 1987 г. внутренний валютный рынок стал доступен для иностранных портфельных инвесторов. В 1999 г. был введен плавающий курс для национальной валюты (при этом сохранялся особый курс для туристов), а с середины 2000-х годов постепенно стало ослабевать требование о репатриации экспортной валютной выручки и ее конвертации в национальную валюту, существовавшее с 1933 г.; полностью его отменили в 2008 г. [37, с. 88].

В 1990-е годы Бразилия активно вовлекалась в процессы глобализации. С 2007 г. национальная валюта стала использоваться при осуществлении экспортных операций, а с 2008 г. бразильские банки получили возможность покупать и продавать иностранную валюту за бразильские реалы через иностранные банки за пределами страны, а также устанавливать с ними корреспондентские отношения. В 2009 г. Бразилия и Аргентина в целях упрощения проведения платежей создали совместную платежную систему (*Sistema de Pagamentos em Moedas Locais, SML*), к которой впоследствии присоединились соседние страны [38, с. 131]. В 2000-е годы страна взяла курс на проведение экономических реформ, развитие социальных программ, модернизацию инфраструктуры и поддержку экспорта.

В настоящее время режим валютного регулирования Бразилии считается достаточно либеральным. Экспорттер может оставлять за рубежом валютную выручку в полном объеме, ограничений на проведение операций по валютным счетам нет. Для перевода иностранной валюты за рубеж не требуется разрешение ЦБ [39]. Контроль за выполнением валютных операций резидентов осуществляется через *SISBACEN*. С помощью этой системы ЦБ имеет возможность отслеживать потенциально незаконные и подозрительные операции, принимать меры по их пресечению и накапливать необходимую статистику. При этом ЦБ, указывая на эффективность системы при мониторинге валютных операций, признает, что ее работа весьма трудоемка и требует значительных операционных издержек компаний и банков [40].

В ноябре 2020 г. ЦБ Бразилии разработал и ввел в действие усовершенствованную систему мгновенных платежей *PIX* [41], которая позволяет физическим лицам, компаниям и государственным организациям отправлять и получать платежные переводы в режиме реального времени в любые дни. По сравнению с предыдущими версиями платежных систем *PIX* является более дешевым инструментом, поскольку в ней существует меньшее число посредников, а также более безопасным средством цифровых платежей благодаря специальным мерам защиты. Кроме того, *PIX* доступна всем категориям пользователей и расширяет доступ к цифровым финансовым услугам. Пользователю необходимо зарегистрироваться и получить цифровой ключ, чтобы идентифицировать счет для перевода и получения денежных средств, а для перевода или получения платежа нужен только ключ получателя вместо реквизитов банковского счета. Ключом *PIX* может быть любой идентификатор по выбору клиента: ИНН, адрес электронной почты, номер телефона,

Дмитрий Ершов

QR код или случайная буквенно-цифровая комбинация. Услуги *PIX* бесплатны для физических лиц и малых предпринимателей при совершении покупок и переводов, но плата взимается при получении денежных средств от продажи товаров и услуг, облагаемых пошлинами со стороны финансовых организаций. С юридических лиц взимается пошлина как при отправлении, так и при получении денежных средств в размере 0,01 реала на каждые 10 транзакций [42]. Уже к марта 2021 г. число пользователей *PIX* составило свыше 58 млн человек в качестве получателей и свыше 53 млн — в качестве отправителей [43].

Важный шаг в направлении либерализации валютного регулирования — принятие в конце 2021 г. закона № 14286 от 29.12.2021 [44], который вводит новые правила регулирования внутреннего валютного рынка, движения бразильского капитала за границей и иностранного капитала в Бразилии, а также устанавливает требования к раскрытию информации в целях составления макроэкономической статистики. Закон вступит в силу через год после его принятия, т.е. в конце 2022 г., и направлен на совершенствование, упрощение, консолидацию и дальнейшую либерализацию валютного законодательства. Вместо действовавших ранее более 40 нормативно-правовых и подзаконных актов вводится единый документ из 29 статей, в результате чего на рынке ожидается наступление более четкой правовой определенности. Основные новшества для участников финансового рынка и внешнеэкономической деятельности состоят в следующем [45]: упрощение процедур оформления и предоставления информации для участников биржевых операций; увеличение недекларируемой суммы при въезде-выезде из страны с 10 тыс. реалов до 10 тыс. долл. (или эквиваленты в другой валюте); разрешение на международное использование системы *PIX*; существенное расширение возможностей использования национальной валюты в международной торговле.

Последняя мера имеет важное значение для бразильских компаний, в том числе средних и малых, которые задействованы в цепочках создания стоимости. Новый закон снимает ограничения для экспортёров в части использования ими своих ресурсов, а также расширяет допустимое количество механизмов финансирования для иностранных покупателей продукции бразильского экспорта. Импортёры также получают значительные послабления. В частности, отменяется требование о том, что, прежде чем регистрировать в ЦБ операции по финансированию импорта и, тем более, оплачивать его, импортируемый товар должен прибыть на территорию страны. Отмена этого требования позволит импортёрам оплачивать, например, приобретение материалов, производимых за рубежом, которые далее идут на производство конечного продукта с последующей его отправкой в Бразилию. Эти изменения положительно влияют на привлечение иностранного капитала как на финансовый рынок Бразилии, так и в виде прямых инвестиций, а также в инфраструктурные и концессионные проекты. Кроме того, закон № 14286 разрешает получение и перевод платежей в реалах со счетов иностранных финансовых учреждений, открытых в реалах в банках Бразилии, что в значительной степени способствует расширению использования национальной валюты в международных операциях.

В заключение можно констатировать, что страны Латинской Америки являются транснациональным регионом, находящимся в стадии формиро-

Либерализация валютно-финансового регулирования в Чили, Мексике и Бразилии

вания, обладающим своей спецификой и прошедшим свой тернистый путь в XXI в. [46, с. 150]. Чили, Мексика и Бразилия последовательно продвигаются в направлении либерализации от полного государственного контроля до значительной отмены ограничений и выстраивания макропруденциальной политики. Валютно-финансовые системы окрепли и интегрировались в глобальные и региональные процессы, выработали способность противостоять внешним шокам, но это процесс необходимо развивать и поддерживать. Современная ситуация характеризуется тем, что перед странами латиноамериканского региона, уязвимыми в социально-экономическом, политическом и финансовом отношении, все еще стоят задачи по расширению их участия в международной экономике путем диверсификации экспорта и поддержки экспортного сектора. Дальнейшее совершенствование механизмов валютно-финансового регулирования и валютного контроля может этому способствовать.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Навой А.В. Концепция валютно-финансового регулирования национальной экономики в условиях нестабильности глобальных финанс. *Финансовый журнал*. М., 2018, № 1, сс. 71-86. [Navoj A.V. Koncepciya valyutno-finansovogo regulirovaniya nacional'noj ekonomiki v uslovijah nestabil'nosti global'nyh finansov [Concept of the Exchange Rate Policy and Capital Control of the National Economy in Terms of Global Finance Instability]. *Finansovyy zhurnal*. Moscow, 2018, N 1, pp. 71-86. (In Russ)].
2. Давыдов В.М. Глобальные и региональные детерминанты развития Латинской Америки. *Латинская Америка*. М., 2017, № 12, сс. 6-14. [Davydov V.M. Global'nye i regional'nye determinants razvitiya Latinskoj Ameriki [Global and regional determinants of the development of Latin America]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2017, N 12, pp. 6-14. (In Russ.)].
3. Давыдов В.М. Повестка развития латиноамериканских стран на сегодня и завтра. *Латинская Америка*. М., 2016, № 6, сс. 6-18. [Davydov V.M. Povestka razvitiya latinoamerikanskikh stran na segodnya i zavtra. [The development agendas of Latin American countries today and tomorrow. The imperatives of national, regional and global orders]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2016, N 6, pp. 6-18. (In Russ.)].
4. Williamson J. What Washington Means by Policy Reform. PIIE. 2002. Available at: <https://www.piie.com/commentary/speeches-papers/what-washington-means-policy-reform> (accessed 28.02.2022).
5. Ostry J.D. et al. Capital Inflows: The Role of Controls. IMF. 2010. 30 p. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/spn/2010/spn1004.pdf> (accessed 28.02.2021).
6. The Liberalization and management of capital flows. IMF. 2012. Available at: <https://www.imf.org/external/np/pp/eng/2012/111412.pdf> (accessed 28.02.2021).
7. Холодков Н.Н. Глобальный финансово-экономический кризис. *Свободная мысль*. М., 2013, № 1 (1637), сс. 19-32. [Holodkov N.N. Global'nyj finansovo-ekonomicheskij krizis [Global financial and economic crisis]. *Svobodnaya mysль*. Moscow, 2013, N 1 (1637), pp. 19-32. (In Russ.)].
8. Холодков Н.Н. Латинская Америка: вызовы и проблемы посткризисного развития. Валютно-финансовый аспект. *Латинская Америка*. М., 2017, № 9, сс. 90-99 [Holodkov N.N. Latinokav Amerika: vyzovy i problemy postkrizisnogo razvitiya. Valyutno-finansovyy aspekt. [Latin America: challenges and problems of post-crisis development. Monetary aspect]. [Holodkov N.N. Global'nyj finansovo-ekonomicheskij krizis. Svobodnaya mysль [Latin America: challenges and problems of post-crisis development. Monetary aspect]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2017, N 9, pp. 90-99. (In Russ.)].
9. Мартынов Б.Ф., Симонова Л.Н. Бразилия перед нелегким выбором. *Латинская Америка*. М., 2016, № 2, сс. 24-34. [Martynov B.F., Simonova L.N. Braziliya pered nelegkim vyborom [Brazil before a hard option]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2016, N 2, pp. 24-34 (In Russ.)].
10. Симонова Л.Н. Экономика Бразилии преодолела рецессию. *Латинская Америка*. М., 2018, № 12, сс. 74-85. [Simonova L.N. Ekonomika Brazilii preodolela recessiyu [Brazil's economy emerged from recession]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, N 12, pp. 74-85 (In Russ.)].

11. Латинская Америка на путях экономической модернизации. Отв. ред. Симонова Л.Н. М., ИЛА РАН, 2013, 256 с. [Latinskaya Amerika na puti ekonomicheskoy modernizacii [Latin Amerika on the way to economic modernisation]. Moscow. Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences. 2013. 256 p. (In Russ.).
12. Симонова Л.Н. Латинская Америка на мировом рынке услуг. *Латинская Америка*. М., 2020, № 6, сс. 11-22. [Latinskaya Amerika na mirovom rynke uslug [Latin America in the global service market]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, N 6, pp. 11-22. (In Russ.) DOI: 10.31857/S0044748X0009589-6.
13. Анисимова А.А. Либерализация потоков капитала: современные тенденции. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. М., 2015, № 43 (277), сс. 22-31. [Anisimova A.A. Liberalizaciya potokov kapitala: sovremennye tendencii]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya*. Moscow, 2015, N 43 (277), pp. 22-31. (In Russ.).
14. Левашенко А.Д., Коваль А.А. Либерализации движения капитала в России и Кодекс ОЭСР. *Social Science Research Network (SSRN)*. 2018. [Levashenko A.D., Koval' A.A. Liberalizaciia Dvizheniya Kapitala v Rossii i Kodeks OESR. [Liberalization of Capital Flows in Russia and the OECD Code]. *SSRN*. 2018. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3168604 (accessed 28.02.2021). (In Russ.).
15. Andreasen E., Bauducco S., Dardati E. Capital control and firm performance: the effects of the Chilean encaje. CAF. Working paper N 2018/04. Available at: <https://scioteca.caf.com/bitstream/handle/123456789/1153/capital-controls-and-firm-performance-the-effects-of-the-chilean-encaje.pdf?sequence=1> (accessed 28.02.2021).
16. Agosin M. Export Performance in Chile: Lessons for Africa. World Institute for Development Economic Research. 1997. 61 p. DOI: 10.22004/ag.econ.295469. Available at: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/WP144.pdf> (accessed 28.02.2021).
17. IMF Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions 2002. DOI: <https://doi.org/10.5089/9781589061255.012>. Available at: <https://www.elibrary.imf.org/view/books/012/00332-9781589061255-en/00332-9781589061255-en-book.xml> (accessed 28.12.2021).
18. Accession of Chile to the OECD. Review of international investment policies. OECD. 2009. 92 p. Available at: <https://www.oecd.org/industry/inv/49846624.pdf> (accessed 28.12.2021).
19. IMF Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions. IMF. 2020. DOI: <https://doi.org/10.5089/9781513556567.012>. Available at: <https://www.elibrary.imf.org/view/books/012/29310-9781513556567-en/29310-9781513556567-en-book.xml?code=imf.org> (accessed 28.12.2021).
20. Aruoba B. et al. Monetary Policy Surprises in Chile: Measurement & Real Effects. Working paper N 921. Central Bank of Chile. 2021. Available at: <https://si2.bcentral.cl/public/pdf/documentos-trabajo/pdf/dtbc921.pdf> (accessed 28.01.2022).
21. Раков И.Д. Либерализация счета движения капитала в Чили. *Экономика: теория и практика*. 2022, № 1 (65), сс. 58-64. [Rakov I.D. Liberalizaciya scheta dvizheniya kapitala v Chili [Capital account liberalization in Chile]. *Jekonomika: teorija i praktika*. Moscow, 2022, N 1 (65), pp. 58-64 (In Russ.). DOI: 10.31429/2224042X_2022_65_58.
22. Sistema Financiero En Chile: Lecciones de la Historia Reciente / Berstein S., Marcel M.: Banco Central de Chile. 2019. Available at: <https://www.bcentral.cl/documents/33528/133323/dpe67.pdf/08b40379-9553-fac0-f077-8ad5083f6a7f?t=1573269248660> (accessed 21.04.2021).
23. Salinas G. Chile: A Role Model of Export Diversification Policies? IMF Working Paper. WP/21/148. 2021. Available at: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WP/2021/English/wpiea2021148-print-pdf.ashx> (accessed 22.01.2022).
24. Central Bank authorizes use of Chilean peso in cross-border operations. 2021. Available at: <https://www.bce.cl/banco-central-autoriza-uso-de-peso-chileno-en-operaciones-transfronterizas/?lang=en> (accessed 21.01.2022).
25. Иванова В.С., Раков И.Д. Финансовая либерализация в Мексике: этапы, механизмы, последствия. *Экономика и предпринимательство*. 2021, № 8, сс. 289-293. [Ivanova V.S., Rakov I.D. Finansovaya liberalizaciya v Meksike: etapy, mekhanizmy, posledstviya [Financial liberalization in Mexico: stages, mechanisms, consequences]. *Jekonomika i predprinimatel'stvo*. Moscow, 2021, N 8, pp. 289-293. (In Russ.).
26. Meza F. The Case of Mexico. The Monetary and Fiscal History of Mexico, 1960–2017. Working Paper. Centro de Análisis e Investigación Económica and Instituto Tecnológico

Либерализация валютно-финансового регулирования в Чили, Мексике и Бразилии

- Autónomo de México. 2019. 40 p. Available at: <https://bfi.uchicago.edu/wp-content/uploads/The-Case-of-Mexico.pdf> (accessed 21.04.2021).
27. Боровков А.Н. «Левый поворот» в Мексике представляет собой новое явление. *Иberoамериканские тетради*. 2020, № 8(1), сс. 36-45. [Borovkov A.N. «Levyj poverot» v Meksike predstavlyaet soboj novoe yavlenie. ["Left turn" in Mexico is a new phenomenon]. *Iberoamerikanskie tetradi*. Moscow, 2020, N 8 (1), pp. 36-45 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-36-45>.
28. Coorey S. Financial Liberalization and Reform in Mexico. IMF eLIBRARY. Available at: <https://www.elibrary.imf.org/view/books/084/04618-9781557753120-en/ch05.xml?tabs=fulltext> (accessed 28.02.2021).
29. Фомина О.Н. Участие ведущих стран Латинской Америки в процессах международного движения капитала. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право*. 2017, № 9, сс. 47-52. [Fomina O.N. Uchastie vedushchih stran Latinsoj Ameriki v processah mezhdunarodnogo dvizheniya kapitala [Participation of the leading countries of Latin America in the processes of international capital flows]. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and law*. 2017, N 9, pp. 47-52 (In Russ.).
30. Chamon M., Hofman D., Magud N.E. and Werner A. Foreign Exchange Intervention in Inflation Targeters in Latin America. 2019. Washington, DC: International Monetary Fund. 320 p. DOI: <https://doi.org/10.5089/9781484375686.071>.
31. Vazquez Gomez G. The Mexican experience with financial sector liberalization and prudential structural reform. Centre for Commercial Law Studies. Queen Mary College, University of London. 2011. 428 p. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/30696278.pdf> (accessed 28.02.2021).
32. Remarks by Mr. J.G.Calafell, Deputy Governor at the Banco de Mexico. Banco de Mexico on «Monetary policy amid volatile capital flows». 2017. Available at: <https://www.bis.org/review/r170407f.pdf> (accessed 19.12.2021).
33. Monetary policy program 2019. Banco de Mexico. Available at: <https://www.banxico.org.mx/publications-and-press/monetary-policy-programs/%7B8712A1DE-8FDC-D76C-2754-C8B95D8646DB%7D.pdf> (accessed 28.12.2021).
34. Minutes number 90. Meeting of Banco de México's Governing Board on the occasion of the monetary policy decision announced on February 10, 2022. Banco de Mexico. Available at: <https://www.banxico.org.mx/publications-and-press/minutes-of-the-board-of-governors-meetings-regardi/%7B4BA48539-D81A-CBC6-A066-CBD61AF054A6%7D.pdf> (accessed 28.02.2022).
35. Banco de México Working Papers N 2021-17. Capital Flows to Emerging Economies and Global Risk. Aversion during the COVID-19 Pandemic. Banco de Mexico. Available at: <https://www.banxico.org.mx/publicaciones-y-prensa/documentos-de-investigacion-del-banco-de-mexico/%7B88C97327-2BF4-455B-F342-EBF2B4D0E540%7D.pdf> (accessed 28.02.2022).
36. Sepúlveda E. Financial Stability and the Role of Central Banks: The Case of Mexico. Banco de Mexico. Available at: <http://educa.banxico.org.mx/pdfs/retobanxico/%7B58AD7616-4074-F318-9A1B-E38414003718%7D.pdf> (accessed 28.02.2022).
37. Ситник А.А. Валютное регулирование и валютный контроль в Бразилии. *Вестник университета им. О.Е.Кутафина (МПОА)*. 2020, № 8, сс. 86-92. [Sitnik A.A. Valyutnoe regulirovaniye i valyutnyj kontrol' v Brazilii [Currency regulation and currency control in Brazil]. *Vestnik universiteta im. O.E.Kutafina (MPOA)*. 2020, N 8, pp. 86-92. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2020.72.8.086-092.
38. Швандар К.В., Глазунов А.В. Анализ использования национальных валют в расчетах по внешнеторговым операциям. *Финансовый журнал*. 2017, № 4, сс. 122-135. [Shvandar K.V., Glazunov A.V. Analiz ispol'zovaniya nacional'nyh valyut v raschetah po vneshnetorgovym operaciyam [Analysis of the use of national currencies in settlements on foreign trade operations]. *Finansovyj zhurnal*. 2017, N 4, pp. 122-135. (In Russ.).
39. International Capitals and Foreign Exchange Market in Brazil. Banco Central do Brasil. 2015. Available at: https://www.bcb.gov.br/rex/legCE/Ingl/Ftp/International_Capitals_and_Foreign_Exchange_Market_at_Brazil.pdf (accessed 28.12.2021).
40. Simplification Measures in the Foreign Exchange Area. Banco Central do Brasil. 2015. Available at: https://www.bcb.gov.br/rex/legCE/Ingl/Ftp/Simplification_Measures_in_the_Foreign_Exchange_Area.pdf (accessed 28.12.2021).
41. PIX Powered by Banco Central. 2020. Available at: https://www.bcb.gov.br/en/financialstability/pix_en (accessed 22.12.2021).

Дмитрий Ершов

42. PIX – новая система моментальных платежей Бразилии входит в действие с ноября. [Pix – novaya sistema momental'nyh platezhej Brazilii vhodit v dejstvie s noyabrya [Pix, Brazil's new instant payment system, has been in operation since November]. 2020. Available at: <https://galeao-brazilia.com/2020/12/17/pix/> (accessed 22.12.2021).
43. Brazil: persons and companies using PIX 2021, by type of transaction. 2022. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1230211/number-pix-persons-companies-type-transaction-brazil/#statisticContainer> (accessed 22.04.2022).
44. Law Nr. 14,286, of 29 December 2021. Available at: https://www.bcb.gov.br/content/about/legislation_norms_docs/Law_FX_14.286.pdf (accessed 22.01.2022).
45. New law modernizes the legal framework for the foreign exchange market and international capitals. Banco Central do Brasil. 2021. Available at: <https://www.bcb.gov.br/en/pressdetail/2425/nota> (accessed 22.02.2022).
46. Яковлев П.П. Иberoамерика в глобальном водовороте. Старые и новые тренды. *Свободная мысль*. 2021. № 3 (1687), сс. 149-160. [Yakovlev P.P. Iberoamerika v global'nom vodo-vorote. Starye i novye trendy [Iberoamerica in the global whirlpool. Old and new trends]. *Svobodnaya mysl'*. 2021, N 3 (1687), pp. 149-160. (In Russ.).

Dmitry N. Ershov (ershov@nifi.ru)

Ph.D. in Math., Senior Researcher, Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation

Nastasinsky per., 3, bldg. 2, 127006 Moscow, Russian Federation

Monetary liberalization in Chile, Mexico and Brazil

Abstract. The article presents an analysis of the development and current state of monetary and financial regulation in the context of the economic policies of Chile, Mexico and Brazil. The article is focused at the processes of liberalization of foreign exchange regulation in order to create more favorable conditions for the development of foreign trade, support for exporters and building a reliable prudential system. It is concluded that in the reviewed countries, the policy regarding the lifting of restrictions in order to support and develop export potential had been carried out consistently. The successful experience of these countries in the field of monetary and financial regulation deserves attention, as it shows their ability to maintain financial and economic stability, withstand external shocks and strengthen their positions in world trade.

Key words: Latin America, liberalization of monetary and financial regulation, monetary policy, freedom of movement of capital, foreign exchange restrictions.

DOI: 10.31857/S0044748X0020410-0

Received 28.01.2022.

Cristina Moyano Barahona

¿Un nuevo presente?

LAS DISPUTAS INTERPRETATIVAS EN TORNO AL TIEMPO HISTÓRICO, CHILE 2019—2021

Resumen: Este artículo se centra en los debates en torno al tiempo histórico, como una forma de ingreso a la subjetividad política y la conciencia colectiva del mismo, para abordar las problemáticas del presente y futuro que se abrieron a partir del denominado “estallido” o “revuelta social” del 18 de octubre de 2019. La preocupación por la dimensión temporal es clave para comprender las percepciones del bienestar y del malestar, pero ha sido un objeto poco abordado desde la dimensión política y en la historia reciente. El desafío de este artículo es exponer los múltiples registros donde es posible encontrar las batallas cronopolíticas de nuestro tiempo.

Palabras claves: tiempo histórico, debate político, historia reciente, estallido social, campo de experiencia y horizonte de expectativa.

DOI: 10.31857/S0044748X0020411-1

Новое настоящее?

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ ДИСКУССИИ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ, ЧИЛИ 2019—2021

Данная статья посвящена дискуссиям вокруг исторического времени как пути проникновения в политическую субъективность и ее коллективное сознание для решения проблем настоящего и будущего, возникших в результате так называемого «взрыва» или «социального бунта» 18 октября 2019 г. Временное измерение является ключом к пониманию восприятия феномена социального благосостояния и его отсутствия, но в политическом ракурсе до последнего времени ему уделялось мало внимания. Задача этой статьи состоит в том, чтобы ввести в научный оборот многочисленные источники, в которых можно найти современные хронополитические дискуссии и противостояния.

Ключевые слова: историческое время, политические дебаты, недавняя история, социальный взрыв, поле опыта и горизонт ожидания.

Cristina Moyano Barahona — Doctora en Historia, Profesora Titular Departamento de Historia, Universidad de Santiago de Chile, (cristina.moyano@usach.cl, http://orcid.org/0000-0002-4517-2688).

Кристина Мойано Бараона

DOI: 10.31857/S0044748X0020411-1

Статья поступила в редакцию 15.03.2022.

INTRODUCCIÓN

El 18 de octubre del 2019 puede ser reconocido como un acontecimiento “complejo”, porque se experimentó tanto como un “cambio que sobreviene en el ordenamiento de las cosas, que modifica este orden sin por ello transformarlo, y que se produce siempre, por consiguiente, en el horizonte del mundo” [1, pp. 115-116], así como también configuró un horizonte que todavía no se encuentra cerrado y por ello resulta tan difícil decir que su tiempo ya ha acontecido, para introducirlo en una cronología histórica propiamente tal.

Con todo, tal como lo plantea Romano, “el acontecimiento altera toda cronología factual, mientras el hecho se incorpora en ella. El acontecimiento hace época, hace crisis, el hecho la sufre” [1, p. 111], y eso sin duda ocurrió ese viernes de octubre. Los horizontes de lo que allí se desató, probablemente, no estaban en los marcos imaginativos de las narrativas societales más hegemónicas, pero si en las lecturas de una experiencia generacional que daba por finalizado un modelo económico y de desarrollo social, que se consolidó durante la transición a la democracia. La metáfora temporal de “No son 30 pesos, son 30 años”, vino a darle al 18 de octubre un carácter dual: fin de un tiempo agónico e inicio de un nuevo presente.

En este artículo analizaremos las narrativas político-sociales que emergieron como “ensayos” o “escrituras urgentes”, reacciones de distintos líderes políticos, iconografía de la protesta y discursos políticos emblemáticos, que se han enarbolido desde el 18 de octubre hasta la elección de Gabriel Boric.

La elección de estos tres corpus de fuentes remite al desafío de analizar cómo se construye el tiempo social y cómo se disputa particularmente el tiempo presente, ya que su configuración no es solo simbólica, sino que también una pugna política permanente por el futuro, que hoy se pone en juego con el denominado “momento constitucional”.

Tanto el debate político intelectual, como el político partidario, nos parecen sugerentes para explorar esos marcos de sentido que se erosionaron, emergieron y transitaron en estos 3 años de “nueva experiencia societal chilena”, para comprender precisamente este momentum lleno de incertidumbres, esperanzas y desafíos.

EL TIEMPO SOCIOHISTÓRICO COMO DISPUTA POLÍTICA

El 14 de octubre del 2019, estudiantes universitarios y secundarios, se coordinaron a través de redes sociales para evadir masivamente el metro de Santiago, producto de un alza en el pasaje en 30 pesos. Las evasiones entre el 15 y el 18 de octubre fueron en aumento y abarcaron ya no solo a estudiantes, sino

Кристина Мойано Бараона — доктор (история), профессор кафедры истории Университета Сантьяго-де-Чили (cristina.moyano@usach.cl, <http://orcid.org/0000-0002-4517-2688>).

Imagenes 1, 2, 3

que a ciudadanos de todas las edades. El 18 de octubre comenzó la destrucción del metro, se dieron incendios en varias estaciones y la consecuente suspensión del servicio. La protesta se tomó las calles a través de cacerolazos en los barrios, edificación de barricadas, saqueos e incendios de edificios emblemáticos como el de la empresa de distribución de electricidad (ENEL). La protesta se extendió desde Santiago a regiones, generando una situación de alta presión política, que llevó al presidente a declarar el estado de emergencia y toque de queda.

El 20 de octubre del 2019 el presidente Piñera indicó: “Estamos en guerra contra un enemigo poderoso, implacable, que no respeta a nada ni a nadie y que está dispuesto a usar la violencia y la delincuencia sin ningún límite”. En dos días de protesta había 1500 detenidos y 5 personas perdieron la vida [2].

La criminalización de la protesta se mantuvo en la respuesta institucional. Los militares ocuparon las calles. Pero el país no lograba regresar a la normalidad que el presidente Piñera solicitaba. Las Universidades, colegios y algunas empresas se cerraron durante varios días. Aumentaban las olas de violencia y el cuestionamiento “al modelo”. El 25 de octubre se realizó la marcha más grande de la historia de Chile, con cifras que superaron un millón de personas. El 30 de octubre Piñera y su gabinete deciden suspender las reuniones del Foro de Cooperación Asia Pacífico (APEC) y la Conferencia de las Partes (COP 25), dos de los eventos más relevantes que tendría el gobierno y ejemplo de lo grave de la situación que se había creado en los días relatados. Aquella no era una simple protesta.

A menos de un mes y sin que la tormenta social disminuyera, la represión gubernamental iba en aumento y la policía era fuertemente cuestionada por su brutalidad. Muchos jóvenes perdieron la vista producto de perdigones disparados directo al rostro por parte de la policía. El caso más dramático y emblemático fue el de Gustavo Gatica*. La sensación permanente de crisis impregnaba el ambiente y aquello obligó al gobierno a buscar una salida institucional al conflicto. Ejemplos de esa subjetividad colectiva son estos fragmentos

* Estudiante universitario que recibió perdigones en sus dos ojos perdiendo completamente la visión.

Imagenes 4, 5

iconográficos que emergieron inmediatamente al tiempo de la protesta y que fueron registrados por Francisco Del Campo (historiador), en sus recorridos por los alrededores del centro neurálgico de los enfrentamientos, en lo que vino a llamarse “Plaza de la Dignidad”. Las conexiones temporales entre el tiempo de la Dictadura y la democracia actual en crisis son evidentes en las imágenes 1, 2 y 3.

Tanto las fechas, como los rostros y la evocación al plebiscito de 1988, explicitan ese relato sobre el tiempo que se plasmó en las murallas del centro de Santiago. Esos saltos en el tiempo, el uso político que se hizo del mismo, tal como se puede observar en las imágenes 4 y 5, resulta clave para analizar cómo se estructuró una relación directa entre la Constitución de 1980, la base del modelo y las numerosas críticas que cayeron directamente sobre 40 años de historia y la élite política de la transición.

Según Poduje, “los mensajes daban cuenta de la enorme diversidad de demandas que se cruzaban en el espacio público más importante de Santiago: feminismo, animalismo, anarquismo y comunismo se combinaban con llamados a cambiar la Constitución, nacionalizar el agua y tomarse el poder mediante el cambio popular. El punto culmine de este paseo era la fachada perforada del GAM que tenía un verdadero museo de murales y grafitis. Ahí estaban los trabajos que mayor calidad artística, como los esténciles del artista Claudio Caiozzi, que mezclaban con gran talento figuras históricas con celebridades y con motivos vinculados al estallido social” [3, p. 133]. Hasta hoy permanecen en la fachada de dicho edificio los rostros pintados de Gabriel Salazar (historiador, premio nacional de historia que ha sido clave en la performatividad de los conceptos de poder constituyente y sujeto popular) y de Humberto Maturana (filósofo de gran trayectoria, cuyos últimos trabajos versan sobre el sentido de lo humano [4] y emociones y lenguaje en educación y política [5]).

Las ideas de una democracia limitada y transformista [5], [6], semisoberana [7], gradualista [8] o de un neoliberalismo corregido [9], dieron forma narrativas del malestar que llevaban varios años circulando en numerosos textos de ciencias sociales, y se habían logrado instalar en el debate político, ayudando a configurar una experiencia de democracia incompleta, que estuvo en el centro del discurso de los procesos de politización de nuevas generaciones, particularmente aquella que emergió al aero de los movimientos estudiantiles del ciclo 2006—2012. Por eso, más allá de lo “espectacular” que resultó ser el “acontecimiento” del 18 de octubre, la configuración de una nueva subjetividad política, que eclosionaba en forma de revuelta, dispersa en los territorios, autoconvocada, autonomista y rebelde, dispuso de una propia cronología de la transición, época histórica con la que se hacía un ajuste de cuentas, que se alimentó de diversas fuentes, entre ellas las narrativas mencionadas previamente y que pueden visualizarse en la condensación semántica que se grafica en la imagen 6.

Los tiempos acelerados de la protesta generaron reacciones en la élite política. El 15 de noviembre se firmó el acuerdo por la “Paz Social y la Nueva Constitución”, en la que participaron presidentes o representantes de los partidos Demócrata Cristiano, Socialista, Revolución Democrática, Unión Demócrata Independiente, Partido por la Democracia, Renovación Nacional, Comunes, Liberal, Evópoli, Radical y el diputado Gabriel Boric como representante de Convergencia Social, que posteriormente le quita el apoyo por no haber consultado a las instancias partidarias, enfatizando que no se harían parte de este acuerdo. Los partidos que no participaron del acuerdo (Comunista, Federación Regionalista Verde Social, Progresista y Convergencia Social) suscribieron una declaración en la que planteaban la falta de legitimidad que tenía el Congreso para tomar estas decisiones y en sus twitter publicaron “En una #NuevaConstitución la soberanía reside en el pueblo. No seremos parte de cocinas, somos parte de dialogar para escuchar a la gente, entregarles el poder que demandan y que ellos decidan el método #Plebiscito #Asamblea Constituyente” [11].

La crítica estuvo centrada tanto en la forma en que se tomó el acuerdo, así como en la legitimidad de los actores, más no negaba la necesidad urgente de cambiar la Constitución, que desde ese momento se tornó el punto central de la agenda y del debate político. La iconografía inmediata tiene plasmada, en la secuencia presidencial, a los representantes de la élite de un largo tiempo histórico. Patricio Aylwin, Eduardo Frei, Ricardo Lagos, Michelle Bachelet y Sebastián Piñera, de 1990 a 2019, los promotores de un modelo que se cuestionaba desde sus cimientos, pese a las reformas que habían hecho a lo que se enunciaba como el origen del mal: a la Constitución de 1980, tal como puede observarse en la imagen 7.

Imagen 6

Imagen 7

materiales de vida y posiciones sociales relacionadas, siendo el futuro un espacio de incertidumbre sobre el que esperan incidir para no “intervenir” el curso del tiempo. Lo contrario ocurre en aquellos sectores donde las posiciones económicas son menos favorables, en los que se tiende a una crítica al pasado y se ponen mayores expectativas en un “cambio” de los horizontes de futuro [13].

El tiempo, comprendido así, “es uno de los objetos de las movilizaciones sociales y, a la vez, una clave analítica fructífera para comprender qué está en juego y los desafíos que se abren para el futuro” [14, p. 56]. De allí, la necesidad de nominarlo, manejarlo, disponerlo, transitarlo, definirlo. Sin embargo, como plantea Prost, “resulta extremadamente raro que los contemporáneos de una época hayan sido conscientes de la originalidad del período en que vivían hasta el punto de darle nombre en aquel mismo momento” [14, p. 137]. Sin embargo, ese 18 de octubre del 2019, la “conciencia” se expresó y se plasmó en “ensayos urgentes” y en los muros de todo Chile, a través de rayados, grafitis, circulando en fotografías y en las redes sociales (como las que hemos expuesto previamente). Parafraseando la célebre apostilla citada por Prost, respecto de la noche del 14 de julio de 1789, en la que Luis XVI se entera por el duque de La Rochefoucauld-Liancourt de la toma de la Bastilla, y pregunta si “era una revuelta”, a lo que el duque contestó: “No, Sire, es una revolución” [14, p. 135]. Ese 18 de octubre marcó algo similar: la conciencia de un gran remezón social, de que algo había cambiado desde sus cimientos, por eso la disputa por la nominación se convirtió en el principal debate político intelectual, aún cuando la movilización social seguía sus ritmos, sinuosidades y pulsaciones.

Según Antoine Faure, este “momentum”, como lo denomina, puede ser leído como parte de las batallas “cronopolíticas” de los conflictos sociales, definidas como “la relación de fuerza entre temporalidades del orden (la continuidad) y temporalidades de la transformación (los gémenes de una discontinuidad que abre otro futuro)” [12, p. 49].

La preocupación por la dimensión temporal es clave para comprender las subjetividades colectivas e individuales, particularmente para la percepción del bienestar y del malestar. Como plantea Pedro Güell, las posiciones socioeconómicas tienen relación directa con la manera en que se organiza el tiempo. Así la valorización del pasado en positivo, dice relación directa con aquellas trayectorias de vida donde el éxito y el bienestar se han expresado en mejores condiciones

LAS NARRATIVAS SOCIPOLÍTICAS QUE DISPUTARON EL TIEMPO SOCIAL

Los acontecimientos desatados con el 18 de octubre generaron una oleada de narrativas sociopolíticas, “ensayos urgentes” que circularon como libros que rápidamente llenaron las librerías y transitaron en distintos espacios sociales, comentarios de libros y columnas de opinión. Estos ensayos urgentes, novedosos por su rápida publicación, tenían conexiones con ciclos editoriales que fueron tejiendo un conjunto de narrativas del malestar que podemos datar desde inicios de los años 1990 [15]. A la postre, existió todo un conjunto de escritos, en las ciencias sociales, las humanidades y las artes, que puso al modelo neoliberal y a la democracia limitada como el centro de un malestar que impedía cortar los lazos con la sociedad creada en dictadura y que limitaba los horizontes de expectativas.

Tomamos de Claudio Ramos la concepción de dichas narrativas o relatos como «modos de conocimiento y como componentes pragmáticos de la acción», en el sentido que conjugan dimensiones semánticas y pragmáticas y permiten por una parte “darle forma significativa, forma semántica, a experiencias difusas que eventualmente aparecen como problemáticas, como fuentes de malestar o inquietud”, y que pueden convertirse en problemas públicos efectivos. A decir del mismo autor, “estas narrativas, que toman forma en prácticas situadas en el entramado sociocultural, pueden convertirse, de tal modo, en configuradoras y transportadoras de esas experiencias” para lo que requieren una reconfiguración de su contenido en el proceso de iteración y circulación de las mismas. De este modo “la construcción narrativa societal incluye la especificación de realidades y hace formulaciones fácticas. (Y) si bien en la manera en que la ciencia social hace sus planteamientos estos asumen un carácter hipotético, necesitado de continua contrastación empírica, en su circulación pública estas narrativas se desprenden de tal carácter meramente conjetal y adquieren el de afirmaciones fácticas»[16].

Danilo Martucelli destaca en su artículo “¿Qué sucedió en el octubre chileno? Acerca de ocho libros del estallido social” [17, pp. 102-111], que lo que se desató ese 18 de octubre dio lugar a un conjunto específico de narrativas que en un lapso muy corto de tiempo se convirtieron en “verdaderas áreas de pugna interpretativa [17, pp. 104]”. Si bien esto no es particularmente novedoso, su relevancia radica precisamente en recuperar los sentidos por la disputa interpretativa de la realidad social como parte de un debate político.

Martucelli distingue 4 familias interpretativas. La primera de ellas proviene de un debate de finales de los 1990 y tiene que ver con las contradicciones del proceso de modernización en Chile y las frustraciones relativas. Se inscribe aquí el texto de Carlos Peña y con matices el de Eugenio Tironi. Para ambos autores, el problema no es el modelo neoliberal, sino un malestar que proviene de las consecuencias “ineluctables de una sociedad en transición” [17, p. 105], razón por la que las respuestas que puedan afectar la estructura socioeconómica y las dinámicas de gobernabilidad, solo generarían mayor caos con el siempre presente “demonio del populismo” como consecuencia. Tironi introduce además la dimensión generacional. En su opinión, los jóvenes nacidos en la época de transición vivieron en medio de un capitalismo que alimentó una serie de expectativas. El hecho de que dichas expectativas no pudieron ser cumplidas explica la crisis de “legitimidad del mercado y de la competencia

(en su capacidad de justificar las desigualdades)” [17, p. 105]. A esto lo denominó el “desborde”.

Un segundo conjunto de narrativas fueron aquellas que resaltaron una perspectiva histórica, al indicar que el “estallido fue la manifestación pública de un conjunto de contradicciones, engaños, desigualdades que su implementación suscitó en Chile [17, p. 106]”. Se inscriben aquí los textos de Alberto Mayol [18], Gloria de la Fuente y Danae Mlynarz [19]. A su modo de ver, “el modelo” neoliberal, instalado por la Dictadura y administrado tecnocráticamente por la Concertación, no logró ni cumplir la expectativa del emprendedor y el éxito individual, ni superar las dinámicas de exclusión, brechas de género, segregación y divorcio entre economía, sociedad y cultura. En ambos grupos de narrativas se esforzó por explicar las causas de este “momentum” del 18 de octubre. Las razones estructurales y subjetivas se combinan para dar cuenta de las contradicciones de un modelo que a la postre debe ser reformado para evitar el eterno temor de la anomía social.

Un tercer grupo de relatos societales hizo énfasis tanto en las distancias entre las experiencias populares y las de las élites, como los desacoplos temporales de generaciones en pugna. Así, tanto el texto de Hugo Herrera [20] como el de Carlos Ruiz [21], , se aperturan a reconocer la aparición de nuevas experiencias societales, la emergencia de una nueva subjetividad, que implicaron formas distintas de evaluar la transición.

Por último, se encuentra un cuarto tipo de narrativas que “puso el acento en la articulación entre las estructuras sociales y las experiencias individuales, pero para dar cuenta de ella, las interpretaciones no se centraron en las causas, la predicción o los sujetos colectivos sino en el carácter problemático de esta relación [17, p. 110]”. En otras palabras, la tensión entre agencia y estructura, entre proceso de subjetivación y de cambio/continuidad de lo estructural. Se sitúan ahí los textos compilados por Araujo y Martuccelli en 2019 [22].

Es importante relevar que aquí solo se da cuenta de una pequeña cantidad de los textos que circularon entre fines del 2019 y la actualidad, pero la clasificación de Martuccelli nos parece útil por la taxonomía que propone. Estas narrativas han continuado circulando en distintos espacios y medios, multiplicando las discusiones por lo ocurrido y por lo que vendrá.

En esa línea escribía Gonzalo Martner una dura crítica a la columna de Carlos Peña publicada en el Mercurio el 10 de noviembre del 2019. Afirmaba el profesor de economía de la Universidad de Santiago, ex militante socialista y ex subsecretario de gobiernos de la Concertación que «en estos días, cada uno ha tenido la ocasión de demostrar dónde se sitúa. Algunos, en la defensa — incluyendo la violación descarnada de los Derechos Humanos — del orden que nos rige. Otros, en su impugnación y la defensa de la necesidad urgente de iniciar un proceso constituyente, junto a amplias medidas sociales antineoliberales, para salir de la crisis provocada por el Gobierno de Sebastián Piñera y las consecuencias de larga data de un modelo económico excluyente y desigual. La tragedia de Chile ha sido que este modelo se ha logrado perpetuar gracias a un sistema político que no refleja la voluntad popular, a pesar de los esfuerzos de muchos desde 1990. Voluntad popular que hoy se encuentra en la calle, dado que las instituciones le negaron el derecho a prevalecer sobre el voto de una minoría que concentra y abusa, pese a quien le pese» [23].

EL REGISTRO NARRATIVO DE LOS NUEVOS LÍDERES Y LA DISPUTA GENERACIONAL DEL PRESENTE-FUTURO

En un registro narrativo distinto expresaron sus visiones los jóvenes diputados del Frente Amplio y del Partido Comunista que lideraron el ciclo de protestas estudiantiles de 2011—2012 y quienes habían dado por cerrada la transición. Su subjetividad circuló en numerosos tweets que son huella tangible de cómo disputaron entre el estallido social y el momento en que se firma el acuerdo por la Paz y Nueva Constitución. El 19 de octubre Camila Vallejos usó el hashtag “Chile Despierta” para indicar que “El Gobierno de @sebastianpinera declara #Estadodemergencia demostrando q no saben responder ante demandas ciudadanas legítimas si no es con represión y restricción de derechos. Se necesita diálogo!, respeten la dignidad del pueblo de Chile: No más terrorismo de Eº #ChileDespierta [24]”.

Ese mismo día, la diputada comunista consignaba que “@sebastianpinera pasará a la historia como el primer mandatario en democracia q impone toque de queda por manifestación social. Se escribirá en libros de historia que mientras el pueblo se alzaba exigiendo dignidad él decretaba cobarde represión en un restaurante del barrio alto” [25], usando la metáfora de “pasar a la historia” como registro endeleble de una acción que se inscribe en un registro temporal, de un momentum en pleno desarrollo.

El 19 de octubre, el diputado y líder de “Revolución Democrática” declaraba en un tweet: “Gobierno no asume ninguna responsabilidad y tiene el descaro d culpar a la ciudadanía del caos en Stgo. Esto nos exige tomar postura. Nosotros estaremos del lado d la gente cansada con abusos. Mientras no se revierta el Estado d Emergencia, no hay diálogo posible con el Gobierno [26]”. Frente a las declaraciones de estar en guerra que planteó el Presidente Piñera, el diputado respondía “#NoEstamosEnGuerra, estamos buscando q la paz se restablezca con soluciones claras e inmediatas a problemas + urgentes q aquejan a la población, q resguarde DDHH de población comenzando la desmilitarización y con voluntad real para nuevo pacto social! [27]”. Urgencia e inmediatéz era precisamente lo que primaba en esos días de alta incertidumbre, que fueron disminuyendo la intensidad de lo urgente a lo emergente, frente a la posibilidad de una salida para una nueva Constitución.

El 7 de noviembre, Jackson emplazaba por este mismo medio al Presidente: “En medio de conflicto d estas características, en el q la polarización aumenta minuto a minuto, nadie puede pretender tener la razón absoluta. ¿Por qué no se abandona la soberbia, plebiscitamos si la crisis requiere nueva Constitución o no, y dejamos de reprimir a conciudadan@s? [28]”.

El 15 de noviembre y pese a las críticas de su propio partido, Gabriel Boric expresaba por redes sociales que “[...] hemos logrado un buen acuerdo q era inimaginable (sic) hace un par de semanas, incluso días. Y ha sido gracias a la movilización social. Con esto, es el pueblo y no los políticos solos, quien decidirá cómo terminar en la Constitución de Pinochet y escribir una real% (sic) democrática [29]”. Posterior a ello, Boric ocupó la argumentación entregada por los abogados constitucionalistas Jaime Bassa y Fernando Atria, para validar el acuerdo que era cuestionado por su partido y por los otros sectores mencionados. Sin embargo, pasados unos días y constituida la comisión técnica que terminó sancionando los acuerdos en base a 2/3, paridad y escaños reservados, el tiempo que se disputó fue el eleccionario.

El 25 de octubre de 2020 se realizó el plebiscito, marcado por una alta concurrencia (el 50,9 % de participación), pese al estado de emergencia producto de la pandemia. El Apruebo por el cambio de la Constitución obtuvo el 78,27% de las preferencias y la opción de que el órgano encargado de su redacción fuera una Convención Constitucional obtuvo el 78,99% de los sufragios.

La composición de la Convención le dio una clara preferencia a las fuerzas de centro izquierda, un alto poder a grupos independientes que representaban a organizaciones territoriales y locales, dejando con escasa representación a los partidos de la derecha que desde ese momento comenzaron una intensa campaña por el “rechazo” en el plebiscito de salida programado para el año 2022 [30].

El día 4 de julio del 2021 se pone en funcionamiento la Convención Constitucional. En el discurso de Elisa Loncón, quien resultó electa para dirigir la mesa de dicho organismo, el tiempo político y social también tuvo un lugar central. Se refirió al largo período de opresión que han experimentado en la historia de Chile los pueblos originarios, de los que ella era directa representante. Enfatizó: «Es posible hermanas y hermanos, compañeras y compañeros **refundar*** este Chile, establecer una nueva relación entre el pueblo Mapuche y todas las naciones que conforman este país. [...] Tenemos que ampliar la democracia, tenemos que ampliar la participación, tenemos que convocar hasta el último rincón de Chile a ser parte de este proceso. La Convención debe ser un proceso participativo y transparente, que puedan vernos desde el último rincón de nuestro territorio y oírnos en nuestras lenguas originarias que han estado **postergadas durante todo lo que ha sido el Estado-Nación chileno**. Por los derechos de nuestras naciones originarias, por los derechos de las regiones, por los derechos de la Madre Tierra, por el derecho al agua, por los derechos de las mujeres y por los derechos de nuestros niños y niñas. [...] **Hoy se funda un nuevo Chile** plural, plurilingüe, con todas las culturas, con todos los pueblos, con las mujeres y con los territorios, ese es **nuestro sueño para escribir** una Nueva Constitución» [31].

Desde esa fecha y hasta la actualidad ha primado ese tiempo de futuro que se tensiona entre la refundación y la conservación y que tiene marcado tinte generacional. Estuvo presente en la campaña presidencial en la que resultó ganador el joven “díscolo” de Convergencia Social, Gabriel Boric, después de triunfar en una primaria contra el candidato del Partido Comunista. Para Boric y su generación, el tiempo de su politización subjetiva marca los derroteros del nuevo presente que deja atrás las referencias a la intermitente transición a la democracia. En su primer discurso como presidente indicó:

«Este Palacio, esta Plaza, esta ciudad, **este país tienen historia y a esa historia también nos debemos****. Hoy, en esta jornada tan importante en el difícil, difícil camino de los cambios que la ciudadanía decidió echar a andar en unidad, repito, importante, en unidad, vienen a mi mente y a mi corazón los días en que, junto a muchos de los aquí presentes, y seguramente quienes nos están viendo en sus casas también, marchábamos juntos por un futuro digno. ¿Hacia dónde marchábamos, compatriotas? ¿hacia dónde marchábamos? . No va a ser este Gobierno el fin de esa marcha, vamos a seguir andando y el camino, sin

* Negritas representan énfasis para el análisis del discurso, no estando en el texto original.

** Negritas representan énfasis del análisis del discurso, no estando en el texto original.

duda, va a ser largo y difícil, pero **hoy los sueños de millones de personas están acá empujándonos, dándonos sentido para llevar a buen puerto los cambios que la sociedad demanda»** [32].

Para el Presidente: “Es este Chile que **solo en un puñado de años**, y ustedes lo han vivido, ha debido atravesar terremotos, catástrofes, crisis, convulsiones y una pandemia mundial y violaciones a los derechos humanos que **nunca más se repetirán** en nuestro país. Pero en el que **siempre, siempre** nos sacudimos el polvo, nos secamos las lágrimas, ensayamos juntos una sonrisa, nos arremangamos y seguimos, chilenas y chilenos, **siempre seguimos**.

Y articula ese tiempo de la experiencia vital de una generación que asume el poder, con unos guiños hacia una secuencia histórica particular, indicando que:

Hoy iniciamos un período de grandes desafíos, de inmensa responsabilidad, pero **no partimos de cero**, no partimos de cero. **Chile tiene una larga historia y hoy día este día nos inserta en esa historia larga de nuestra República.**

Iniciar mi mandato como Presidente Constitucional de la República de Chile es hacerme parte, **hacernos parte de una historia que nos excede a todos, pero que al mismo tiempo le da forma, le da sentido y dirección a nuestra mirada.**

Por aquí pasaron antes que nosotros miles de personas que hicieron posible la expansión de la educación pública, el reconocimiento progresivo de los derechos de las mujeres y las disidencias en el país y en la casa, la democratización del país, el reconocimiento de los derechos sociales. Por aquí, en este lugar desde donde hoy les hablo, pasó Balmaceda y su dignidad chilena, Pedro Aguirre Cerda y su “gobernar es educar” citando a Valentín Letelier.

Por acá pasó también Eduardo Frei Montalva y la promoción popular, el compañero Salvador Allende y la nacionalización del Cobre, Patricio Aylwin y la recuperación de la democracia, Michelle Bachelet abriendo caminos inexplorados con la protección social. Aquí se escuchan también los ecos de quienes anónimamente se han levantado contra la opresión, defendiendo los derechos humanos, exigiendo verdad, justicia, reparación y garantías de no repetición» [32].

El discurso de Boric contempla el tiempo para situarse en un lugar clave de la historia de Chile, un tiempo bisagra entre el cambio hacia el futuro y el cambio que movilizaron otros actores en el pasado. Boric juega con los futuros pasados y el futuro presente en su lenguaje, generando con ello una particular forma de estar en el hoy. Con todo, pese a su triunfo, ese debate sigue abierto de manera permanente en el Chile contemporáneo, expresando la conciencia colectiva de la transformación como horizonte de expectativa.

A MODO DE COROLARIO

Esta polémica por el tiempo sigue presente en el ambiente político. La evidencia de ello es el documento que circuló en febrero de 2022, conocido como “Amarillos por Chile”, firmado por un grupo de sujetos que pertenecían a la vieja élite concertacionista o que habían experimentado durante los años de la transición su emergencia como intelectuales, artistas o científicas sociales. Ellos se dieron a la labor encaminada a “frenar” el tiempo y el actuar de la Convención Constitucional y, de pasada, la labor del actual gobierno.

Brunner, Foxley, Velasco, Krauss, De Gregorio, Arellano, Aylwin, Burgos, Cortázar, Alvear son nombres de ex ministros y ministras de la Concertación,

vinculados a lo que se ha conocido “metafóricamente” como el partido del orden. Otros, en cambio, habían sido senadores, diputados, dirigentes políticos relevantes durante todos los años de 1990, como Gutemberg Martínez, Oscar Guillermo Garretón, Fulvio Rossi, Eugenio Tuma, Carolina Goic, Patricio Walker, para mencionar a los mas reconocidos y que en el documento mencionado comparten espacio con intelectuales como Warken, Franz, Jacksic, Marfán, Matta, Waissbluth, Riveros.

En el Manifiesto las referencias al tiempo social son claras. No a la refundación, porque “la historia — sobre todo en Latinoamérica — ha demostrado que ir detrás de lo imposible y refundarlo, en vez de solucionar las desigualdades y los abusos, solo ha traído más sufrimiento y más pobreza para las grandes mayorías [33 p. 1]” y, por ende, apelan a la necesidad de la “prudencia” y el “realismo” que apueste a “un futuro mejor sin pensar que se parte de cero” [33, p. 1]. Un tiempo donde prime “la reforma y no la revolución”, reforma que estaría “enraizada en nuestra propia historia” [33, p. 2].

Refundación, reforma, transformación, historia son todos términos que se han repolitizado pos estallido-revuelta social y han reconfigurado los marcos de nuestro presente y los sentidos de futuros que se abren a partir de las experiencias reflexivas. Más allá de cómo ingrese este debate en la historiografía, es importante poner especial atención a las disputas por el tiempo, como parte de una de las formas de ingresar a las dimensiones subjetivas de la política y a la conciencia histórica que configuran las distintas generaciones.

BIBLIOGRAFIA / REFERENCES

1. Romano C. Acontecimiento y Mundo. *Revista Persona y Sociedad*, 2007, N°21 (1), pp. 111-137.
2. Piñera: “Estamos en guerra contra un enemigo poderoso”. *Deutsche Welle*, 21.10.2019, Available at: <https://www.dw.com/es/pi%C3%81era-estamos-en-guerra-contra-un-enemigo-poderoso/a-50910426>, revisado en 10 de enero del 2022.
3. Poduje I. Siete Kabezas. Crónica urbana del estallido social. Santiago: Uqbar editores, 2020.
4. Maturana H. El sentido de lo humano. Santiago: Paidos, 2020.
5. Maturana H. Emociones y Lenguaje en Educación y Política. Santiago: Paidos, 2020.
6. Moulian Y. Chile Actual. Anatomía de un mito. Santiago, Lom Ediciones, 1998.
7. Jocelyn Holt A. El Chile perplejo. Del avanzar sin transar al transar sin parar. Santiago: Planeta, 1998.
8. Huneeus C. La Democracia Semisoberana: El Chile después de Pinochet. Santiago: Penguin Random House Mondadori Chile, 2014.
9. Fuentes C. El Pacto. Santiago: Ediciones UDP, 2013.
10. Garretón M. Neoliberalismo corregido y progresismo limitado: los gobiernos de la Concertación en Chile, 1990-2010. Santiago: Ed. Arcis, 2013.
11. Camila Vallejo, Twitter. Available at: https://twitter.com/camila_vallejo/ De críticos a defensores: Las y los políticos de oposición que rechazaron el “Acuerdo por la paz y una nueva Constitución” y ahora abogan por el Apruebo. Available at: https://plataformacontexto.cl/contexto_factual/de-criticos-a-defensores-las-y-los-politicos-de-oposicion-que-rechazaron-el-acuerdo-por-la-paz-y-una-nueva-constitucion-y-ahora-abogan-por-el-apruebo/
12. Faure A. ¿Se politizó el tiempo? Ensayo sobre las batallas cronopolíticas del Octubre chileno. *Universum*. Talca, 2020, Vol.35, N°1, pp. 46-73.
13. Guell P. et al. Time Perspectiva and Well Being in Chile. *Soc Indic Res*, 123, pp. 127-145.
14. Prost A. Doce lecciones sobre la historia, Madrid, Frónesis, 2001.
15. Moyano C. Cartografía genealógica de las ‘narrativas del malestar’. El Chile de la transición entre 1990-1998. *Revista de Historia*. Cvoncepción, 2021, N 1(28), pp. 482-513.
16. Ramos C., Relatos sociológicos y sociedad. Tomás Moulian, José Joaquín Brunner y Pedro Morandé: Obra, redes de producción y efectos (1965-2018). Available at:

- <https://www.librospatagonia.com/reader/relatos-sociologicos-y-sociedad-la-obra-de-tomas-moulian-jose-joaquin-brunner-y-pedro-morande-sus-redes-de-produccion-y-sus-efectos-1965>
17. Martuccelli D. ¿Qué sucedió en el octubre chileno? Acerca de ocho libros del estallido social". *Indiscipline rivista di scienze social*. Perugia, 2021, Vol 1, pp.102-111.
 18. Mayol A. Big Bang. Estallido Social 2019. Santiago: Catalonia, 2019.
 19. De La Fuente G y Mlynarz D. El pueblo en movimiento. Santiago: Catalonia, 2019
 20. Herrera H. Octubre en Chile: Acontecimiento y comprensión política. Santiago: Katankura, 2019.
 21. Ruiz C. Octubre chileno. La irrupción de un nuevo pueblo. Santiago: Taurus, 2019.
 22. Araujo K., Martuccelli D. Desafíos comunes: Retrato de la sociedad chilena y sus individuos. Tomo II. Santiago, Lom ediciones, 2019
 23. El partido del orden tergiversa la historia. *El Mostrador*, 12.11.2019. Available at: <https://www.elmostrador.cl/destacado/2019/11/12/el-partido-del-orden-tergiversa-la-historia/>
 24. Camila Vallejo, Twitter. Available at: https://twitter.com/camila_vallejo/status/1185404159039852545?s=20&t=qqmvlJ_a7UvWwnw62jLOMw
 25. Camila Vallejo, Twitter. Available at: https://twitter.com/camila_vallejo/status/1185695873575063552?s=20&t=0AztUt6OTioTyS3fsm5y9w
 26. Giorgio Jackson, Twitter. Available at: https://twitter.com/GiorgioJackson/status/1185599489614192640?s=20&t=qqmvlJ_a7UvWwnw62jLOMw
 27. Giorgio Jackson, Twitter. Available at: <https://twitter.com/GiorgioJackson/status/1186337253200666624?s=20&t=RFdb0kNmJthZaW1oJ6XbLA>
 28. Giorgio Jackson, Twitter. Available at: https://twitter.com/GiorgioJackson/status/1192539474758008832?s=20&t=qqmvlJ_a7UvWwnw62jLOMw
 29. Gabriel Boric, Twitter. Available at: https://twitter.com/gabrielboric/status/1195320011671384065?s=20&t=YmyrcHiZ9PgB9YJ_8QjjGg
 30. Así quedó conformada la Convención Constituyente. 19.05.2021. Available at: <https://www.pauta.cl/politica/convencion-constituyente-155-escanos resultados>
 31. Discurso de Elisa Loncón al asumir la presidencia de la Convención Constitucional. Available at: <https://www.colegiodeprofesores.cl/2021/07/05/discurso-de-elisa-loncon-al-asumir-la-presidencia-de-la-convencion-constitucional/>
 32. Primer discurso en el Palacio de La Moneda del Presidente Gabriel Boric Font. Available at: <https://prensa.presidencia.cl/discurso.aspx?id=188237>
 33. Amarillos por Chile. Santiago, 2022. Available at: <https://drive.google.com/file/d/1YX8S6TkXOk2rUyriDA2Igg42BRxzAB0X/view>

Cristina Moyano Barahona (cristina.moyano@usach.cl)
PhD in History, Professor, University of Santiago de Chile

**A new present? The interpretive dispute about historical time,
Chile 2019—2021**

Abstract: This article deals with the discussions about historical time as a way of getting into political subjectivity and its collective consciousness, in order to address the problems of the present and future that arose from the so-called “outbreak” or “social outburst” of October 18th, 2019. The time dimension is the key to understand the perception of the social welfare and its absence. In spite of it, very little attention has been paid to the subject from political perspective in recent history. The article aims at putting into scientific circulation a great bunch of sources in which modern chrono political discussions and confrontations can be found.

Key words: historical time, political debate, recent history, social outburst, field of experience and horizon of expectation.

DOI: 10.31857/S0044748X0020411-1

Received 15.03.2022.

ВСТРЕЧИ, ИНТЕРВЬЮ

“No está dicho que los acontecimientos en curso desembocarán en la superación efectiva del orden actual”

Resumen: Los acontecimientos chilenos de los últimos tres años han despertado un gran interés. En este período no sólo se produjo una revuelta social que puso en jaque el orden neoliberal imperante sino que hubo un reordenamiento y ampliación de las fuerzas políticas populares con la incorporación de nuevos actores sociales y el triunfo electoral de una coalición de izquierda encabezada por Gabriel Boric. Para comprender mejor estos hechos, sus causas y proyecciones, hemos entrevistado a **Sergio Grez Toso**, un destacado historiador chileno, quien nos habla de la situación política que atraviesa Chile en estos momentos.

Palabras clave: estallido social, nueva constitución, nuevo gobierno, correlación de fuerzas políticas, Chile.

DOI: 10.31857/S0044748X0020412-2

«Не очевидно, что нынешние события приведут к эффективному преодолению устоявшегося порядка»

Чилийские события последних трех лет вызвали большой интерес. В этот период не только случился социальный бунт, поставивший под контроль господствовавший неолиберальный порядок, но и произошли реорганизация и расширение народных политических сил с включением новых социальных акторов, победа на выборах левой коалиции во главе с Габриэлем Боричем. Чтобы лучше понять эти события, их причины и прогнозы, мы взяли интервью у **Серхио Грес Тосо**, известного чилийского историка, который поделился с нами своим видением нынешней политической ситуации, сложившейся в Чили.

Ключевые слова: социальный взрыв; новая конституция; новое правительство; соотношение политических сил, Чили.

DOI: 10.31857/S0044748X0020412-2

Интервью поступило в редакцию 20.03.2022

Entrevistó **Manuel Loyola, académico de la Escuela de historia de la Universidad Finis Terrae, Santiago** (manuel.loyola@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2580-8271>).

Интервью записал **Мануэль Лойола, сотрудник Исторического факультета университета Finis Terrae, Сантьяго-де-Чили** (manuel.loyola@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2580-8271>).

«Не очевидно, что нынешние события приведут к преодолению устоявшегося порядка»

Sergio Grez Toso (Santiago, 1953) es un historiador chileno. Su obra historiográfica está centrada en el movimiento popular y la cuestión social en Chile. En 1976 partió al exilio. Radicado en Francia, obtuvo la Licenciatura en Historia (1980) y el grado de Magíster en Historia (1982) por la Université de Paris VIII, Francia. Luego hizo el doctorado en Historia en la École des Hautes Études en Sciences Sociales de París, Francia (1990). Desde 1992 se ha desempeñado como profesor en distintas universidades e instituciones académicas chilenas. Entre 1994 y 1997, fue investigador del Centro de Investigaciones Diego Barros Arana de la Biblioteca Nacional de Santiago de Chile. Entre noviembre de 1997 y febrero de 2010, ejerció el cargo de director del Museo Nacional Benjamín Vicuña Mackenna. En 2005—2009, fue director del Magíster en Historia y Ciencias Sociales de la Universidad ARCIS. Desde marzo de 2010, funge como profesor de jornada completa del Departamento de Ciencias Históricas de la Universidad de Chile. En 2011—2013, fue Coordinador Académico del Doctorado en Historia de la Universidad de Chile. Actualmente se desempeña como académico en el Departamento de Ciencias Históricas de la misma universidad. Desde agosto de 2019 es el director de la revista “Cuadernos de Historia” editada por dicha unidad académica.

Las preguntas que a continuación se formulan disponen de un contexto que ayuda a comprender mejor las causas y orígenes de las movilizaciones sociales y políticas que, arrancando en 2011 o antes, tuvieron un momento culminante en el llamado “estallido social” de 2019. Después de aquella convulsión política, sobrevinieron años de ajustes y de búsqueda de un nuevo orden institucional del país. Este proceso histórico ha tenido dos aspectos de consideración: la constitución de la Convención Constitucional con la misión de modificar sustancialmente la organización política nacional, y la llegada al poder de una fuerza de centro izquierda encabezada por el exlíder estudiantil Gabriel Boric. A Boric le corresponde impulsar un gobierno que se haga cargo de la crisis político-institucional y sea capaz de atender a un conjunto de demandas populares que plantean un cambio radical del actual sistema de justicia social.

— Dados estos antecedentes y apertura de expectativas, ¿Le parece a Ud. que el país experimenta una nueva fase de reordenamiento social, económico e institucional, como lo fue, por ejemplo, la década de los años 20 del siglo pasado? ¿Qué diferenciaría la coyuntura actual de lo sucedido en ocasiones anteriores?

— Si bien es evidente que Chile se encuentra, desde finales de 2019, en una fase de reordenamiento institucional como resultado de la acción contradictoria (dialéctica) de la rebelión popular y del “Acuerdo por la Paz y la nueva Constitución” contraído el 15 de noviembre de ese año por la mayoría de las fuerzas representadas en el Parlamento, a fin de contener, desviar y apagar el “estallido social” que amenazaba el sistema, no está igualmente clara la dirección que tomará este reordenamiento. Aunque el levantamiento popular de fines de 2019 y comienzos de 2020 se produjo contra los efectos más nocivos

del neoliberalismo y contra el sistema político de democracia protegida y tutelada, no está dicho que los acontecimientos en curso desembocarán en la superación efectiva del orden actual. El análisis de los principales hechos políticos de los últimos meses -llegada de Gabriel Boric a la Presidencia de la República y avance de los trabajos de la Convención Constitucional- indica más bien que los cambios serán esencialmente formales y discursivos, sin alterar profundamente las estructuras de dominación. Los grandes intereses económicos de la oligarquía financiera chilena y de las empresas transnacionales no están amenazados por las reformas anunciadas por el nuevo gobierno ni por las disposiciones de la nueva Constitución que han sido aprobadas hasta ahora por la Convención Constitucional. Más aún, los derechos sociales que al parecer quedarían inscritos en la nueva Constitución (si es que la opción Apruebo gana en el plebiscito de salida programado para el 4 de septiembre de este año), pueden ser letra muerta si en la misma Constitución no se establecen normas y mecanismos que permitan la nacionalización de recursos estratégicos como el cobre y el litio (entre otros), la formación expedita de empresas estatales, la restricción del derecho de propiedad privada según dicten las consideraciones de bien público, sociales y medioambientales, además de la posibilidad de que la ciudadanía haga exigibles los derechos proclamados. Porque es de Perogrullo que sin financiamiento proveniente de sectores nacionalizados (a menos de que se obtenga con el riesgoso expediente de imprimir billetes sin respaldo efectivo o contraer deuda internacional), no habrá derechos sociales garantizados. Ni el proceder del gobierno de Boric, ni las normas aprobadas hasta este momento en la Convención Constitucional van en el sentido indicado, lo que permite prever un escenario de reformas superficiales, concebidas más bien como mecanismos de contención social que aseguren unos cuantos años más de estabilidad sistémica, pero que no implicarán un cambio del modelo económico.

La comparación con lo ocurrido a mediados de la década de los 1920 es provechosa. Tanto el proyecto reformista de Arturo Alessandri Palma, plasmado en la frondosa legislación social de 1924 y en la Constitución de 1925, como la acción de los oficiales jóvenes del Ejército a partir de la misma época, planteaban una “reforma por arriba” para impedir una revolución social de “los de abajo”. En un contexto mundial y nacional profundamente conmovido por la oleada revolucionaria europea que se extendió desde el epicentro ruso durante un quinquenio desde fines de la Primera Guerra Mundial, el sector más lúcido de la clase dominante chilena, especialmente su representación política de signo reformista, trató de implementar una estrategia de concesiones, diálogo, seducción y envolvimiento en dirección de la clase obrera y de los sectores populares, que se tradujo en numerosas leyes sociales y en la creación de mecanismos de conciliación y de arbitraje entre empresarios y trabajadores. Era una estrategia de conservación social que consistía, según las palabras del propio Alessandri en su Mensaje al Congreso Nacional en junio de 1921, en “propiciar las reformas necesarias, con espíritu elevado y sereno, para garantizar ante todo y sobre todo el orden público, la paz y la tranquilidad social”. A través del

«Не очевидно, что нынешние события приведут к преодолению устоявшегося порядка»

Código del Trabajo — concretado pocos años después durante la dictadura reformista de Carlos Ibáñez del Campo — se buscaría la “solución definitiva del problema relativo a la armonía entre el capital y el trabajo”. El resultado de esta política, prolongada y reformulada durante décadas, fue el Estado Asistencial y “de compromiso”, que fue acompañado desde fines de la década de 1930 de una estrategia de industrialización por sustitución de importaciones (ISI). El nuevo modelo, si bien posibilitó algunos logros importantes para las clases medias y populares junto a un desarrollo económico capitalista más diversificado, no acabó con la dependencia del capital y de la tecnología de las grandes potencias capitalistas. Terminó colapsando a comienzos de la década de los 1970, arrastrando al país a uno de sus peores dramas de la era republicana.

La principal similitud de la situación actual con aquella que se dio durante la década de 1920 radica en el esfuerzo de las élites políticas reformistas por salvar el sistema de dominación en crisis mediante reformas. Reformas, que si bien provocan cierta irritación en algunos “espíritus obcecados” — como los denominaba Alessandri Palma — representan un proyecto de conservación social en la medida en que no cuestionan las bases esenciales del sistema capitalista dependiente. De manera parecida que hace un siglo, se trata de otorgar algunas concesiones a los sectores subordinados a cambio de que estos acepten el orden sociopolítico existente (con reformas) y expresen sus demandas exclusivamente en sus canales regulados de participación. Un “nuevo pacto social” debía y debería, según los estrategas de estas políticas gatopardistas, asegurar la gobernabilidad sistemática durante un período relativamente largo. Pues bien, la principal diferencia política entre ambos momentos reside en la situación del movimiento popular. Hacia 1920 el movimiento obrero y popular se encontraba en una fase prolongada de acumulación de fuerzas y de radicalización política. Las corrientes anarquista y socialista/proto comunista venían ganando creciente influencia en su seno, lo que se reflejaba en la radicalización de numerosas organizaciones sociales y de poderosas centrales sindicales como la rama chilena de la anarcosindicalista International Workers of the World (IWW), la Federación Obrera de Chile (FOCH) y la Federación Obrera de Magallanes (FOM), fenómeno acompañado por grandes movimientos reivindicativos como los “mitines del hambre” de la Asamblea Obrera de Alimentación Nacional (AOAN) en 1918 y 1919, y la “huelga larga” del carbón de 1920, por citar solo los más masivos y trascendentales. Las sucesivas crisis salitreras de la post Primera Guerra Mundial con su cortejo de miseria, despidos masivos, desocupación, fuerte caída de los salarios reales, carestía de la vida y hambre estimulaban el descontento social, aunque, simultáneamente, se alzaban como grandes obstáculos para mantener en pie las organizaciones sindicales. No obstante, las organizaciones clasistas resistieron y mantuvieron su actividad en este adverso contexto. El desafío que representaba este movimiento, y los poderosos influjos de la Revolución bolchevique de 1917 que también se hacían sentir en Chile, fueron respondidos con la política de reformas y el discurso populista del caudillo liberal Arturo Alessandri Palma, quien asumió la Presidencia de la República a fines de 1920.

Серхио Грес Токо

Un siglo más tarde, el desafío para la clase dominante chilena y sus representaciones políticas no provino del debilitado movimiento obrero sino desde una heterogénea, dispersa y heteróclita masa de personas, organizaciones y movimientos de variada índole (juveniles, sindicales, medioambientalistas, estudiantiles, feministas, regionalistas, indigenistas, culturales, de Derechos Humanos, etc.) que se pronunciaron masivamente en todo el país (“estallido social”) contra las consecuencias del modelo neoliberal más extremista del mundo. Como esta verdadera rebelión popular era precariamente contenida con la feroz represión desatada por el gobierno de Sebastián Piñera, fue necesaria una respuesta política consensuada por la casta política parlamentaria, plasmada en el “Acuerdo por la Paz Social y la nueva Constitución” del 15 de noviembre de 2019. Este pacto, que abarcó desde la extrema derecha hasta sectores de “nueva izquierda” representados por el Frente Amplio (FA), evitó el colapso del gobierno de Piñera y abrió un proceso constituyente controlado por los poderes constituidos y regulado por el Parlamento, impidiendo el advenimiento de una Asamblea Constituyente libre y soberana, capaz de definir y fijar sus normas de funcionamiento y de aprobación de las mociones constitucionales. En ambos casos — primera mitad de la década de 1920 y comienzos de la década de 2020 — la fuerte represión estatal contra los sectores populares, insuficiente para aplastar el descontento y movilización social, fue complementada con astucia política orientada a disminuir la explosividad social y ganar un tiempo indefinido de gobernabilidad sistemática. Sabemos cuál fue el resultado de lo ocurrido hace un siglo, pero el proceso que se abrió hacia fines de 2019 es aún una historia en curso.

— **¿Estima Ud. factible que el orden institucional guzmaniano que ha regido en Chile en las últimas cuatro décadas podrá ser cambiado de verdad? ¿Existen condiciones sociales y políticas que auguren expectativas reales de cambios de fondo?**

— El resultado del plebiscito de salida del actual proceso constituyente es incierto. De ganar la opción Rechazo, propiciada por la derecha y, posiblemente, por algunos sectores del centro político, el “orden guzmaniano” se prolongará algún tiempo, pero seriamente averiado, probablemente herido de muerte, entre otras razones, porque su función — consolidar el orden neoliberal — ya se ha agotado y precisa de una “reparación”. Para perpetuarse, el sistema necesita renovarse, cambiar de normas y de personal político (caras nuevas, más jóvenes y atractivas), enarbolar nuevos principios capaces de generar adhesión ciudadana. Por ello, más temprano que tarde, el actual orden institucional deberá ceder el paso a nuevas reglas. La fórmula más audaz puede ser la nueva Constitución. Pero ella conlleva el riesgo para los sectores dominantes y dirigentes de la sociedad chilena de que los derechos proclamados (si el Apruebo triunfa), sean exigidos por la población mediante un nuevo ciclo de movilizaciones sociales. Declarar a Chile, como “un Estado social y democrático de derecho, plurinacional, intercultural y ecológico”, constituido como “una República solidaria”, con una “democracia paritaria”, que “reconoce como valores intrínsecos e irrenunciables la dignidad, la libertad, la igualdad

«Не очевидно, что нынешние события приведут к преодолению устоявшегося порядка»

sustantiva de los seres humanos y su relación ineludible con la naturaleza”, estableciendo que “es deber del Estado generar las condiciones necesarias y proveer los bienes y servicios para asegurar el igual goce de los derechos y la integración de las personas en la vida política, económica, social y cultural para su pleno desarrollo”, significa la posibilidad de que en algún momento la población exija la realización práctica de estos principios y derechos. Como siempre, esto no dependerá de la letra de la Constitución sino de la capacidad del pueblo, especialmente de la clase trabajadora, de defender sus intereses frente a las pretensiones de hacer que dichos principios no sean más que una simple retórica de efectos sedativos.

— **¿Cuáles, a Su juicio, deberían ser las iniciativas de impacto público que hagan una diferencia bien marcada entre la actual izquierda gobernante y las nefastas experiencias de los gobiernos de la Concertación/Nueva Mayoría?**

— Algunas de estas medidas están consignadas en el programa de la coalición Apruebo Dignidad. Se trata, por ejemplo, del derecho de los trabajadores a la negociación colectiva intersectorial, esto es, más allá de los marcos de una empresa, que es la restrictiva norma actual. Sin embargo, la mayoría de las medidas que podrían marcar una diferencia nítida respecto a lo que fueron los gobiernos de la Concertación/Nueva Mayoría no están o han dejado de estar en dicho programa. El actual gobierno no se propone realizar nacionalizaciones, de ningún sector estratégico de la economía para proveer al Estado los recursos que se necesitan para financiar el debido cumplimiento de los derechos sociales prometidos en la campaña electoral. Tampoco se vislumbra un aumento sustantivo del poder adquisitivo de los sectores populares y medios, pues la prometida alza del salario mínimo a \$500.000 mensuales será escalonada en cuatro años, período en el cual la creciente inflación habrá anulado su efecto positivo. La persistencia de la crisis económica y las medidas antiinflacionarias — como la desmesurada elevación de las tasas de interés decretada por el Banco Central con el beneplácito del actual gobierno — tenderán a rebajar el nivel de vida no solo de los más pobres sino también de la mayoría de las capas medias. Por otro lado, el marcado giro conservador del gobierno de Boric se ve reflejado en su política ante los órganos represivos de Estado, en particular respecto de la desprestigiada y detestada policía de Carabineros de Chile, autora de innumerables violaciones a los Derechos Humanos, antes, durante y después del “estallido social”, además de cuantiosos fraudes y robos a las arcas fiscales. Boric abandonó su promesa de “refundación” de esta policía, cambiándola luego por “reformas” y en vísperas de asumir su cargo presidencial por “mejoras”. Una vez en el gobierno, su ministra del Interior, Izkia Siches, ha multiplicado las declaraciones y gestos de apoyo hacia esta institución policial, reforzando su capacidad represiva. Hasta ahora no se avizoran cambios en el comportamiento de los uniformados ante las protestas y movilizaciones sociales, lo que pone en evidencia el continuismo y no diferenciación en este plano con los anteriores gobiernos de “centroizquierda”, ni tampoco con los de la derecha clásica. Otra medida que podría marcar una diferencia importante con respecto a los

gobiernos concertacionistas y de la Nueva Mayoría, sería la instauración de un verdadero sistema de seguridad social (pensiones), en base a los principios defendidos por el movimiento No más AFP, y de un sistema nacional de salud que, garantice atención médica oportuna, gratuita y de calidad conforme a los estándares de los Estados benefactores. No obstante, las ambigüedades e incertidumbre rodean estas y otras promesas, lo que se agrava por las dificultades económicas, la debilidad política de la coalición gobernante (no tiene mayoría en el Congreso Nacional) y la intransigencia de los sectores reaccionarios. La sombra de un gobierno tipo Concertación 3.0 se cierne sobre la administración de Boric.

— **Lo más sobresaliente en las experiencias políticas de la izquierda chilena en el siglo XX fueron las alianzas entre las principales fuerzas políticas de entonces (Partido Socialista, Partido Comunista). ¿Podría considerarse a la actual unidad política del sector — Frente Amplio y Apruebo Dignidad — como una opción con proyecciones similares? ¿Cuáles serían los problemas pendientes de superar? ¿Cree Usted que la experiencia del gobierno de Boric aportará algo al futuro de la izquierda tanto chilena como regional?**

— En este aspecto casi no hay punto de comparación entre lo sucedido durante buena parte del siglo XX y la situación actual. Entre mediados de la década de 1930 y comienzos de la de 1970, el Partido Socialista y el Partido Comunista se levantaron como poderosas organizaciones que, en conjunto, alcanzaban la representación política mayoritaria de los trabajadores y de otros sectores populares. Ambos partidos hoy están muy disminuidos en este plano, especialmente el Partido Socialista por su largo compromiso con las políticas neoliberales, aunque mantiene una representación parlamentaria importante y ha logrado introducir a varios de sus dirigentes al nuevo gobierno sin integrar formalmente, la coalición de Boric. Por otra parte, el posicionamiento bastante conservador de los socialistas en la Convención Constitucional ha significado un nuevo alejamiento entre estos partidos que, por lo demás, no son el eje del nuevo gobierno. De modo que nada indica que entre el Partido Comunista y el Partido Socialista pueda concretarse una alianza estrecha que sirva de base para la “unidad de la izquierda”, tanto por la pérdida de representatividad (otros sectores han entrado a disputar su hegemonía de antaño), como por la fragilidad de la alianza contraída entre el Partido Comunista y el Frente Amplio. Si el gobierno de Boric confirma y acentúa una orientación conservadora, el Partido Comunista se verá fuertemente tensionado en su interior y, de no mediar un claro distanciamiento frente a políticas antipopulares, corre el riesgo de perder el apoyo y la representación de los sectores que lo perciben como la izquierda de la coalición gobernante. Es probable que la experiencia del gobierno de Boric se inscriba en una línea de continuidad con la mayoría de los gobiernos “progresistas” latinoamericanos de las últimas décadas que suscitaron grandes esperanzas, implementaron algunas reformas, especialmente políticas redistributivas, pero que no se alejaron de los modelos extractivistas ni alteraron de manera durable la distribución del poder.

«Не очевидно, что нынешние события приведут к преодолению устоявшегося порядка»

“It is not said that the current events will lead to the effective overcoming of the current order”

Abstract: The Chilean last three years' events have aroused great interest. For not only has there been a social uprising that shook the prevailing neoliberal system. Reorganization of the political forces has been taking place. New actors from the social world have rushed into political life and a left-wing coalition headed by Gabriel Boric has come to power. In order to address these events and understand their causes, we have interviewed the prominent Chilean historian **Sergio Grez Toso**, who sheds light upon possible clues about the current Chilean situation.

Key words: social outbreak, new constitution, new government, correlation of political forces, Chile.

Interview recorded Manuel Loyola, investigator of the history department of the University Finis Terrae, Santiago (manuel.loyola@gmail.com)

DOI: 10.31857/S0044748X0020412-2

Received 20.03.2022.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЧИТАННОМ

Арели Роблес Эррера, М.Л.Бежиашвили Российский взгляд на историю Колумбии

История Колумбии. С древнейших времен до начала XXI века. Отв. ред. Ивановский З.В., Щелчков А.А. М.: Наука, 2022, 741 с.

Представляем вниманию читателей рецензию на труд коллектива российских авторов, подготовивших всеобъемлющее исследование по истории Колумбии. Авторы рецензии поясняют значимость книги для отечественной и мировой историографии, рассматривают основные проанализированные в ней темы.

Ключевые слова: Колумбия, история, латиноамериканистика, историография.

DOI: 10.31857/S0044748X0020413-3

Рецензия получена в редакции 21.01.2022.

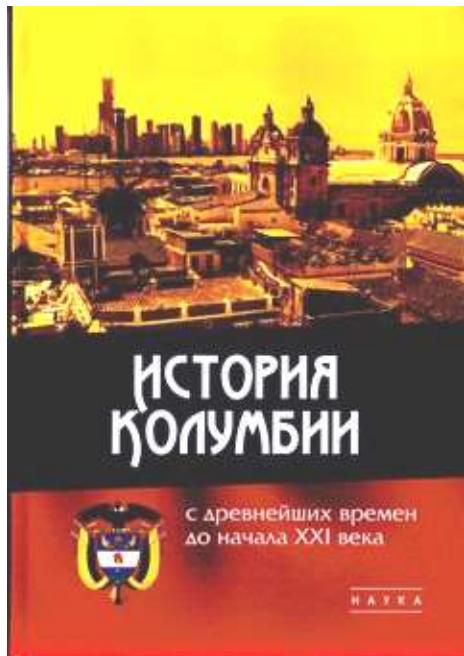
Как это ни парадоксально, но российская латиноамериканистика на протяжении десятилетий не пополнялась исследованием, посвященным общей истории одной из крупнейших южноамериканских стран — Колумбии. Уже классическими стали написанная 40 лет назад работа советского ученого и дипломата Семена Гонионского [1], а затем две важные монографии Нины Ильиной [2; 3]. На изучении древнейших цивилизаций региона еще в 1960-е годы была сфокусирована работа Светланы Созиной [4]. Четверть века тому назад серьезным вкладом в описание исторического, политического и социально-экономического развития андской страны стало исследование Збигнева Ивановского [5] — одного из известных отечественных специалистов по Колумбии. В последующие годы вышли в свет и другие его работы [6; 7], а также появились значимые статьи и книги Андрея Щелчкова [8; 9; 10], Марины Чумаковой [11], Виктора Хейфеца и Лазаря Хейфеца [12; 13; 14], Василия Казакова [15], Людмилы Ивкиной [16], посвященные, однако, лишь отдельным аспектам колумбийской истории.

Арели Роблес Эррера — старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (РФ, 190000 Санкт-Петербург, Большая Морская ул., 67, arely_robles@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-3229-0829>); Мария Леонидовна Бежиашвили — старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (РФ, 190000 Санкт-Петербург, Большая Морская ул., 67, enapiter@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3898-8566>).

Между тем в Колумбии происходили значимые процессы, заметно выделившие ее в сравнении с южноамериканскими соседями. Нельзя не согласиться с авторами рецензируемого труда, отмечающими во введении, что в культовом романе знаменитого колумбийского писателя Габриэля Гарсия Маркеса «Сто лет одиночества» очень точно описана «реальность этой далекой страны, раздделенной, «фрагментированной», раздробленной, но при этом составляющей единое целое, единый организм, живущий богатой и разнообразной жизнью» (с. 3). История Колумбии давно находилась в центре внимания мировой латиноамериканистики как ввиду уникальности происходящих там событий, так и в силу того, что ряд этих событий (эволюция партийно-политической системы, завершение гражданской войны посредством мирного договора, сложное, но не прекращающееся включение бывших боевиков в политическую систему и социальную жизнь) весьма значимы для многих стран, либо имевших подобный опыт в прошлом, либо переживающих их сейчас и, увы, сталкивающихся с проблемой масштабного внутреннего насилия. Выявление и осознание данной специфики — важнейшая ступенька на пути понимания общелатиноамериканской исторической и политической эволюции. Страницы прошлого Колумбии временами пересекались и с важными эпизодами истории российского государства.

В зарубежной историографии (прежде всего благодаря вкладу самих колумбийцев — в частности Марко Паласиоса и Эдуардо Посады) уже есть целый ряд фундаментальных работ, где детально исследуется история Колумбии [17; 18; 19; 20; 21]. С выходом труда российских ученых (под общей редакцией З.В.Ивановского и А.А.Щелчкова) отечественная латиноамериканистика сделала серьезную конкурентную заявку, внеся существенный вклад в изучение колумбийского прошлого и современности этой страны. Столь масштабного научного труда, посвященного колумбийской истории, — с точки зрения охвата тематики и хронологии — до сих пор написано не было. И поэтому можно сказать, что российские ученые совершили настоящий научный подвиг. Интересно, что среди авторов есть москвичи, петербуржцы и новосибирцы, т.е. работа получилась общенациональной.

В нескольких главах фундаментальной монографии авторы обращаются к анализу таких тем, как доколумбовы цивилизации, существовавшие на территории нынешней страны, завоевание индейских земель испанцами, создание и развитие колониального общества (время, ставшее периодом образования метисно-креольской нации), формирование и эволюция системы представительной демократии в рамках двухпартийной системы. В рамках этой системы либеральная и консервативная партии доминировали на протяжении почти всей истории страны, и она оказалась уникальной даже по латиноамериканским меркам. Не меньший интерес ученых вызвали периодические попытки третьих сил бросить вызов гегемонии либерально-консервативного тандема. Значительная часть книги посвящена Войне за независимость, в результате которой на континенте образовались

Арели Роблес Эррера, Мария Бежиашвили

новое государство и новая нация, которой еще предстояло осознать себя как отдельному народу.

Колумбийская политическая система, являющаяся, по оценке авторов рецензируемого труда, «примером одной из самых устойчивых демократий континента» (с. 5), в то же время не смогла предотвратить кровопролитные гражданские конфликты и войны, по размаху и продолжительности которых равных в регионе почти не было (за исключением, может быть, мексиканской революции 1910—1917 гг.). Вопрос о феномене политического насилия и многочисленных попытках достигнуть мира (что произошло лишь во второй декаде текущего столетия) также оказался в поле зрения авторов «Истории Колумбии». Насилие (как стихийное, так и институционализированное) и гражданские войны исследуются, в том числе, в контексте их роли в формировании национальной идентичности.

Авторы последовательно излагают историю Республики Новой Гранады (Колумбии) и в XIX столетии — время бесконечного социально-политического экспериментирования, гражданских войн и выработки механизмов согласия, достижения компромиссов между разными политическими силами, — и в XX в., когда прежнее патриархальное и аграрное общество стремительно трансформировалось в страну городов, университетов и фабрик, а также пережило трагедию виоленсии, и в начале XXI в. ознаменовалось попыткой построить постконфликтное общество.

Отдельного упоминания заслуживает внимание исследователей к сущности и эволюции колумбийских политических партий. Авторы обратились к истории и анализу либеральной революции середины XIX в., к вопросу влияния утопического социализма и установления «республики ремесленников» в Боготе. Они подробно изучили и описали историю колумбийского консерватизма, который в течение примерно 200 лет сохранял масштабное влияние в стране, показали идейное разнообразие этого течения, в котором можно обнаружить как «традиционное» клерикально-охранительное направление, так и тех, кто придерживался практически социалистических взглядов.

Авторы рассматриваемой работы подробно проанализировали феномен национального левого движения, проделавшего уникальный путь от революционного социализма к коммунистической партии (ориентировавшейся на Москву и Коминтерн), а затем существенно изменившего свой вектор: начиная с 1950-х годов в стране укрепляются позиции различных троцкистских, а также прокитайских и прокубинских групп, часть левых сил долго сохраняла приверженность ортодоксальной марксистско-ленинской модели, тогда как другие совершили серьезный рывок в направлении социал-демократии, экологизма и понимания универсальности ряда общественных ценностей. В настоящий момент, когда левые, впервые за десятилетия, всерьез претендуют на победу на президентских выборах, особенно важно понять, что именно в длительной истории страны позволяет им достичь новых и значимых позиций в политической системе Колумбии. Интересно, что, хотя исследователи колумбийской истории сталкиваются с проблемой нехватки архивных документов (огромная их часть была утрачена в ходе событий «боготасо» и начавшейся потом гражданской войны), история левого движения — удачное исключение ввиду сохранившихся в Москве документов по истории Революционной социалистической партии (*Partido Socialista Revolucionario de Colombia, PSRC*) и Коммунистической партии Колумбии (*Partido Comunista de Colombia, Partido Comunista Colombiano, PCC*).

Весьма интересно и подробное исследование авторами опыта партизанской войны в Колумбии (сделан обстоятельный анализ истории Революционных вооруженных сил (*Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia, FARC*), Армии национального освобождения (*Ejército de Liberación Nacional, ELN*), Народно-освободительной армии (*Ejército Popular de Liberación, EPL*), Движения 19 апреля

(*Movimiento 19 de Abril, M-19*), по окончании которой последовали умиротворение и демократический транзит, отнюдь не завершенный и сегодня.

Внутриполитическое развитие Колумбии тесно связано в нескольких главах с внешней политикой страны и ее вовлеченностью в региональные и глобальную системы международных отношений.

Особо отметим, что авторы книги описывают не только «официальную», «институционализированную» историю Колумбии, но и показывают ее с точки зрения повседневной жизни обычных колумбийцев, анализируют роль региональной истории в формировании общественно-политической мысли и общенациональных политических проектов. Читатели издания увидят историю Колумбии как понастоящему мультиэтничной страны, как нации, пережившей ряд не только социальных, но также расовых и этнических конфликтов, столкнувшейся с необходимостью переформулирования идентичности и самосознания после утраты части территории, что стало результатом влияния и внутренних, и внешних факторов. При этом повествование доведено почти до наших дней, и читатели могут ознакомиться не только с историей андского государства, но и с тем, как сегодняшняя Колумбия активно участвует в латиноамериканских и глобальных интеграционных проектах, в деятельности международных организаций, оценить, насколько смелым и удачным оказался прыжок «латиноамериканской пумы».

Российские латиноамериканисты сделали смелую заявку, пообещав продемонстрировать на страницах своей работы новый подход к историческим процессам, происходившим в Колумбии, отказавшись от идеологизированного подхода ряда предшественников и ограниченности позитивистского нарратива. Исследуя огромный хронологический пласт исторических процессов со времен доиспанской Колумбии вплоть до наших дней, авторы рецензируемой книги последовательно реализовали позитивную критику различных историографических школ. Кстати, масштабный промежуток времени, проанализированный в этом научном труде, выгодно отличает исследование российских ученых от большинства существующих в колумбийской историографии работ по общей истории страны (исключением является издание под редакцией Р.М.Гранадоса [22]): в поле зрения оказалась вся история Колумбии, не только со временем испанской конкисты и колонизации, но и доиспанский период, а также современность.

То, что в написании «Истории Колумбии» участвовали более десятка авторов, позволило им осуществить предметный анализ конкретных научных тем, при этом все главы выдержаны в рамках общих методологических подходов.

Вдумчиво изучая сотни страниц рецензируемого фундаментального труда, читатель без труда сможет увидеть, что ученым удалось воссоздать целостную картину событий, происходивших в Колумбии на протяжении столетий, сформировать комплексный взгляд на такой непростой объект историографических «штук», как колумбийская история. Авторы работы оставляют в стороне сложившиеся стереотипы о Колумбии как исключительно о стране кофе, наркотрафика и бесконечных войн, которая может быть интересна лишь творчеством писателя Г.Гарсиа Маркеса и живописца Фернандо Ботero. Российские латиноамериканисты представили широкую панораму богатого событиями прошлого и настоящего Колумбии. Нет никаких сомнений в том, что книга будет интересна и историкам, и политологам, и экономистам, а также специалистам в области культуры, международных отношений и российско-латиноамериканских связей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Гонионский С.А. Колумбия. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1973, 384 с. [Goniionski S.A. Kolumbiia. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Colombia: Historical and Ethnographical Essays]. Moscow, Nauka, 1973, 384 p.]

2. Ильина Н.Г. Колумбия: от колонии к независимости. 1781-1819 гг. М.: Наука, 1976, 327 с. [Ilyina N.G. Kolumbiia: ot kolonii k nezavisimosti. 1781-1819 gg. [Colombia, from the colony to the independent nation. 1781-1819]. Moscow, Nauka, 1976, 327 p.
3. Ильина Н.Г. Политическая борьба в Колумбии (1946-1957). М.: Наука, 1968, 246 с. [Ilyina N.G. Politicheskaya borba v Kolumbii (1946-1957) [Political Struggle in Colombia (1946-1957)]. Moscow, Nauka, 1968, 246 p.
4. Созина С.А. Муиски — еще одна цивилизация древней Америки, М.: ИЛА АН СССР, 1969, 200 с. [Sozina S.A. Muiski – eschio odna tsivilitsatsiia drevnei Ameriki [Muiscas, one more civilization of ancient America]. Moscow, ILA AN SSSR, 1969, 200 p.
5. Ивановский З.В. Колумбия: государство и гражданское общество. Опыт экономических и политических реформ в условиях нестабильности. М.: ИЛА РАН, 1997, 294 с. [Iwanowski Z.V. Kolumbiia: gosudarstvo i grazhdanskoie obschestvo. Opty ekonomicheskikh i politicheskikh reform v usloviiakh nestabilnosti [Colombia: state and civil society. The experience of economic and political reforms in the circumstances of instability]. Moscow: ILA RAN, 1997, 294 p.
6. Ивановский З.В. Мирный процесс и вызовы постконфликтного периода. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2020, т. 64, № 1, сс. 110-118 [Iwanowski Z.V. Mirnyi protsess i vyzovy postkonfliktного perioda [Pacific protests and challenges of the post-conflict period]. *Mirovaya ekonomika I mezhdunarodnye otoshenia*. Moscow, 2020, Vol. 64, N 1, pp. 110-118.
7. Ивановский З.В. Реальная политика и избирательные стратегии Колумбии. *Латинская Америка*. М., 2014, № 11, сс. 17-39 [Iwanowski Z.V. Realnaia politika i izbiratelnye strategii Kolumbii [Real politics and electoral strategies in Colombia]. *Latininskaya Amerika*. Moscow, 2014, N 11, pp. 17-39.
8. Щелчков А.А. Либеральная революция и «плебейская республика» в Колумбии. 1949-1954. М.: ИВИ РАН, 2012, 257 с. [Schelchkov A.A. Liberalnaya revolutsiia y “plebeiskaiia respublika” v Kolumbii. 1949-1954 [Liberal Revolution and “Plebeian Republic” in Colombia. 1949-1954]. Moscow: IVI RAN, 2012, 257 p.
9. Щелчков А.А. Мануэль Мария Мадьедо – колумбийский консерватизм и христианский социализм. *Латиноамериканский исторический альманах*. М., 2015, № 15, сс. 235-242 [Schelchkov A.A. Manuel Maria Madiedo – kolumbiiskii konservativizm i khristianskii sotsializm [Manuel Maria Madiedo: Colombian Conservatism and Christian Socialism]. *Latinoamerikanskii istoricheskii almanakh*. Moscow, 2015, N 15, pp. 235-242.
10. Щелчков А.А. Соблазненные силой: движение «леопардов» - фашизм в колумбийской политике (1920-1930-е годы). ЭНОЖ «История». М., 2019, Вып. 5, сс. 76-89. DOI: 10.31857/S0044748X0004722-3 [Schelchkov A.A. Soblaznennye siloi: dvizheniie “leopardov” – fashizm v kolumbiiskoi politike [Seduced by Power: Leopards Movement and Fashizm in Colombian Politics]. *ENOZH “Istoriya”*. Moscow, 2019, N 5, pp. 76-89.
11. Чумакова М.Л. Колумбийская драма. Разлом общества, эскалация террора, поиски мира. М.: ИЛА РАН, 2002, 292 с. [Chumakova M.L. Kolumbiiskaya drama. Razlom obschestva, eskalatsiia terrora, poiski mira [Colombian drama. The fracture of society, escalation of terror and search for peace]. Moscow: ILA RAN, 2002, 292 p.
12. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Коминтерн и формирование Компартии Колумбии – *Латинская Америка*. М., 2008, № 5, сс. 41-61 [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Komintern i formirovaniie Kompartii Kolumbii [The Comintern and the formation of the Communist Party of Colombia]. *Latininskaya Amerika*. Moscow, 2008, N 5, pp. 41-61.
13. Kheyfets, V., Kheyfets, L. El Partido Comunista Colombiano, desde su fundación y orientación hacia la "transformación Bolchevique". Varios episodios de la historia de relaciones entre Moscú el comunismo colombiano. *Anuario colombiano de historia social y de la cultura*. Bogotá, 2001, N 28, pp. 7-37.
14. Хейфец В.Л. Эволюция российско-колумбийских отношений. *Актуальные проблемы экономики и управления*. СПб., 2019, № 24 (4), сс. 140-149 [Jeifets V.L. Evolutsiia rossiisko-kolumbiiskikh otnoshenii [The evolution of Russian-Colombian Relations]. *Aktualnye problem ekonomiki i upravleniya*. Saint-Petersburg, 2019, N 24 (4), pp.140-149.
15. Казаков В.П. Тысячедневная война. *Латиноамериканский исторический альманах*. М., 2018, № 19, сс. 65-80 [Kazakov V.P. Tysiachchednevnaia voina [The War of One Thousand Days]. *Latinoamerikanskii istoricheskii almanakh*. Moscow, 2018, N 19, pp. 65-80.
16. Ивкина Л.А. Гражданская война 1859–1862 гг. в Колумбии. *Латиноамериканский исторический альманах*. М., 2019, № 21, сс. 253-264 [Ivkina L.A. Grazhdanskaya voyna 1859-

- 1862 gg. v Kolumbii [The Civil War of 1859-1862 in Colombia]. *Latinoamerikanskii istoricheskii almanakh*. Moscow, 2019, N 21, pp. 253-264.
17. Palacios M., Safford F. Colombia. País fragmentado, sociedad dividida. Su historia. Bogotá: Norma, 2002.
18. Posada E. (ed.). Colombia. Madrid: Mafre, 2015.
19. Academia Colombiana de Historia. Historia extensa de Colombia. 41 vols. Bogotá: Ediciones Lerner, 1965-1986.
20. Ocampo López J. El proceso ideológico de la emancipación en Colombia. Colección La Línea de Horizonte. Bogotá: Editorial Planeta, 1999.
21. Rivadeneira Vargas A.J. Historia constitucional de Colombia 1510-2000. Tunja: Editorial Bolivariana Internacional, 2002.
22. Granados, R.M. Historia general de Colombia: prehistoria, conquista, colonia, independencia y República. Bogotá: Imprenta Departamental Antonio Nariño, 1978.

Areli Robles Herrera (arely_robles@yahoo.com)

Senior lecturer at the Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Bolshaya Morskaya, 67, 190000 Saint-Petersburg, Russian Federation

Maria Leonidovna Bezhishvili (enapiter@gmail.com)

Senior lecturer at the Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Bolshaya Morskaya, 67, 190000 Saint-Petersburg, Russian Federation

Russian view on the history of Colombia

[Review of the book История Колумбии. С древнейших времен до начала XXI

века. Отв. ред. Ивановский З.В., Щелчков А.А. М.: Наука, 2022. 741 с.

[In Russ]

Abstract: The text contains the review of a collective monograph published by a team of Russian authors who prepared a comprehensive study of the history of Colombia. The author of the review explains the significance of the monograph for Russian and world historiography, and points to the main topics analyzed in the monograph.

Key words: Colombia; Latin American studies; Historiography.

DOI: 10.31857/S0044748X0020413-3

Received 21.01.2022.

Прием в аспирантуру ИЛА РАН

Институт Латинской Америки РАН объявляет прием в аспирантуру на контрактной основе по научным специальностям (страны Латинской Америки, Испания и Португалия):

- 5.2.5. мировая экономика;
- 5.5.2. политические институты, процессы, технологии;
- 5.5.4. международные отношения.

Аспирант в течение 3-летнего срока обучения дополнительно получает:

- условия для изучения и совершенствования испанского и английского языков;
- доступ к уникальным библиотечным фондам ИЛА РАН и информационным базам;
- возможность участия в крупных международных форумах;
- перспективу трудоустройства в ИЛА РАН.

Прием документов — с 1 по 30 сентября 2022 г.

Прием вступительных экзаменов — октябрь 2022 г. по дисциплинам: философия, иностранный язык, специальность.

Адрес института: 115035 Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16

Телефон для справок: (495) 951-53-23

Факс: (495) 953-40-70

E-mail: congreso-ila@mtu-net.ru, ilaran@ilaran.ru

Для поступления в аспирантуру необходимо представить следующие документы:

- заявление на имя директора института о приеме в аспирантуру с указанием научной специальности;
- личный листок по учету кадров (заполняется в институте);
- научный реферат объемом не более 20-25 машинописных листов (размер шрифта — 14) по теме в соответствии с избранной специальностью. Если имеются опубликованные научные работы по специальности такого же объема, то они представляются вместо реферата;
- копия диплома об окончании высшего учебного заведения (диплом специалиста или диплом магистра) с приложением;
- 2 фотографии (3x4);
- копия второй, третьей и пятой страниц паспорта.

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РАН

реализует свои книги через

Межиздательский дистрибуторский центр при издательстве

Тел.: +7 (499) 135-42-46, +7 (499) 135-44-23

E-mail: urss@urss.ru · <http://urss.ru>

УРСС

- Латинская Америка: испытания демократии. Вопросы политической модернизации. В 2-х частях. Отв. ред. Чумакова М.Л.
- Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце XX — начале XXI веков. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Мексика: парадоксы модернизации. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены.
- Латинская Америка на пути экономической модернизации. Отв. ред. Симонова Л.Н.
- БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Ермольева Э.Г. Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени.
- Иберо-американская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Португалия: эпоха перемен. Отв. ред. Яковлева Н.М.
- Ивановский З.В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры (справочник).
- Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама. Отв. ред. Ивановский З.В.
- Латинская Америка на мировом рынке продовольствия. Отв. ред. Яковлев П.П.
- Яковлева Н.М. Португалия: история политической модернизации.
- Современная культура Испании и Португалии: полилог традиций. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. Отв. ред. Сударев В.П., Симонова Л.Н.
- Современная организованная преступность в Латинской Америке и в странах Карибского бассейна. Отв. ред. Мартынов Б.Ф.
- Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций. Отв. ред. Яковлева Н.М.
- Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки. Отв. ред. Симонова Л.Н.
- Политические конфликты в Латинской Америке. Отв. ред. Ивановский З.В.
- Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства.
- Война США против Мексики. Постфактум. Спустя 170 лет.
- Куба накануне смены поколений. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Куба Sí. 60 лет Революции. Отв. ред. Калашников Н.В.
- Иberoамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Давыдов В.М. Перспектива устойчивого развития в новом глобальном и региональном контексте.
- Кодзоев М.А.-М. США — Куба: эхо холодной войны.
- Яковлев П.П. Глобальные головоломки: Иberoамерика в меняющемся мире.
- Испания в новой национальной и международной реальности. Отв. ред. Яковлев П.П., Куракина-Дамир А.А.
- Латинская Америка в системе международных экономических отношений. Отв. ред. Симонова Л.Н.
- Никарагуа: эволюция революции. Серия «Саммит». Отв. ред. Давыдов В.М.
- Гордиев узел венесуэльского кризиса. Серия «Саммит». Отв. ред. Давыдов В.М.
- Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям. Отв. ред. Давыдов В.М.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

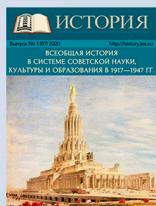
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

- История
- Философия
- Политология
- Социология
- Международные отношения
- Зарубежное регионоведение
- Востоковедение и африканистика
- Психология
- Культурология
- Археология
- Менеджмент
- Юриспруденция
- Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

E-mail: info@gaugn.ru

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

vk.com/gaugn

gaugn.ru

Уважаемые читатели!

Институт Латинской Америки РАН
планирует в 2022 г. выпустить в свет следующие книги:

- Ибероамерика: роль культуры в формировании и эволюции национальной идентичности. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Испания: трудный выбор в условиях неопределенности. Серия "Саммит".
Отв. ред. Давыдов В.М.

**По вопросам приобретения через систему «Книга почтой»
обращаться в Институт Латинской Америки
(E-mail: iberoamerica@ilaran.ru, факс 953-40-70);
в Издательство УРСС (тел: (499) 135-44-23, E-mail: urss@urss.ru),
а также в магазины:**

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 925-2457); «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242); «Аргумент» (м. Университет, 2 гум. корп. МГУ. Тел. (495) 939-2206); Киоск МГИМО, Пр-т Вернадского, 76; «Фаланстер» (Малый Гнездниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21);
Киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (8-964-630-14-34)

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
ежемесячный научный и общественно-политический
журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110358 от 02.03.1993 г.)

Адрес редакции журнала «Латинская Америка»: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21;
тел. (495) 951-01-67; факс (495) 953-40-70; e-mail: revistala@mtu-net.ru